

Вестник

ЧЕЛЯБИНСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 1994-2796 (print)
ISSN 2782-4829 (online)
doi 10.47475/1994-2796

НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ

MONTI BVSELSIN
IOIACIABATCORI
CRUDELSALEXINI
CARMINLNOTRI
REFORMA FDNVN
MONTI BVSELSIN
IOIACIABATCORI
CRUDELSALEXINI
CARMINLNOTRI

10 / 2023



УЧРЕДИТЕЛЬ

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Челябинский государственный университет»

Главный редактор

Таскаев Сергей Валерьевич — доктор физико-математических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-6352-2816; Scopus Author ID: 55886287900;
ResearcherID: AAU-9890-2021

Ответственный секретарь

Майоров Андрей Владимирович — доктор юридических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0002-8629-9837; Scopus Author ID: 55629771300;
ResearcherID: AAK-3612-2021

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Болдырев Николай Николаевич, доктор филологических наук, профессор (Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, Россия); **Бубнов Юрий Александрович**, доктор философских наук (Воронежский государственный университет, Россия); **Бузгалин Александр Владимирович**, доктор экономических наук, профессор (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, Россия); **Голованова Елена Иосифовна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Желтухина Марина Ростиславовна**, доктор филологических наук, профессор (Волгоградский государственный социально-педагогический университет, Россия); **Качалов Роман Михайлович**, доктор экономических наук, профессор (Центральный экономико-математический институт РАН, Россия); **Невелев Анатолий Борисович**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Нижегородцев Роберт Михайлович**, доктор экономических наук (Институт проблем управления РАН, Россия); **Питина Светлана Анатольевна**, доктор филологических наук, профессор (Челябинский государственный университет, Россия); **Попов Евгений Васильевич**, доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН (Уральский институт управления — филиал РАНХиГС, Россия); **Эндер Демир**, Университет Рейкьявика (Рейкьявик, Исландия); **Ж. Ришар**, PhD, профессор университета Париж-Дофин (Франция).

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Главный редактор

Невелев Анатолий Борисович — доктор философских наук, профессор
(Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-7037-0574;

Ответственный секретарь

Камалетдинова Альфия Янаховна — кандидат педагогических наук, доцент
(Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия);
ORCID: 0000-0001-9631-620X.

Редакционная коллегия

П. Е. Бойко (Краснодар, Россия), **Н. В. Бряник** (Екатеринбург, Россия), **Ю. А. Бубнов** (Воронеж, Россия), **В. И. Гладышев** (Челябинск, Россия), **В. А. Жилина** (Магнитогорск, Россия), **В. И. Ионесов** (Самара, Россия), **Н. С. Кирабаев** (Москва, Россия), **В. С. Невелева** (Челябинск, Россия), **Р. Уадлоу** (Женева, Швейцария), **Г. Тромпф** (Сидней, Австралия), **Н. Л. Худякова** (Челябинск, Россия), **М. Н. Щербинин** (Тюмень, Россия).

Журнал включен в перечень рецензируемых научных журналов,
утвержденный ВАК Минобрнауки РФ, по отраслям:
экономические науки, филологические науки, философские науки.

Издание включено в базы данных: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

Журнал выходит 12 раз в год

Адрес издателя:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции:
Россия, 454001, Челябинск,
ул. Братьев Кашириных, 129

Адрес редакции научного
направления «Философские науки»:
Россия, 454014, Челябинск,
ул. Ворошилова, 4а, каб. 102
Тел.: (351) 799-72-75
e-mail: filos@csu.ru

С требованиями к оформлению
статей можно ознакомиться на сайте
<http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU>

Редакция журнала может
не разделять точку зрения авторов
публикаций

Ответственность за содержание
статей и качество перевода
аннотаций несут авторы публикаций

Журнал зарегистрирован
в Роскомнадзоре.
Свидетельство ПИ № ФС77-66312
Индекс 33077
в каталоге «Пресса России»

Корректура *М. В. Трифионовой*
Верстка *М. В. Трифионовой*

Подписано в печать 13.11.23.
Выход в свет 20.11.23.
Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Усл. печ. л. 11,0.
Уч.-изд. л. 9,3.
Тираж 500 экз. Заказ 509.
Цена свободная

Отпечатано:
Издательство Челябинского
государственного университета
Россия, 454021, Челябинск,
ул. Молодогвардейцев, 576



Philosophy Sciences

Issue 70

FOUNDER

Chelyabinsk State University (CSU)

Editor-in-chief

S. V. Taskaev, Dr. Sci. (Physics and Mathematics), Prof. (Assoc.)

Executive secretary

A. V. Mayorov, Dr. Sci. (Law), Prof. (Assoc.), Member of ASEP

EDITORIAL COUNCIL

N. N. Boldyrev, Dr. Sci. (Philology), Prof. (G. R. Derzhavin Tambov State University, Russia); **Y. A. Bubnov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Voronezh State University, Russia); **A. V. Buzgalin**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Lomonosov Moscow State University, Russia); **E. I. Golovanova**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **M. R. Zheltukhina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia); **R. M. Katchalov**, Dr. Sci. (Economics), Prof. (Central Economics and Mathematics Institute of RAS, Russia); **A. B. Nevelev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **R. M. Nizhegorodtsev**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof. (Institute of Control Sciences of RAS, Russia); **S. A. Pitina**, Dr. Sci. (Philology), Prof. (Chelyabinsk State University, Russia); **E. V. Popov**, Dr. Sci. (Philosophy), Prof., Corresponding Member of RAS (Ural Institute of Management — branch of RANEP, Russia); **E. Demir**, PhD, University of Reykjavik, (Reykjavik, Iceland); **J. Richard**, PhD, Prof. (Paris-Dauphine University, France).

PHILOSOPHY SCIENCES

Editor-in-chief

A. B. Nevelev, Dr. Sci. (Philosophy), Prof.
(Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia)

Executive secretary

A. Ya. Kamaletdinova, Cand. Sci. (Pedagogy), Prof. (Assoc.)
(Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia)

Editorial board

P. E. Boyko (Krasnodar, Russia), **N. V. Bryanik** (Yekaterinburg, Russia), **Yu. A. Bubnov** (Voronezh, Russia), **V. I. Gladyshev** (Chelyabinsk, Russia), **V. A. Zhilina** (Magnitogorsk, Russia), **V. I. Ionesov** (Samara, Russia), **N. S. Kirabaev** (Moscow, Russia), **V. S. Neveleva** (Chelyabinsk, Russia), **R. Wadlow** (Geneva, Switzerland), **G. Trompf** (Sydney, Australia), **N. L. Khudyakova** (Chelyabinsk, Russia), **M. N. Shcherbinin** (Tyumen, Russia).

The journal is included into the list of peer-reviewed journals, approved by the State Commission for Academic Degrees and Titles of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation, in the following branches of knowledge: Economic Sciences, Philological Sciences, and Philosophical Sciences.

This journal is currently listed in: UlrichsWeb Global Serials Directory;
EBSCO's research collections.

The journal is published
12 times per year

Address of Publisher:
129 Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

Editorial office's address:
129, Bratiev Kashirinykh St.,
Chelyabinsk, 454001, Russia

"Philosophy Sciences" editorial
office's address:
of. 102, 4a Voroshilov St.,
Chelyabinsk, 454014, Russia
Telephone: + 7(351) 799-72-75
e-mail: filos@csu.ru

All the requirements
are available on the web-site
[http://journals.csu.ru/index.php/
BulletinCSU](http://journals.csu.ru/index.php/BulletinCSU)

The Editorial Board may not share
the views of the authors

Authors are responsible
for the article content and quality
of annotations' translation

Academic periodical
is registered
in Federal Supervision Agency
for Information Technologies and
Communications
Certificate ПИИ № ФЧ77-66312

Index 33077
in the "Press of Russia" catalog

Proofreader *M.V. Trifonova*
Imposition by *M.V. Trifonova*

Approved for printing 13.11.23.
Date of publication 20.11.23.
Format 60×84 1/8. Litho paper.
Font Times.
Conventional print. sh. 11,0.
Ac.-publ. sh. 9,3.
Circulation 500 copies.
Order 509. Open price

Printed:
Publishing Office
of Chelyabinsk State University
57b Molodogvardeitsev St.,
Chelyabinsk, 454021, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

<i>Невелев А. Б., Невелева В. С.</i> Диалектика континуальности и дискретности в бытии человека . . .	5
<i>Каргаполов Е. П.</i> Проблемы развития цивилизаций в условиях глобализации мировых процессов	10
<i>Казанцева В. А., Долгодворова И. Н.</i> «Столкновение цивилизаций»: основные конфликтогены	21
<i>Димитрова С. В.</i> Неклассический дискурс свободы	26

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

<i>Соломко Д. В., Лавелин В. Д.</i> Живое начало в человеке. Часть I. Историко-философский анализ классической философии	30
<i>Дыдров А. А., Варламова А. С.</i> Web-тело: репрезентации телесности в интернет-микроформатах	38
<i>Ковалев А. А.</i> Идея экзистенциального благополучия в русской философии и современная проблема ментального здоровья: этико-философский анализ	45
<i>Иощенко Н. О.</i> Отношения государства и организованной преступности в условиях кризиса легитимности	55
<i>Панова С. В.</i> Антропология кино: конструирование нового человека на основе монтажного принципа мышления	60
<i>Жупник О. Н.</i> Молодая семья: типичные проблемы и перспективы её укрепления (социально-философский анализ).	70

В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ

<i>Шляпина С. Ф.</i> Модель педагогического сопровождения духовного самоопределения личности студентов как одна из основ проектирования курса «Основы российской государственности»	79
<i>Камалетдинова А. Я.</i> Соотнесение понятий «цивилизация» и «культурно-исторический тип» в теории Н. Я. Данилевского	86

CONTENTS

MODERN GLOBAL PROBLEMS

- Nevelev A. B., Neveleva V. S.* Dialectics of continuity and discreteness in the being of man. 5
- Kargapolov E. P.* Problems of civilizations development in the context of globalization
of world processes. 10
- Kazantseva V. A., Dolgodvorova I. N.* “Clash of civilizations”: main conflictogenes. 21
- Dimitrova S. V.* Non-classical discourse of freedom 26

MAN, SOCIETY, CULTURE

- Solomko D. V., Lavelin V. D.* The living principle in human. Part I. Historical and philosophical
analysis of classical philosophy 30
- Dydrov A. A., Varlamova A. S.* Web-body: representations of corpority in microformats of internet . . . 38
- Kovalev A. A.* The idea of existential well-being in Russian philosophy and the modern problem
of mental health: ethical and philosophical analysis. 45
- Ioshchenko N. O.* Relations of the state and organized crime in conditions of a crisis of legitimacy. . . . 55
- Panova S. V.* Anthropology of cinema: constructing a new person based on the editing principle
of thinking. 60
- Zhupnik O. N.* Young family: typical problems and prospects for strengthening it (socio-philosophical
analysis). 70

INTO THE TEACHER'S NOTEBOOK

- Shlyapina S. F.* Model of pedagogical support of spiritual self-determination of a person
as one of the basis for designing the course “Foundations of the Russian Statehood” . . . 79
- Kamaletdinova A. Ya.* Correlation of the concepts of “civilization” and “cultural-historical type”
in the theory of N. Ya. Danilevsky 86

ГЛОБАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

MODERN GLOBAL PROBLEMS

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 5–9.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(10(480)):5-9. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 122

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-5-9

ДИАЛЕКТИКА КОНТИНУАЛЬНОСТИ И ДИСКРЕТНОСТИ В БЫТИИ ЧЕЛОВЕКА

Анатолий Борисович Невелев^{1✉}, Вера Сергеевна Невелева²

¹ Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, nabobl@mail.ru, ORCID 0000-0001-7037-0574

² Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, vsneveleva@mail.ru, ORCID 0000-0002-6820-3707

Аннотация. Тожество, различие, взаимоопосредование и взаимопереход противоположностей континуальности и дискретности в бытии человека составляют диалектическую логическую базу для интерпретации ряда важных проблем социокультурного бытия. Это проблемы самореализации и отчуждения личности в обществе, горизонтальной непрерывности и дискретности бытия индивида в ценностно значимой деятельности (труде, познании, игре), проблемы объяснения моментов вертикальной динамики непрерывности и дискретности в слоях социального бытия. В итоге такой интерпретации появляется возможность представить социокультурное бытие человека, с одной стороны, целостным, с другой стороны, многогранным, продуктивно разнообразным. Континуальность предстаёт как нерасчленённое целое культуры в качестве единого средства отношения человека к миру. Её базовые внутренние неоднородности служат основанием дискретности, разделения по слоям социокультурного бытия в зависимости от конкретного культурного средства на каждом из них. Внутренняя континуальность каждого слоя обеспечивается сохранением качественных характеристик соответствующего культурного средства. Каждый из слоёв обладает вертикальной континуальностью внутри себя, имеет «объём», однако сохраняет свои характеристики в границах меры. Переход от слоя к слою предполагает перерыв постепенности, дискретность.

Ключевые слова: диалектика континуальности и дискретности, горизонтальная континуальность и дискретность, вертикальная континуальность и дискретность, деятельность, живая и овеществлённая деятельность, цель, средство, предмет, продукт, результат, дельта-результат, Я, личность, труд, познание, игра, самореализация, отчуждение, ценность

Для цитирования: Невелев А. Б., Невелева В. С. Диалектика континуальности и дискретности в бытии человека // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 5–9. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-5-9.

Original article

DIALECTICS OF CONTINUALITY AND DISCRETENESS IN THE BEING OF MAN

Anatoly B. Nevelev^{1✉}, Vera S. Neveleva²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, nabobl@mail.ru, ORCID 0000-0001-7037-0574

² Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, vsneveleva@mail.ru, ORCID 0000-0002-6820-3707

Abstract. Identity, difference, mutual mediation and mutual transition of the opposites of continuity and discreteness in human existence constitute a dialectical logical basis for the interpretation of a number of important problems of sociocultural existence. These are problems of self-realization and alienation of the individual in society, horizontal continuity and discreteness of an individual's existence in value-based activities (work, cognition, play), problems of explaining the moments of vertical dynamics of continuity and discreteness in the layers of social existence. As a result of such an interpretation, it becomes possible to present the sociocultural existence of a person,

on the one hand, holistic, on the other hand, multifaceted, productively diverse. Continuity appears as an undivided whole of culture as a single means of man's relationship to the world. Its basic internal heterogeneities serve as the basis for discreteness, division into layers of sociocultural existence depending on the specific cultural means on each of them. The internal continuity of each layer is ensured by the preservation of the qualitative characteristics of the corresponding cultural medium. Each of the layers has vertical continuity within itself, has a "volume", but retains its characteristics within the boundaries of the measure. The transition from layer to layer presupposes a break in gradualism, discreteness.

Keywords: dialectics of continuity and discreteness, horizontal continuity and discreteness, vertical continuity and discreteness, activity, living and embodied activity, goal, means, object, product, result, delta-result, I, personality, work, cognition, game, self-realization, alienation, value

For citation: Nevelev AB, Neveleva VS. Dialectics of continuity and discreteness in the being of man. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480):5-9. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-5-9.

Континуальность и дискретность деятельности как основания бытия человека: горизонтальный и вертикальный аспекты

Континуальность (непрерывность) бытия человека определяется тем сплошным социокультурным пространством, которое обеспечивает бытие индивидуальности человека, «сплошность» его личности, его Я. Деятельность как форма и содержание трансляции своеобразия личности передаёт это своеобразие каждым из своих моментов: своеобразие (неповторимость, индивидуальность) *цели*, своеобразие *средства*, подбираемого под эту своеобразную цель, своеобразие *предмета*, на который это средство направляется, своеобразие *живой* деятельности, охватывающей воедино цель, средство и предмет, своеобразие *продукта* как о вещественной (точнее, опредмеченной) деятельности и, в конечном счете, своеобразие результата и дельта-результата, завершающего весь акт деятельности в целом.

Абстрагирование и идеализация, применённые в предложенном описании трансцендирующего движения личности (Я) по моментам деятельности, позволяют изобразить движение, процесс самореализации личностного своеобразия человека, во-первых, континуально, без элементов прерывности, дискретности, без элементов возможного отчуждения, в чём бы эта дискретность, ведущая к отчуждению, ни выражалась. Между тем реальный процесс развёртывания континуальности содержит вторгающуюся в него дискретность на каждом шагу.

С учётом этого, во-вторых, возможно представить то же самое движение с точки зрения другой абстрагирующей и идеализирующей крайности, когда не континуальность, а дискретность встречается в деятельности человека в каждом её моменте. Тогда цель человека предстаёт дискретным моментом, прерывающим с самого начала

(цель — закон деятельности) попытку непрерывности её реализации, то же самое со средством, с предметом, с живой деятельностью, с овеществлённой деятельностью (с продуктом), с результатом. Дискретность превращает весь процесс деятельности в каждом её моменте в дельта-результат, который предполагает несовпадение задуманного и реализованного с итоговым. «Дельта-результат» представляет собой разницу между результатом и продуктом. В таком варианте интерпретации развёртывания деятельности представлена схема полного «фиаско», полного неуспеха в самореализации.

Непрерывность (континуальность) своеобразия личности в каждом шаге переходила в свою противоположность, в систематическую дискретность, не позволяя самореализации человека осуществиться и ввергая его в накопление отчуждённого опредмечивания, в овеществление, когда «положение вещей» прерывает процесс целеполагания. Изображённые в двух вариантах интерпретации крайности процесса самореализации в реальной деятельности человека не встречаются. В действительности самореализация может давать «пробуксовку», скорее, в каких-то отдельных моментах деятельности при относительно удачном воплощении цели в других из упомянутых моментов.

Специфика континуальности и дискретности труда, познания и игры как видов деятельности

Своеобразие индивидуальности, личность (Я) человека редко учитывается при анализе деятельности. Верх берут объектные составляющие деятельности, она зачастую предстаёт безличностно, абстрактно, «в чистом виде». Её «человеческое лицо» в таком случае утрачивается. Особенно это касается такого вида деятельности, как труд, где определяющим моментом высту-

пает сам продукт в его строго фиксированных параметрах. Схематизм, автоматизм, универсальная «размеченность» трудового процесса довлеют над своеобразием индивидуальности человека, осуществляющего этот процесс. Самореализация индивидуальности тут заключается в гибком подчинении технологиям, в учёте огромного объектного массива производимого в труде продукта.

Такой вид деятельности, как познание, в отличие от «зацикленности» труда на продукте, сосредоточен на дельта-результате, на разнице между результатом и продуктом. Как известно, идеально построенная цель никогда не имеет абсолютного совпадения с результатом, всегда имеет место разница между тем, что был намерен получить человек в своей деятельности и что реально получил. Поскольку человек как субъект деятельности никогда не оставляет попыток реализовать цель, постольку отмеченная разница между результатом и продуктом всегда находится в центре внимания и предполагает уяснение сути несовпадения и корректировки цели (средства, предмета, живой деятельности и продукта). Соответственно, при этом на первый план выходит процесс познания.

С точки зрения предложенного логического основания интерпретации особенно интересен такой вид деятельности, как игра. Труд и познание в игре подчинены живой деятельности личности. Игра предполагает именно свободное творческое проявление индивидуальной личности человека. Цель, средство и предмет живой деятельности именно в моменте её осуществления подвержены наибольшему влиянию творческого своеобразия человека, его свободной индивидуальности. Континуальность при этом торжествует над дискретностью отмеченных моментов, они в процессе игры выстраиваются по логике волевого самоутверждения человека. Ни труд, ни познание не играют в данном случае самозначимой роли, всё подчиняется игре уникальных свободных сил индивидуальности.

Континуальность человеческой свободной индивидуальности как живой деятельности угасает в продукте, который вбирает в себя в опредмеченном, овеществлённом виде ту связку моментов, которые осуществил человек в живой игровой деятельности. На первый план тут выходит дискретность, дробление деятельности на живую и опредмеченную овеществлённую. Свободная индивидуальность человека, субъекта может при этом уйти в тень, внимание смещается на опред-

меченные компоненты продукта, обнаруживаются неучтённые элементы результата, которые по признаку осуществления свободной индивидуальности могут быть либо нейтральными, либо положительными, конструктивными, либо отрицательными, деструктивными. Во всяком случае дискретный, разделяющий целое, подход тут правит бал. Результат деятельности начинает жить самостоятельной жизнью, наполняться живыми интерпретационными схемами, но уже порой существенно отличными от задумки и её реализации творцом. Дискретность встраивается в процесс деятельности, перемежаясь с континуальностью и существенно удаляясь от личности, своеобразия автора. То, что было ранее игрой живых творческих сил индивидуального человека, становится предметом дюжинных «трудовых усилий», изучения и исследовательского познающего внимания.

Диалектика континуальности и дискретности в бытии человека как целостного процесса должна быть рассмотрена не только в горизонтальном срезе, но и вертикально. Все моменты деятельности, рассмотренные ранее как «горизонтальные», должны быть учтены и при «вертикальном» рассмотрении. Определение вертикальности добавляет лишь понимание бытия человека, как стратифицированного, «слоистого», по примеру «слоёв бытия» Н. Гартмана.

На наш взгляд, каждый слой бытия человека зависит в своём качестве от того средства, которое человек избирает для реализации своих целей. Каждый из слоёв обладает вертикальной континуальностью внутри себя, имеет «объём», однако сохраняет свои характеристики в границах меры. Так, если цель реализуется на материале вещного бытия, среди вещей и тел, то именно элементы мира вещей определяют специфику соответствующего слоя бытия человека, выступая одновременно средствами его идентификации. Определения труда, познания и игры при этом осуществляются при их погружённости в материальную среду. Вертикальный ход на уровень более высокого слоя бытия человека связан с предметным «истончением», например, с переходом от вещного бытия к символическому бытию, и тогда труд, познание и игра разворачиваются в материале символического мира. Иначе говоря, переход от слоя к слою предполагает перерыв постепенности, дискретность. При этом происходит качественный скачок, смена меры и возникновение узловой вертикальной линии мер, если

воспользоваться категориями логики Гегеля [1]. Каждый слой предстаёт как «узел», внутренняя нерасчленённость которого обеспечивается единством качества того средства, которое про- низывает дискретные ступени.

Онто-гносеологический смысл диалектики континуальности и дискретности

К другим вариантам, задающим возможность интерпретации диалектики континуальности и дискретности бытия человека, относятся учение Ф. Энгельса о структурных уровнях материи (формах движения материи) [2] и упомянутое выше учение Н. Гартмана о слоях бытия [3]. Они отличаются друг от друга и от нашей позиции тем, что континуальной основой, выделенной из структуры деятельности, у Ф. Энгельса и большинства советских философов, методологически следующих за ним, выступает предмет (объект) деятельности, а у Н. Гартмана — субъект деятельности. Мы же отдаём предпочтение средству деятельности как «месту встречи» цели (субъекта) и предмета деятельности.

Понятно, что в каждой из упомянутых методологических позиций две другие позиции имплицитно присутствуют, поскольку все они опираются на инвариантные моменты структуры деятельности как субстанции. Во всех точках зрения, соответственно, налицо и своя континуальность по отношению ко всем формам движения материи или ко всем слоям бытия. Дискретность

задана определённым количеством структурных уровней или слоёв бытия как прерывов постепенности.

Предложенная позиция базируется на том обстоятельстве, что культура как нерасчленённое целое до всяких конкретизирующих определений выступает *единым средством* отношения человека (субъекта) к миру. В этом состоит континуальность культуры. Её базовые внутренние неоднородности служат основанием дискретности, разделения по слоям бытия. В нашем варианте дискретности — это четыре группы культурных средств: группа орудий, группа символов, группа знаков и группа универсалий. Каждая группа внутри себя рассматривается как континуальная. Перерыв постепенности при этом связан с восхождением по предметным ступеням высвобождения отношения как созревающей мыслительной формы: на место вещи становится образ (символ), на место образа (символа) становится знак (слово), на место неопредельного знака становится универсалия как знак предельный.

Представленная логика может быть интерпретирована как онтологически, так и гносеологически. Онтологический аспект коренится в идентификации человеком своего Я (личности) с качественно определённым предметным слоем бытия. Гносеологический аспект явно просматривается в вертикальном восхождении как познании бытия на различных качественно своеобразных уровнях.

Список источников

1. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. Т. 1. М. : Мысль, 1970. 501 с.
2. Энгельс Ф. Основные формы движения // Маркс К., Энгельс Ф. Диалектика природы. Сочинения. 2-е изд. М., 1961. Т. 20. С. 391–407.
3. Гартман Н. Старая и новая онтология // Историко-философский ежегодник. М. : Наука, 1988. С. 320–324.

References

1. Gegel' GVF. Nauka logiki. V 3 tomah. Tom 1. Moscow; 1970. 501 p. (In Russ.).
2. Engel's F. Osnovnye formy dvizheniya. In: Marks K, Engel's F. Dialektika prirody. Sochineniya. Moscow; 1961. Vol. 20. P. 391–407. (In Russ.).
3. Gartman N. Staraya i novaya ontologiya. In: Istoriko-filosofskij ezhegodnik. Moscow; 1988. P. 320–324. (In Russ.).

Информация об авторах

А. Б. Невелев — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии факультета Евразии и Востока.

В. С. Невелева — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии.

Information about the authors

A. B. Nevelev — Professor, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy of the Faculty of Eurasia and the East.

V. S. Neveleva — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Cultural Studies.

Статья поступила в редакцию 27.09.2023; одобрена после рецензирования 30.09.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 27.09.2023; approved after reviewing 30.09.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 930.85

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-10-20

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЦИВИЛИЗАЦИЙ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ МИРОВЫХ ПРОЦЕССОВ

Евгений Павлович Каргаполов

Ханты-Мансийская государственная медицинская академия, Ханты-Мансийск, Россия, Sirius2015@yandex.ru,
ORCID 0000-0003-1368-1840

Аннотация. Анализируются тенденции развития цивилизаций в условиях глобализации: с одной стороны, традиционных цивилизаций незападных стран, претендующих на равноправное развитие, обеспечение суверенитета и независимости народов, культур и государств; с другой стороны, англосаксонской и подчинённых ей западных цивилизаций, господствующих более 400 лет и претендующих на продолжение глобального доминирования на планете, выкачивание ресурсов из других стран мира, продолжение политики неокolonизма и разрушения традиционных цивилизаций. Глобализация рассматривается как неизбежный путь развития человечества. Каждая традиционная цивилизация и западная цивилизация в целом должны найти в этом процессе баланс сил, а также свой путь и своё законное место. Это относится и к евразийской (русской) цивилизации. Западная цивилизация в целом, англосаксонское её ядро, доведшая свою идею глобализации до утверждения своего доминирования в мире, исчерпала её позитивную сущность, стала угрозой существования для человечества в целом. Страны, входящие в БРИКС, ШОС и некоторые международные организации, предложили миру свою модель глобализации, в которой каждая цивилизация и страна может найти своё место, где она не будет подвергнута давлению, колонизации и унижению.

Ключевые слова: глобализация, цивилизация, российская цивилизация, евроатлантическая цивилизация, БРИКС, ШОС

Для цитирования: Каргаполов Е. П. Проблемы развития цивилизаций в условиях глобализации мировых процессов // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 10–20. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-10-20.

Original article

PROBLEMS OF CIVILIZATIONS DEVELOPMENT IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION OF WORLD PROCESSES

Evgeniy P. Kargaplov

Khanty-Mansiysk State Medical Academy, Khanty-Mansiysk, Russia, Sirius2015@yandex.ru, ORCID 0000-0003-1368-1840

Abstract. The article analyzes tendency in the development of civilizations in the context of globalization: firstly, traditional civilizations of non-Western countries that claim equal development, ensuring the sovereignty and independence of peoples, cultures and states; secondly, the Anglo-Saxon and subordinate Western civilizations, which have dominated for more than 400 years and claim to continue global dominance on the planet, pump out resources from other countries of the world, continue the policy of neo-colonialism and the destruction of traditional civilizations. Globalization is considered as an inevitable path of human development. Each traditional civilization and Western civilization as a whole must find a balance of power in this process, as well as their path and their rightful place. It also refers to the Eurasian (Russian) civilization. If Western civilization as a whole, its Anglo-Saxon core, which brought its idea of globalization to the assertion of its dominance in the world, has exhausted its positive essence than it has become an existential threat to humanity as a whole. Countries included in BRICS, the SCO and some international organizations have offered the world their own model of globalization, in which every civilization and country can find its own place where it will not be subjected to pressure, colonization and humiliation.

Keywords: Globalization, civilization, Russian civilization, Euro-Atlantic civilization, BRICS, SCO

For citation: Kargapolov E.P. Problems of civilizations development in the context of globalization of world processes. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480):10-20. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-10-20.

Актуальность

Глобализация в настоящее время оказывает определяющее влияние на развитие всех существующих цивилизаций и народов мира. В настоящее время в мире продолжается доминирование евроатлантической (по сути, англосаксонской) цивилизации. Англосаксонская цивилизация построена на модели американского доминирования, которая заключается в том, что все остальные страны, входящие в западный мир, должны беспрекословно подчиняться центрам управления в США. На основе этой модели США управляет странами, входящими в западный блок.

Глобализация по-англосаксонски делает мир всё более и более неустойчивым, так как в результате происходит унификация образа жизни, отчуждение людей друг от друга, распад семей в процессе «гендеризации» общественных отношений, распад традиционных ценностей, религиозных и этнических общин, насаждение разных идей и форм трансгуманизма и других негативных общественных проявлений. Глобализация по-англосаксонски оказывает негативное воздействие на духовную сферу мирового общества, обнуляет традиционную культуру народов, сводит нравственность к морали, подменяет истинный код цивилизаций на ложный, чужой и разрушительный по своим последствиям.

Может ли процесс глобализации строиться по другим правилам и принципам? Считаю, что может. При условии создания глобального проекта с опорой на равноправное, суверенное развитие сложившихся цивилизаций. БРИКС, ШОС и другие международные организации, в которых отношения строятся на равноправной основе, уважении интересов, признании суверенитета и при координационном управлении глобальными процессами. Глобализация — процесс неизбежный как в экономике, так и в науке, технике, спорте, но должен проходить с опорой на традиционные, этнические, культурные и цивилизационные ценности. Какой путь выберет человечество: доминирования отдельных стран и подчинения этому доминированию всех остальных или путь координационного управления глобальными процессами? Мы это увидим в ближайшем будущем.

Применение комплексного цивилизационного подхода даёт возможность понять динамику развития цивилизаций в условиях ускоряющихся процессов глобализации в мире. Как соотносятся процессы глобализации и суверенизации (локализации)? Н. Я. Данилевский считал, что любая самобытная цивилизация может успешно развиваться только при обеспечении своего политического, экономического, культурного суверенитета [4]. Стремиться к российской самобытной цивилизации и одновременно передоверять свой суверенитет чужой и враждебной, даже такой развитой, как евроатлантическая цивилизация, или единственной глобальной сверхдержаве, такой как США, — значит попасть в «ловушку» ложных теорий и идей, замедлить или вообще остановить своё развитие на десятилетия. У России, как и у любой другой цивилизации, своё место в глобальных процессах, и на этом пути она может раскрыться полностью, если будет следовать по своему историческому пути. Для этого у неё есть все необходимые ресурсы: высокий уровень культуры, высокий интеллектуальный потенциал народов.

Тема развития России в условиях ускорения процессов глобализации в мире стала объектом пристального внимания учёных, политиков, философов [3; 5–8; 10–13; 15; 16; 18].

Чрезмерная открытость России евроатлантической цивилизации в 1990-е гг. привела к тому, что Россия попала в политическую, экономическую, технологическую и даже в смысловую зависимость от западного мира, что привело к постепенному размыванию её культурного и цивилизационного кода. Глубокая интеграция России в мировые экономическую, политическую, образовательную, научную системы отношений без учёта собственных интересов, традиций, ценностей усугубила её цивилизационный кризис и спровоцировала в России ситуацию выбора будущего: либо подчиниться полностью Западу, размыть свой культурный и цивилизационный коды, раствориться в евроатлантической цивилизации, переписать свою историю в угоду европоцентристской концепции мировой истории; либо пойти по пути возрождения российской (русской) цивилизации, обрести реальный государственный, экономический, духовный и культурный

суверенитет. В первом случае история России как цивилизация прекратилась бы навсегда, а государство распалось бы на карликовые образования, потеряло бы территории; во втором случае Россия с неизбежностью попадает в ситуацию противостояния с евроатлантической цивилизацией «вплоть до столкновения», как отмечал С. Хантингтон. Россия выбрала второй путь, как это уже делали наши предки тысячи лет назад: стать суверенной, независимой и влиятельной мировой силой.

Россия, имеющая тысячелетнюю историю своей государственности, на экзистенциальном уровне не могла пойти на уравнивание, то есть растворение своей культуры в англосаксонской цивилизации. Российская цивилизация строится на основаниях, отличающихся от евроатлантической цивилизации, она имела и имеет свою мессианскую идею, уникальна так же, как и китайская, индийская, иранская и другие традиционные цивилизации. Поэтому она не могла «обнулить» свой цивилизационный код и принять англосаксонский цивилизационный код. Российская цивилизация неизбежно должна была отвергнуть универсалистские претензии современного идеологизированного плюрализма, американоцентризма, трансгуманизма, «гендеризма» и других идеологизированных проектов Запада. А. В. Щипков справедливо утверждает, что «...при отрицании тезиса об уникальности культур мы сразу попадаем в ситуацию, где кто-то присваивает себе право на метапозицию по отношению к другим, право говорить от имени общего, от имени “единых” стандартов, каковые так или иначе опосредованы определённой традицией. Подобные позиции перерождаются в итоге в доктрину глобального доминирования, которая следует принципам колониальной политики, начавшейся, как мы помним, с того, что территории нехристианских народов объявлялись *terra nullus* — “ничейной землёй”» [19. С. 32–33]. Именно Россия после 2007 г., видя, как НАТО продвигается к её границам, начала всё сильнее и сильнее настаивать на защите своих цивилизационных интересов на глобальном уровне. Но это не означало, что Россия стала игнорировать глобальные процессы, происходящие на планете. Россия напряжённо искала свой путь в глобализационных изменениях в мире, что неизбежно привело её к столкновению с коллективным Западом на Украине, ибо последний не стал менять своего поведения на международной арене по отношению к России (да и всех стран мира, не входящих в «золотой миллиард»).

Право говорить от имени всего мирового сообщества присвоили себе США и их союзники по «коллективному Западу». Более того, евроатлантисты начали считать Россию «ничейной землёй», правители которой имеют чрезмерно большую территорию. На этом основании родилась идея отдать Сибирь под контроль ООН (то есть Запада), а Россию поделить на несколько государств. И хорошо было бы, если они стали враждовать друг с другом. Часть территорий нужно отдать под контроль тем или иным странам. Длительное время, а точнее, все 1990-е и нулевые годы XXI в. Россия рассматривалась евроатлантистами как «ничейная земля», где нет государства, где создан авторитарный режим и где процветает коррупция. В культуре «азиатчина», народы которой не могут жить в «золотом миллиарде»(!). Представители глобальной элиты откровенно говорят о своих целях ликвидации России, сокращения её населения примерно до пятидесяти миллионов человек, присвоении её ресурсов. Равноправное сосуществование с Россией Запад не рассматривал никогда, по сути, и не мог рассматривать в силу своего цивилизационного кода, направлявшего его на экспансию своей культуры по всему миру, создание и укрепление неоколониальной системы. Изначальная цель Запада — экспансия на территорию России и превращение её территории в театр конфликтов и войн, захват ресурсов, а в итоге обнуление (отмена) российской цивилизации. Это было всегда. Россия на экзистенциальном уровне отвергает западную модель глобализации, где страны «золотого миллиарда» во главе с США диктуют и в дальнейшем планирует диктовать волю всем странам мира. Они ведут себя и хотят вести себя и дальше как «мировой жандарм». Россия же тяготеет к традиционным культурам и цивилизациям и поэтому предлагает миру свою модель глобального развития. Россия видит своё место не в противоборстве, а в синтезе двух тенденций. Во-первых, европейской, которая основывается на идеалах ценности прав и свобод и экспансии ценностей в другие страны. Россия считает, что никто не может навязывать свои ценности и культуру другим странам, тем более подчинять их своей воле. Во-вторых, восточных, евразийских традиционных ценностей и культур, основывающихся на уважении других цивилизаций. Ясно одно: Россия встала на путь переосмысления границ исторического времени и своего бытия в глобальном мире.

Недоброжелательное отношение Запада к России сформировалось очень давно, но до последнего времени тщательно скрывалось и замалчивалось. На Западе на протяжении тысячелетий формировалась устойчивая идеология отношений с Россией, в основе которой лежит европоцентризм (ядром которой является русофобия); об этом говорит в своём исследовании швейцарский исследователь Г. И. Меттан [9]. Формы идеологии европоцентризма (сейчас американоцентризм) менялись. В настоящее время доминирующей идеологией Запада в отношении всего мира является трансгуманизм, ведущая к расчеловечиванию идея «золотого миллиарда». Россия всегда мешала европейским странам заявлять об их глобальном лидерстве и сейчас не даёт евроатлантической цивилизации претендовать на доминирующие позиции в мире. Попытки насаждения трансгуманизма и «гендеризма» в России терпят крах: народ и культура не принимают эти идеи.

Идеология европоцентризма, а сейчас американоцентризма обосновывает право США на глобальное доминирование в мире, на их исключительность в решении глобальных проблем. Если внимательно проанализировать европейские культурные проекты, можно сделать вывод, что практически все они идут вразрез исторически сложившимся ценностям народов всего мира, все они направлены на то, чтобы разрушать традиционные государства, на порабощение народов, живущих на этих территориях. Ложь, антиутопии, симулякры, как говорит популярный французский философ Ж. Бодрийяр [2], всегда были, есть и будут идеологическим оружием Запада против всего мира, но в первую очередь против России и Китая. Как только Индия, Иран, Бразилия, Индонезия и другие страны встанут на свой путь развития, они также попадут под давление Запада, так как станут угрожать англосаксонскому доминированию в мире. Мыслители отдельных стран думают, что это их не касается, поэтому можно отсидеться, пока идёт схватка между глобальными государствами и цивилизациями. Но они ошибаются, ибо, как только они окрепнут экономически и созреют политически, они сразу же войдут в противоречие с евроатлантической цивилизацией и она набросится на них с такой же яростью, как набросилась на суверенные государства, в том числе и Россию. Англосаксонская цивилизация не терпит конкурирующих цивилизаций, не может вести честную конкурентную борьбу, ведь в основе генетического кода англосаксонской цивилизации, как ядра евроат-

лантической цивилизации, заложена экспансия по всем направлениям, без реализации которой она не выстоит. Она построена на пиратстве, грабеже, выкачивании за бесценок ресурсов, уничтожении традиционных цивилизаций, превращении их в колонии. Формы этой экспансии разные: провоцирование войн, насаждение враждебных миру идеологий — в настоящее время трансгуманизма, гендеризма, отмены или «обнуления» традиционных культур, русофобии, китаефобии и исламофобии, наложение эмбарго, неприкрытая ложь, политика двойных стандартов, экономическое давление в виде наложения санкций и пр.

Экономика, образование, искусство, культура, так же, как и политика, стали аренной гибридной войны евроатлантической цивилизации против всех традиционных культур мира. Американское кино, доминировавшее на российских экранах в 1990-е гг., а на отдельных каналах телевидения и до сих пор, протаскивало идею спасительной миссии США. В большинстве кинофильмов США демонстрируется то, как они спасают мир от ужасных варваров, от инопланетян, от всяких «чужих», кто угрожает планете Земля. По сути они так пытаются спасти свою цивилизацию от справедливого и равноправного мироустройства, где евроатлантической цивилизации уже не будет принадлежать первое место. Прав В. Н. Расторгуев, утверждая, что «...„грядущие“ и „иноземные цивилизации“ то и дело напоминали о себе и были в центре внимания благодаря искусству фантастов, творцов новых утопий и антиутопий. Расцвет этого искусства пришёлся на вторую половину XX в., что вполне объяснимо: в этот период не только изобретались, но и активно воплощались в политическую явь великие идеологии, принявшие облик конкурирующих глобальных цивилизационных проектов, призванных вытеснить из жизни все традиционные формы цивилизационного многообразия. Околонаучная и художественная футурология служила и отражением, и фоном, и поисковым полем грандиозных экспериментов в геополитике, основными инструментами которой были и остаются тотальная индоктринация и цивилизационная унификация» [14. С. 69]. Западноевропейский и американский кинематограф, литература, образование, наука, искусство являются эффективными инструментами борьбы Запада на утверждение своей исключительности, борьбы за унификацию культур, слом традиций, переформатирование сознания народов, создание всяких симулякров и насаждение их в общественном

сознании. Временное доминирование в области информационных технологий помогает им достаточно успешно продвигать свои ценности, образы и представления о жизни по всему миру, что, естественно, в настоящее время встречает либо прямое, либо молчаливое противодействие со стороны представителей традиционных культур и цивилизаций мира.

В современном мире идёт жесточайшая борьба между уникальными цивилизациями традиционного типа, с одной стороны, и евроатлантической (а по сути англосаксонской) цивилизацией, проявляющей своё глобальное лидерство и заявляющей о своей исключительности в решении мировых дел, с другой стороны. И эта борьба будет нарастать, возможно, приведёт к столкновению в отдельных регионах мира. Традиционные цивилизации пока разобщены, что на руку именно евроатлантической цивилизации с её англосаксонской элитой во главе. Но такое вечно продолжаться не может, мыслители незападного мира понимают, что в будущем они будут всё сильнее и сильнее втягиваться в конфликт с Западом, то есть развитие этих экономик, культур, образования будет ослаблять развитие западной цивилизации по всем направлениям. Страны глобального Востока и Юга начинают создавать межгосударственные организации с тем, чтобы противостоять давлению Запада. Это БРИКС, ШОС, региональные организации Африки, Азии и Латинской Америки, в которых не хотят допускать активного участия США. Эти страны формируют новый глобальный проект, новый путь глобального развития с учётом разнообразия цивилизаций. В этих проектах не предусмотрено доминирование той или иной страны. БРИКС, ШОС создают координационную модель управления мировыми процессами и глобальным переустройством мира, чему противится коллективный Запад. Но исторический процесс запущен и время на стороне новой модели развития глобального мира. Известный американский политолог С. Хантингтон говорил о грядущем столкновении цивилизаций [17]: развязанная гибридная война евроатлантической цивилизации против стран глобального Востока и Юга, которая постепенно, в связи с событиями на Украине, перерастает в горячую фазу на всём Европейском континенте, борьба евроатлантической цивилизации против российской (русской) цивилизации на уничтожение говорят об актуальности изучения вопроса развития цивилизаций в эпоху глобализации. Актуальными проблемами современ-

ности становятся попытки создать альтернативу глобальному проекту «коллективного Запада», который проводит в жизнь политику доминирования в мире, ищет новые формулы неокolonизма, подчинения и обмана подавляющего большинства стран мира.

Каждая традиционная цивилизация заслужила право жить по своим законам, сформированным в рамках традиционной культуры на протяжении всего своего существования. Глобализация происходит в первую очередь в областях экономики, политики, науки, образования, спорта, поэтому важно формирование такой модели глобального развития, которая будет учитывать уникальность каждой культуры и традиционной цивилизации. В настоящее время равновесие в мире уже нарушено, поэтому существует потребность в формировании нового баланса сил между глобальными игроками и в создании условий для становления и развития на этой основе традиционных цивилизаций. Примером такого подхода к проблеме глобализации является БРИКС. Вероятность присоединения к БРИКС Аргентины, Египта, ОАЭ, Саудовской Аравии и Эфиопии делает эту организацию одной из самых влиятельных в мире, которой будет под силу предложить мировому сообществу новый справедливый миропорядок и пути его реализации.

О. Э. Бессонова считает, что культура имеет глобальные и локальные матрицы своего цивилизационного развития, формирующиеся в процессе её эволюции. Если говорить об общечеловеческой культуре, то её законы связаны с процессами общечеловеческой эволюции. Каждая традиционная цивилизация строится и развивается по этим законам, но имеет свою специфику, на которую негативное влияние оказывают глобальные процессы, идущие в настоящее время не по естественным законам, а по законам, придуманным на Западе. Любые скачки, революции, перевороты связаны с попытками изменить законы эволюции, переформатировать свой путь, определить новое будущее. Например, как это делается Западом в Украине. «Глобальные закономерности развития человеческой цивилизации, — отмечает О. Э. Бессонова, — и универсальные этапы её эволюции определяются глобальной цивилизационной матрицей. Каждое государство при этом имеет собственную локальную цивилизационную матрицу, которая преломляет общие закономерности для отдельных цивилизаций и определяет специфику прохождения всеобщих универсальных этапов развития. Локальная

цивилизационная матрица формирует глубинные процессы эволюции, в то же время всё разнообразие форм общественной жизни разворачивается в рамках государства и отражается в институциональной матрице. Закономерности понимаются как наличие эволюционной программы развития с широкими возможностями субъектов по качественной её реализации, а не как неотвратимая данность, регламентирующая общественный процесс и блокирующая свободу воли» [1. С. 6]. Учитывая, что все государства и народы мира участвуют одновременно и в глобальных и локальных процессах, важно, чтобы между ними был установлен новый баланс сил, то есть определено место каждой цивилизации в процессах глобализации с тем, чтобы избежать конфронтационных путей развития, что может привести к столкновению ядерных держав.

В этой ситуации сможет ли Украина, которая не имела своего опыта самостоятельного культурного и цивилизационного развития, сохранить свой суверенитет, свою уникальность и не раствориться в универсальности западной цивилизации? История на этот вопрос отвечает отрицательно. Как только Украина стала отделяться от России, своей исторической Родины, она сразу же попала в зависимость от Запада, утратила свою уникальность и на глазах потеряла свою государственность. Сейчас Украину вполне справедливо считают новым штатом США. Тем более, что евроатлантической цивилизации эта уникальность представляется вредной, поэтому она сразу же стала декодировать украинскую культуру, выросшую из единого русского корня, унифицировать её под западную модель развития. В евроатлантической цивилизации украинский народ ждёт печальное будущее. Украина готовилась Западом как территория, с которой всегда должна исходить угроза безопасности России. В этой связи «специальная военная операция» России на Украине есть попытка остановить экспансионистские устремления Запада в этом регионе мира, установить мир в этом регионе. Полагаю, что Украина прошла первую фазу распада. Вторая заключается в том, чтобы очистить территорию для заселения другими западными неславянскими народами (об это говорят призывы на военную службу подростков, женщин, разразившийся демографический кризис и т. п.).

Питирим Сорокин предвидел, что интегральный социокультурный строй будет иметь свои модификации, существенные различия на Западе

и Востоке. Многообразие цивилизаций сохранится при условии, если глобалистская англосаксонская элита провалит свой проект строительства общечеловеческой цивилизации по-американски. В. Ю. Яковец предполагает, что генотип цивилизации постепенно будет очищаться от устаревших элементов уходящей эпохи и обогащаться новыми элементами, отвечающими реалиям XXI в., то есть теми элементами, которые связаны с наукой, техникой, культурой и образованием. Учитывая эти тенденции развития, прогнозируется рост значения общечеловеческих и цивилизационных ценностей в формировании глобального мира, служащего своеобразным мостом между цивилизациями Запада и Востока, способствующего их диалогу и партнёрству в преодолении общечивилизационного кризиса и выхода на траекторию глобального устойчивого развития [20. С. 21]. Россия, Китай, Индия, Бразилия, Индонезия и многие другие страны идут по пути признания цивилизационного многообразия, приветствуют диалог и сотрудничество в преодолении глобального кризиса, считают, что навязанная миру западная модель развития уже исчерпала себя, а по сути реакционна и тормозит развитие человеческой культуры, ведёт мир к глобальной войне.

Установление нового баланса сил между цивилизациями — это длительный путь формирования многополярного мира. По мнению С. Хантингтона, баланс сил между цивилизациями смещается в сторону традиционных азиатских цивилизаций, вместе с ним снижается и влияние Запада на глобальные мировые процессы [17]. Ускорение интеграционных процессов идёт в Азии, Африке и Латинской Америке, экспансионистская политика Запада способствует этому. Создание региональных валют взамен доллара ускоряет эти процессы. Идея дедолларизации уже захватила умы политиков, политологов, народы Глобального Востока и Юга. С. Хантингтон считает, что «демографический взрыв ислама имеет дестабилизирующие последствия для мусульманских стран и их соседей». Незападные цивилизации всё громче заявляют о ценности своих культур и цивилизаций. Этот процесс приобретает тревожную для США и других западных стран, как они считают, тенденцию, которую они уже не в силах переломить. Поэтому гибридная война НАТО против России в Украине имеет для Запада геополитическое значение, а многие на Западе говорят и об экзистенциальном значении.

Экономическая мощь Китая, Индии, России, Бразилии и других цивилизаций стала той

силой, которая влияет на умонастроения политических и национальных элит многих государств глобального Востока и Юга в связи с тем, что доллар для США и Запада в целом стал элементом диктата и неоколониализма. В последнее время набирает темпы дедолларизации торговли многих стран мира, а в некоторых группах стран заявляют о создании своих международных и региональных валют. Всё чаще звучат предложения о создании валюты БРИКС. В ряде стран осуществляется переход в торговле на расчёт в национальных валютах, что значительно ослабляет экономическую мощь США и Запада в целом. Развитие экономик незападных стран, быстрый рост их населения, особенно исламских и других государств, ориентирующихся на традиционные ценности, привёл к росту привлекательности идеи обретения истинного суверенитета национальных государств, освобождения от колониальных «цепей» евроатлантической цивилизации. Но обретение истинного суверенитета, избавление от всех форм неоколониализма возможно только в опоре на мощные международные организации и традиционные государства. Такой опорой постепенно становятся БРИКС и ШОС, которые расширяют своё влияние на течение всех глобальных процессов.

Деятельность США и Европы во многих странах мира направлена не только на сдерживание развития национальных экономик, но и стала тормозом общественного развития глобального мира. Американская модель становится всё менее и менее привлекательной, хотя многие лидеры этих стран пока об этом говорят шёпотом и делают осторожные шаги по освобождению от американского диктата, ибо понимают, что США могут создать в этих странах «цветные революции», развязать гражданские и этнические войны, устроить политические, социальные и экономические потрясения. Рычагов давления на слабообразованные (да и не только) страны у Запада ещё недостаточно.

Чем меньше популярность англосаксонской модели глобализации, тем решительнее Запад провоцирует напряжённость в мире, тем быстрее растёт агрессивность Запада в отношении всех стран мира. Предчувствуя ослабление своих экономик, «коллективный Запад» во главе с США пошёл в атаку на традиционные цивилизации, их ценности, что видно на примере развязывания гибридной войны против России, оголтелых русофобии, китаефобии, исламофобии, попыток

изоляции России на международной арене, попыток внесения раскола в БРИКС и ШОС.

Глобализационные процессы в мире неизбежны, поэтому встаёт вопрос о новом международном порядке на основе уважения традиционных цивилизационных ценностей, уважения суверенных прав народов и государств. «Возникает мировой порядок, — отмечает С. Хантингтон, — основанный на цивилизациях; социумы, имеющие культурное сходство, сотрудничают друг с другом; попытки перемещения социума из условий одной цивилизации в другие и чуждые оказываются бесплодными; страны группируются вокруг ведущих или стержневых стран своих цивилизаций» [17]. Эти тенденции развития игнорируются глобальными западными элитами, поэтому их с полным основанием можно назвать реакционными, тормозящими общественное развитие, ввергающими мир в хаос войн и потрясений. Это обстоятельство осознаётся не только государственными и общественными деятелями большинства стран незападного мира, но и мыслителями «коллективного Запада». Всё это подталкивает к созданию международных институтов и международных организаций, члены которых откровенно хотят и уже избавляются от диктата евроатлантической цивилизации не на словах, а на деле. Публично заявляют о своих интересах и позициях по поводу тех или иных вопросов международной политики, уже не боятся санкций со стороны США и его союзников. Эти международные организации укрепляются, торговля ведётся с помощью национальных валют, создаются финансовые структуры, которые в будущем могут заменить проамериканские международные институты, начинают осознавать свои национальные интересы, заботиться о благополучии своих народов.

В структуре и системе взаимодействия генетических кодов разных цивилизаций происходят радикальные трансформации, последствия которых трудно предсказать. Тенденция «глобализации по-американски» ещё сильна, скажется на размывании, подмене кодов евроатлантическими или трансформации кодов традиционных цивилизаций. Поэтому одни страны делают попытки обретения своей исторической традиции, погружения в свою историю, отвергают европоцентристские теории понимания развития мировой культуры, своего места в глобальном мире. Другие страны и культуры теряют свою идентичность, попадают под влияние и контроль Запада и становятся частью большого це-

лого, например страны Евросоюза, или находятся в зависимости от США или других государств Европы. Эти трансформации, охватившие мир, преобразуют его в ту или иную сторону. Волна глобализации «по-американски», охватившая всё человечество на протяжении нескольких десятилетий отрицательно сказывалась и продолжает сказываться на всей сфере отношений между цивилизациями. Следование этому проекту стало приводить к размыванию (обнулению) межгосударственных, междоцивилизационных, межкультурных границ. В конечном счёте эта тенденция сделала мир неустойчивым, конфликтным, стоящим на грани глобального столкновения и самоуничтожения. По американской модели глобализации в настоящее время функционирует большинство международных институтов, в их числе глобальные экономические, технические, энергетические, инфраструктурные, геополитические, образовательные, научные, даже спортивные. Все эти институты находятся под американским либо европейским влиянием или даже полным подчинением. Это с одной стороны. С другой стороны, глобализация по англосаксонской модели подготовила почву для всеобщего отторжения этой модели глобализации большинством стран Африки, Азии и Латинской Америки. В настоящее время они должны быть либо реформированы, либо будут заменены институтами, сформированными незападным миром (как говорят американцы, «глобальным Востоком и Югом»). В одиночку ни одна западная страна не справится с этой задачей, ни одна страна не сможет в одиночку противостоять западной экспансии, нужен союз западных держав, такой, как БРИКС, ШОС и другие международные организации, находящиеся вне влияния евроатлантической цивилизации.

Человечество сталкивается с новыми глобальными проблемами, которые угрожают жизни планеты. В мире обостряются и застарелые проблемы, такие как голод, экология, изменение климата, неравенство экономического развития, локальные войны и конфликты, которые приводят к росту миграционных процессов. Миграционные потоки ведут к смешению рас, народов, цивилизаций, а следовательно, и к размыванию тех кодов цивилизаций, которые находятся в фазе острого кризиса. Насажение вируса «гендеризации», трансгуманизма, всяких фобий (русо-, китае-, исламо-) ведёт к размыванию института семьи и частной собственности, спорта и образования, к отмене истории и традиционного мировоззрения народов.

Не обходят стороной эти глобальные процессы и саму евроатлантическую цивилизацию. Сухопутные европейские цивилизации ещё не осознали, какое разрушительное влияние оказывает на них англосаксонский код. Гибридная (в отдельных моментах и горячая) война Запада против России показала, что США и Великобритания (морские державы) используют войну на Украине в целях ослабления сухопутных европейских цивилизаций и государств — Германии, Франции и др. Западные цивилизации, теряя своё влияние в мире, не могут принять происходящие изменения в мире, одуматься, пересмотреть свои ценности, обратиться к своим ресурсам развития, живут по инерции и становятся всё более экспансивными и агрессивными, используют своё технологическое и военное преимущество, накопленное за счёт неокOLONиального грабежа, продолжают навязывать свой цивилизационный код силовыми методами через «двойные стандарты» всему человечеству, всем странам и народам. Так они извращают изначальную сущность демократии. Таким образом получает распространение политика «двойных» и даже «тройных» стандартов, идеология трансгуманизма, русофобии, исламофобии, китаефобии и т. п. Элиты Запада понимают, что цивилизации Азии, Африки, Латинской Америки, Евразии рано или поздно начнут определять судьбу человечества, и, чтобы удержать своё глобальное доминирование в мире, продолжают политику, направленную на создание неокOLONиальной системы политического и экономического закабаления нового типа. Но такая политика отвергается глобальным Востоком и Югом. Так, в настоящее время идёт вытеснение французского влияния из Африки ускоренными темпами.

Заключение

1. Формирование мирового порядка по евроатлантической модели развития, учитывая, что в западной цивилизации заложен код экспансии, то есть код развития за счёт других, в настоящее время уже невозможно. Народы и государства глобального Востока и Юга отвергают неокOLONиализм во всех его формах, освобождаются от форм экономической зависимости, ищут пути своего развития на основах справедливости, суверенности и равноправия с учётом традиционного пути своей цивилизации. Соппротивление западных стран неокOLONиалистскому курсу англосаксонской цивилизации вызывает рост агрессивности последней, которая проявляется в провоцировании разных форм войн, конфликтов, насаждении

трансгуманизма, «гендеризма» и всяких фобий по всему миру. В связи с тем, что евроатлантическая модель развития стала сдерживать развитие большинства стран мира (об этом они говорят открыто: «сдерживание России», «сдерживание Китая», «сдерживание Ирана» и др. концепции), а новая модель только зарождается, напряжённость в мире продолжает расти. Утверждается в мире потребность, что глобальные проблемы человечества необходимо решать на путях обеспечения справедливости, мира, равной безопасности и баланса сил.

2. На континентах формируются не только региональные уровни, но более высокого статуса организации, которые хотят избавить свои народы и государства от англосаксонского диктата. Но уже на глобальном уровне появляются организации, желающие установить новый международный порядок на принципах уважения, доверия и невмешательства. К таким организациям можно отнести БРИКС, ШОС. В связи со сложным развитием глобальных мировых процессов возникает потребность в поисках новых путей развития цивилизаций в условиях глобализации по всем направлениям. Тем более, что до разрешения накопившихся глобальных противоречий ещё очень далеко.

3. На путях поддержки норм и правил евроатлантической цивилизации, возмнившей себя исключительной, обеспечивающей прогресс развития человеческой культуры, эти противоречия уже не разрешаются, а всё сильнее обостряются. Это, в конечном счёте, может привести к военному столкновению глобальных сил, что по сути и происходит в Украине, где для России победа имеет экзистенциальное значение, а для англосаксонской цивилизации геополитический смысл. Такие кризисы могут возникать и на других континентах, ибо американская элита до сих пор находится в плену концепций «управляемого глобального хаоса», убеждения в своей исключительности и концепций своего доминирования в мире. Америка не может развиваться устойчиво, если не будут происходить войны, кризисы,

смуты в других странах мира. Кризисы в других странах будут продолжаться до тех пор, пока евроатлантическая цивилизация не признает право других стран на своё существование по своим законам, по правилам своей традиционной культуры, пока не поймёт, что незападные цивилизации Востока и Юга имеют право на существование и равноправное сотрудничество, и перестанет вмешиваться во внутренние дела государств и народов мира. Пока новая модель глобализационного развития, основанная на координации политических действий, учёте мнения всех государств и народов мира, обеспечении равной безопасности для всех, не будет сформирована, Запад будет стремиться переломить ситуацию в свою пользу. ООН в настоящее время уже не справляется с новыми глобальными вызовами, но альтернативы ООН пока нет. БРИКС, ШОС и другие международные организации нового типа, где исключён диктат какой-либо цивилизации или группы стран, показывают путь, где решение глобальных проблем возможно по новой модели. Усиление поляризаций и обострение противоречий во всех сферах характерно для периода цивилизационного кризиса человечества в целом, когда завершается жизненный цикл «индустриальной мировой цивилизации и становления в авангардных странах интегральной, гуманистически-ноосферной цивилизации» [12]. Цивилизационный и культурный кризис продлится до тех пор, пока не разрушится старая модель глобализации. И это может произойти совершенно неожиданно. Условия для его преодоления могут быть созданы, согласно теории Кондратьева, на повышательной волне очередного цивилизационного цикла развития человечества. Вступает в действие закон поляризации, инновационного и социально-политического партнёрства цивилизаций, государств, социальных слоёв и поколений. Это создаст условия для функционирования многополярного мироустройства на базе партнёрства цивилизаций нового поколения в ответ на вызовы нового века.

Список источников

1. Бессонова О. Э. Образ будущего России и код цивилизационного развития. Новосибирск : ИЭОПП СО РАН, 2007. 124 с.
2. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М. : ПОСТУМ, 2018. 320 с.
3. Бродель Ф. Грамматика цивилизаций / пер. с фр. Б. А. Ситникова. М. : Весь Мир, 2008. 545 с.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германо-Романскому. М. : Эксмо : Алгоритм, 2003. 640 с.

5. Данилов А. Н. Культура как геном цивилизационного развития // Вопросы философии. 2021. № 3. С. 215–222.
6. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. 5. Цивилизации: прошлое и будущее : учебник. М. : Институт экономических стратегий, 2008.
7. Литвинцева Г. Ю., Пашедко М. М. Русская культура как основа национальной идентичности россиян // Международный научно-исследовательский журнал. 2017. № 11 (65), ч. 1.
8. Мальченков С. А. Цивилизационный выбор России и поиски национальной идеи: подходы и сценарии // Контекст. 2020. № 9. С. 68–77.
9. Меттан Г. И. Запад—Россия: тысячелетняя война. История русофобии от Карла Великого до украинского кризиса. М. : Паулсен, 2016. 464 с.
10. Никонов В. А. Код цивилизации. Что ждёт Россию в мире будущего? М. : Э, 2015. 672 с.
11. Пазюк Ю. В., Ефимова В. П., Осипов С. Н. Актуальные проблемы обеспечения цивилизационной безопасности России // Труды ИСА РАН. 2022. Т. 72, № 3. С. 25–36.
12. Панарин А. С. Православная цивилизация в глобальном мире. М. : Эксмо, 2003. 544 с.
13. Пушкин А. Чья цивилизация одержит верх? О вызовах стране в контексте 100-летия образования СССР // Литературная газета. 2022. № 49 (6863).
14. Расторгуев В. Н. Цивилизационный раскол: причины и геополитический фон // Вестник экспертного центра Всемирного Русского Народного Собора. 2016. № 1. С. 69–82.
15. Рудаков А. Великий Индиктион: автономное время Русской цивилизации // Изборский клуб. 2022. № 10. С. 42–55.
16. Чупина Г. А., Шерпаев В. И. Цивилизационная идентичность России: проблема культурно-генетического кода // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2015. № 4. С. 5–18.
17. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева. М. : АСТ, 2016. 640 с.
18. Ходаковский Е. А. Цивилизационная идея России как фактор безопасности // Безопасность и интеграция в странах Азиатского региона. 2020. № 3. С. 35–39.
19. Щипков А. В. Понятие «код» в рамках современного цивилизационного подхода // Вопросы философии. 2018. № 7. С. 28–33.
20. Яковец Ю. В. Генетические коды цивилизаций: типы и судьба // Партнёрство цивилизаций. 2013. № 4. С. 18–23.

References

1. Bessonova OE. The image of the future of Russia and the code of civilizational development. Novosibirsk; 2007. 124 p. (In Russ.).
2. Bordiyar J. Simulacra and simulation. Moscow; 2018. 320 p. (In Russ.).
3. Braudel F. Grammar of Civilizations. Moscow; 2008. 545 p. (In Russ.).
4. Danilevsky NYa. Russia and Europe. A look at the cultural and political relations of the Slavic world to the German-Roman world. Moscow; 2003. 640 p. (In Russ.).
5. Danilov AN. Culture as a genome of civilizational development. *Questions of Philosophy*, 2021;(3):215-222. (In Russ.).
6. Kuzyk BN, Yakovets YuV. Civilizations: theory, history, dialogue, future. Vol. 5. Civilizations: past and future. Textbook. Moscow; 2008 (In Russ.).
7. Litvintseva GYu, Pashedko MM. Russian culture as the basis of the national identity of Russians. *International scientific research journal*, 2017;(11). (In Russ.).
8. Malchenkov SA. Russia's civilizational choice and the search for a national idea: approaches and scenarios. *Contensus*, 2020;(9):68-77. (In Russ.).
9. Mettan GI. West-Russia: the thousand-year war. The history of Russophobia from Charlemagne to the Ukrainian crisis. Moscow; 2016. 464 p. (In Russ.).
10. Nikonov VA. Code of civilization. What awaits Russia in the world of the future? Moscow; 2015. 672 p. (In Russ.).
11. Pazyuk YuV, Efimova VP, Osipov SN. Current problems of ensuring civilizational security of Russia. *Proceedings of ISA RAS*. 2022;72(3):25-36. (In Russ.).
12. Panarin AS. Orthodox civilization in a global world. Moscow; 2003. 544 p. (In Russ.).
13. Pushkov A. Whose civilization will prevail? On challenges to the country in the context of the 100th anniversary of the formation of the USSR. *Literaturnaya gazeta*, 2022;(49). (In Russ.).

14. Rastorguev VN. Civilizational split: causes and geopolitical background. *Herald of the expert center of the World Russian People's Council*, 2016(1):69-82. (In Russ.).
15. Rudakov A. Great Indiction: autonomous time of Russian civilization. *Izborg Club*, 2022(10):42-55. (In Russ.).
16. Chupina GA, Sherpaev VI. Civilizational identity of Russia: the problem of cultural-genetic code. *Electronic supplement to the Russian Legal Journal*, 2015;(4):5-18. (In Russ.).
17. Huntington S. Clash of Civilizations. Moscow; 2016. 640 p. (In Russ.).
18. Khodakovskiy EA. The civilizational idea of Russia as a security factor. *Security and integration in the countries of the Asian region*, 2020;(3):35-39. (In Russ.).
19. Shchipkov AV. The concept of "code" within the framework of the modern civilizational approach. *Issues of Philosophy*. 2018;(7):28-33. (In Russ.).
20. Yakovets YuV. Genetic codes of civilizations: types and fate. *Partnership of Civilizations*, 2013;(4):18-23. (In Russ.).

Информация об авторе

Е. П. Каргаполов — доктор педагогических наук, профессор.

Information about the author

E. P. Kargapolov — Doctor of Pedagogical Sciences, Professor.

Статья поступила в редакцию 08.10.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 08.10.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 1:321:159.947

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-21-25

«СТОЛКНОВЕНИЕ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»: ОСНОВНЫЕ КОНФЛИКТОГЕНЫ

Вера Анатольевна Казанцева¹, Ирина Николаевна Долгодворова²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, verakazantseva@yandex.ru, ORCID 0000-0002-1164-7913

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, irina.dolgodorova.98@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются основные цивилизационные конфликтогены современного общества. Обосновывается, что такими конфликтогенами являются ценности, дельта-результат и процессы перераспределения субъектности на разных уровнях общественного взаимодействия. Анализируется влияние неолиберальных ценностей на конфликтогенность современного общества и цивилизационное противостояние в современном мире.

Ключевые слова: цивилизация, ценности, конфликт, семья, дельта-результат, перераспределение субъектности

Для цитирования: Казанцева В. А., Долгодворова И. Н. «Столкновение цивилизаций»: основные конфликтогены // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 21–25. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-21-25.

Original article

“CLASH OF CIVILIZATIONS”: MAIN CONFLICTOGENES

Vera A. Kazantseva¹, Irina N. Dolgodvorova²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, verakazantseva@yandex.ru, ORCID 0000-0002-1164-7913

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, irina.dolgodorova.98@mail.ru

Abstract. The article examines the main civilizational conflictogens of modern society. It is substantiated that such conflictogens are values, delta-results and processes of redistribution of subjectivity at different levels of social interaction. The influence of neoliberal values on the conflict potential of modern society and civilizational confrontation in the modern world is analyzed.

Keywords: civilization, values, conflict, family, delta result, redistribution of subjectivity

For citation: Kazantseva VA, Dolgodvorova IN. “Clash of civilizations”: main conflictogenes. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480):21-25. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-21-25.

Постановка проблемы

Во все времена общество базировалось на взаимоотношениях и взаимосвязи между личностями и группами индивидов. Действия каких-либо социальных групп, мировоззренческие установки или система ценностей которых отличаются от привычной для другой группы людей, неизбежно порождали некоторые недовольства, а следовательно, и разногласия между участниками социальных отношений. Эти факторы становились катализатором нарастающей напряжённости

между этими группами людей, то есть выступали в качестве конфликтогена.

Термин «конфликтоген», дословно означающий «порождающий конфликт», был введён доктором психологических наук А. Егиденсом. Под понятием конфликтогена понимаются факторы, которые, выражаясь в словах, в действии или бездействии, становятся причиной конфликта. Конфликтогены, в свою очередь, накапливаясь, становятся причиной повышения напряжённости в обществе, вследствие чего формируется конфликтогенность.

Конфликтогенность — это социальное явление, состоящее из объективных и субъективных конфликтогенов и характеризующееся пограничным состоянием между устойчивостью и конфликтом. Конфликтогенность является следствием действий каких-либо социальных групп и часто является объектом рассмотрения как явление, происходящее внутри государства. Однако конфликтогенность имеет место быть не только как внутригосударственное явление, но и как цивилизационное. Состоянием некой напряжённости можно охарактеризовать и отношения между цивилизациями.

В этой статье мы постараемся выделить и обобщить основные цивилизационные конфликтогены современного общества.

Результаты исследования

Современное общество находится в постоянном развитии: быстроменяющийся мир требует изменений не только в материальной стороне бытия, но и энергийной.

Активные изменения в обществе затрагивают не только отдельного индивида, но и целые социальные институты. Например, активной трансформации подвергается институт семьи.

Рассмотрим понимание института семейных отношений как пример цивилизационной конфликтогенности Востока и Запада.

Восточная модель семьи характеризуется чёткой иерархией внутри семьи и патриархатом, а также почтительностью к старшему поколению, даже к тем членам семьи, что ненамного старше. В конфуцианстве почтительность к старшим выражается в принципе «сяо», сыновьей почтительности: «Если благородный муж предан своим родственникам, в народе процветает человеколюбие; если он не забывает старых друзей, народ не утрачивает отзывчивость» [10. С. 185].

Семья, согласно конфуцианству, это важнейшая ячейка общества, основной функцией которой является рождение детей. В соответствии с семейными отношениями строились и отношения внутри общества и государства: «Молодые люди, находясь дома, должны проявлять почтительность к родителям, выйдя за ворота — быть уважительными к старшим» [10. С. 159]. Согласно Конфуцию, император — это отец народа, а подчинённые — его сыновья, относящиеся к нему с глубоким почтением и уважением.

Что касается западной модели семьи, то она более свободная. Взаимоотношения внутри семьи в большей степени строятся на равенстве между

её членами. Определённо, уважение, как и в восточном типе, присутствует, однако не закреплено в качестве канона.

Западный тип семьи более гибкий. Интенсивное развитие приводит к тому, что новый темп жизни формирует новый тип семьи, который, в отличие от восточного типа, не завязан на чёткой иерархии и уже не ставит основной целью выполнение изначальной функции (например, муж и жена, придерживающиеся культуры чайлдфри).

Каким образом различия в понимании семьи рожают некоторую конфликтогенность в обществе?

Следствием различного понимания семьи как ячейки общества становится различное понимание человека и его роли в жизни общества (в восточном типе мы говорим о человеке как части общества, который живёт ради него; что касается западного типа, то здесь имеет место быть индивидуализм), а также, следовательно, и различное понимание самого общества, а также государства. Традиционность Востока вступает в противоречие с неолиберализмом Запада. Непонимание действий друг друга из-за различных взглядов на построение семейных отношений, которые являются следствием отличных друг от друга систем ценностей, рождает непринятие этих действий и, как следствие, напряжённость в построении отношений между Востоком и Западом.

Современное общество диктует новые правила. Традиционные ценности уже не играют той ключевой роли, как в прошлом. Мало того, они не только не играют ключевой роли, они ассоциируются в умах людей с чем-то отстающим.

Что же такое понимается под традиционными ценностями? Традиционные ценности — это ценности, формируемые в сознании людей, живших в медленно меняющихся условиях их существования, когда столетиями мало что принципиально меняется» [9]. То есть традиционные ценности закрепляют в качестве канона знания, накопленные в процессе длительного личного опыта, переживаемого большим количеством людей.

Что же сейчас приходит на место традиционных ценностей? На их место встают неолиберальные ценности. Сформированные некоторые время назад, неподкреплённые личностным опытом неолиберальные ценности активно пропагандируются в современном обществе. Как следствие освоения этих ценностей на Западе и формируются новый тип семьи, в котором основная функция семьи отходит на второй план, происходит смена ролей внутри семьи. Такая ценностная система,

как и форма семейных отношений, представляется как прогрессивная, как современная.

Однако не все готовы следовать и принимать новые «прогрессивные» формы. Например, наша страна активно критикует неолиберальные ценности, отказываясь им следовать. В качестве оппозиции данному направлению был принят Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», в котором перечислены основные традиционные ценности и закрепляется традиционный тип семьи. Как следствие, между западным миром, принимающим неолиберальные ценности, и нашей страной, закрепляющей традиционные ценности, возникают некоторые недопонимания.

Таким образом, принятие одной ценностной системы и непринятие другой, что мы можем увидеть на примере понимания семьи, рождает некую рассогласованность между цивилизациями, то есть ценности могут вызвать конфликт, а значит, являются цивилизационным конфликтогеном.

В результате разрушения семейных отношений, кризиса традиционных ценностей, современный человек всё чаще сталкивается с проблемой одиночества. Историк Дэвид Винсент, исследуя развитие проблемы одиночества в различные исторические промежутки, пишет об «эпидемии одиночества» в XXI в. и растущей панике в обществе по этому поводу [3. С. 320]. В своей работе «История одиночества» он приходит к выводу, что «одиноким гражданин — это непреднамеренное последствие стремления к личной выгоде, неизбежного в обществе слабеющих социальных сетей» [3. С. 341]. Таким образом, он рассматривает одиночество как дельта-результат развития современных капиталистических отношений и распространения неолиберальных ценностей.

К тому же выводу приходит и философ Зигмунт Бауман в работе «Моральная слепота» [2]. В ней он называет «текущим злом» расползание по современному миру неолиберальных ценностей, приводящих к атомизации индивидов, разрыву социальных связей и как итогу — к утрате моральной чувствительности среди людей. Философ указывает, что при этом современный человек часто не осознаёт своего одинокого, а поэтому шаткого, неустойчивого положения в мире, а осознание к нему приходит зачастую тогда, когда разрушенные социальные связи уже очень сложно восстановить.

Размышляя над проблемой одиночества, Оливия Лэнг в работе «Одиноким город» пишет, что в одиночестве трудно признаться, причём не только кому-то, но даже и самому себе. Его трудно определить, и, как и депрессия, одиночество может глубоко пропитывать ткань личности [5. С. 10].

Доктор философии, социолог Эрик Кляйненберг, исследуя феномен современного одиночества, называет современную социальную реальность «жизнью соло» и делает неутешительный прогноз в сторону всё большего разъединения человечества в будущем, дальнейшей индивидуализации и нормальности бытия в одиночестве, когда люди «вместе, но по отдельности» [4].

Ощущение себя одиноким, атомизированным влияет как на политическую деятельность человека, так и на его ощущение себя гражданином. Вот что пишет по этому поводу Зигмунт Бауман, ссылаясь на А. де Токвиля: «Индивидуум — худший враг гражданина. Гражданин — это человек, склонный добиваться собственного благополучия через благополучие города, тогда как индивидуум склонен быть равнодушным, скептически настроенным и насторожённым по отношению к “общей причине”, “общему благу”» [1. С. 44]. В итоге З. Бауман делает вывод, что «оборотной стороной индивидуализации, по-видимому, является коррозия и постепенный распад гражданства» [1. С. 44]. Действительно, ощущение себя одиноким, распад социальных, семейных связей приводит к абсентеизму. Человек теряет интерес к активной социально-политической деятельности, он становится более уязвимым для различного рода манипуляций со стороны политиков-популистов. Такой человек редко ходит на выборы, считая, что его голос не важен и от него ничего не зависит, что негативно сказывается на политической обстановке в мире в целом. Или, наоборот, его легко можно спровоцировать на участие в различных несанкционированных, неправомερных политических акциях, задача которых на самом деле не улучшить жизнь общества, а внести разлад в его функционирование и развитие как целостности. Как пишет Карен Хорни, «...в итоге человек колеблется между ощущением безграничной власти в определении собственной судьбы и ощущением полнейшей беспомощности» [8. С. 142].

Как мы уже написали выше, проблема одиночества в современном обществе может пониматься как дельта-результат распространения неолиберальных ценностей. Вместе с тем дельта-

результат сам может быть мощнейшим конфликтогеном в обществе. Таковым он становится, когда политическая власть не работает с дельта-результатом, не включает его в свою дальнейшую работу. Поскольку дельта-результат носит и объективный, и субъективный характер, его наличие в процессе деятельности неизбежно. Блез Паскаль в работе «Мысли» писал: «Кто откроет тайну, как радоваться благу, не огорчаясь от сопутствующего зла, тот решит задачу. Это вечное движение» [6. С. 101]. Дельта-результат неизбежен в любой деятельности, особенно в той, которая требует согласования интересов множества групп людей, как политика. Чем больше неизвестных, чем выше необходимая скорость реакции для решения проблемы — тем больше дельта-результата. А если учесть, что мы живём, по выражению З. Баумана, в обществе «текущей современности» и обречены на постоянные риски, то «чёрные лебеди» дельта-результата будут появляться в нашей жизни всё чаще. Одной из компетенций современного политика должно быть умение работать с дельта-результатом. Это включает в себя: выявление дельта-результата (самостоятельно или при помощи создания специальных комиссий), создание рабочих групп по работе с дельта-результатом, учёт дельта-результата в своей последующей деятельности (его встраивание в цепочку деятельности), своевременное информирование общественности о наличии дельта-результата и последующий контроль за минимизацией его последствий. При этом не только политик должен быть заинтересован в выявлении дельта-результата и работе с ним. Граждане должны также принимать в этих процессах активное участие, например, путём информирования органов власти соответствующего уровня о наличии дельта-результата. Этому участию способствуют правильное перераспределение субъектности «снизу вверх» в обществе между политической властью и гражданами. При этом процессы перераспределения субъектности также могут являться значительным конфликтогеном как на макроуровне, так и на микроуровне.

Конфликтогенность процессов перераспределения субъектности на макроуровне проявляется в современном обществе в перераспределении ролей внутри семьи. Изменение роли женщины в обществе, увеличение возраста вступления в брак, рождение детей в позднем репродуктивном возрасте или вовсе отказ от деторождения влияют на процессы перераспределения субъектности в семье. Привычные социальные роли мужа и жены, отца и матери могут оспариваться

во внутрисемейных отношениях, что приводит к кризису института брака и семьи.

Конфликтогенность процессов перераспределения субъектности на макроуровне происходит вследствие перехода международных отношений от модели однополярного мира к модели многополярного мира. На сегодняшний день всё больше стран осознаёт себя равноправными, равноценными, важными участниками международных отношений и требует соответствующего к себе отношения. Модель перераспределения субъектности «гегемон—сателлиты» больше не работает, а необходимость вести диалог и договариваться остаётся, что приводит к поиску новых принципов перераспределения субъектности между странами.

Заключение

Активное развитие современного общества неизбежно рождает разногласия между некоторыми цивилизациями. В качестве основных цивилизационных конфликтогенов могут выступать:

1. Ценности. Противостояние традиционных и неолиберальных ценностей неизбежно приводит к формированию конфликтогенности между группами людей, придерживающихся тех или иных ценностей. Такое противостояние может выражаться в понимании типа семьи.

2. Дельта-результат. Неумение как политической власти, так и граждан работать с дельта-результатом также может стать причиной появления недопониманий между участниками политических отношений, что в дальнейшем может привести к появлению конфликта.

3. Процесс перераспределения субъектности. Изменения в устройстве мира неизбежно оказывают влияние и на развитие малых социальных групп, формирование новых моделей порождает состояние конфликтогенности как внутри государств, так и между ними.

Таким образом, основными цивилизационными конфликтогенами являются ценности, дельта-результат и процессы перераспределения субъектности на разных уровнях общественного взаимодействия. Несмотря на то, что конфликтогены могут стать причиной конфликта в будущем, они также могут стать способом его предотвращения. Основываясь на названных конфликтогенах, рассматривая их, личности имеют возможность сформировать модели взаимодействия внутри общества, которые бы не только не обостряли, но и даже предотвратили конфликт в будущем.

Список источников

1. Бауман, З. Текучая современность. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
2. Бауман, З., Донскис Л. Моральная слепота: утрата чувствительности в эпоху текучей современности. СПб. : Издательство Ивана Лимбаха, 2019. 368 с.
3. Винсент Д. История одиночества. М. : Новое литературное обозрение, 2022. 456 с.
4. Кляйненберг Э. Жизнь соло: Новая социальная реальность. М. : Альпина нон-фикшн, 2014. 279 с.
5. Лэнг О. Одиноким город. Упражнения в искусстве одиночества. М. : Ад Маргинем Пресс, 2018. 352 с.
6. Паскаль Б. Мысли. М. : АСТ, 2023. 256 с.
7. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. Общечеловеческое. М. : Садра, 2022. 216 с.
8. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Новые пути в психоанализе. СПб. : Питер, 2022. 304 с.
9. Худякова Н. Л. Человек как социокультурная форма бытия. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. 152 с.
10. «Четверокнижие» («Сы шу») / пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова ; вступ. ст. Л. С. Переломова ; Ин-т Дальнего Востока. М. : Вост. лит., 2004. 431 с. (Китайский классический канон в русских переводах: Оsn. в 1998 г.).

References

1. Bauman Z. Tekuchaya sovremennost. St. Petersburg; 2008. 240 p. (In Russ.).
2. Bauman Z, Donskis L. Moralnaya slepota: utrata chuvstvitelnosti v epokhu tekuchey sovremennosti. St. Petersburg; 2019. 368 p. (In Russ.).
3. Vinsent D. Istoriya odinochestva. Moscow; 2022. 456 p. (In Russ.).
4. Klyaynenberg E. Zhizn solo: Novaya sotsialnaya realnost. Moscow; 2014. 279 p. (In Russ.).
5. Leng O. Odinokiy gorod. Uprazhneniya v iskusstve odinochestva. Moscow; 2018. 352 p. (In Russ.).
6. Paskal B. Mysli. Moscow; 2023. 256 p. (In Russ.).
7. Smirnov AV. Vsechelovecheskoe vs. Obshchechelovecheskoe. Moscow; 2022. 216 p. (In Russ.).
8. Khorni K. Nevroticheskaya lichnost nashego vremeni. Novye puti v psikhoanalize. St. Petersburg; 2022. 304 p. (In Russ.).
9. Khudyakova NL. Chelovek kak sotsiokulturnaya forma bytiya. Chelyabinsk; 2022. 152 p. (In Russ.).
10. "Chetveroknizhie" ("Sy sh"). Translate by AI Kobzev et al. Moscow; 2004. 431 p. (In Russ.).

Информация об авторах

В. А. Казанцева — старший преподаватель кафедры философии.

И. Н. Долгодворова — преподаватель кафедры философии.

Information about the authors

V. A. Kazantseva — Senior Lecturer of the Department of Philosophy.

I. N. Dolgodvorova — Senior Lecturer of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 08.10.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 08.10.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 111.8

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-26-29

НЕКЛАССИЧЕСКИЙ ДИСКУРС СВОБОДЫ

Светлана Васильевна Димитрова

Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, sve-dimitrova@yandex.ru, ORCID 0000-0003-4962-0692

Аннотация. Показано, что неклассические характеристики свободы формируются в процессе преодоления позиции, согласно которой свобода понимается как возможность достигать поставленных целей, основываясь на изучении закономерностей, позволяющих прогнозировать и контролировать дальнейшее развитие. Современный дискурс свободы формируется в процессе перехода от поиска и установления закономерностей к хаосу; от целерациональных действий к бунту и иррациональным моментам в творчестве. Важными условиями достижения свободы является отказ от тождества и «культ» различия. Различие как онтологический принцип позволяет преодолеть давление системы. И результатом происходящих переходов и новых способов описания свободы становится бездомный человек-номад, пребывающий в хаосе, способный отказаться от обустроенности мира, от эффективных действий, направленных на достижение результата. Делается вывод о том, что изменение словаря, описывающего характеристики свободы, связано с укреплением позиции, согласно которой познание не является репрезентацией объективных законов, а есть лишь один из способов описания мира. Следовательно, возможность кардинальной смены подходов к пониманию свободы указывает на то, что свобода — это форма бытия-существования человека, при которой возникает необходимость принятия решения относительно себя самого.

Ключевые слова: свобода, бытие, хаос, событие, смысл, целерациональность, закономерность, репрезентация, дискурс

Для цитирования: Димитрова С. В. Неклассический дискурс свободы // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 26–29. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-26-29.

Original article

NON-CLASSICAL DISCOURSE OF FREEDOM

Svetlana V. Dimitrova

Volgograd State University, Volgograd, Russia, sve-dimitrova@yandex.ru, ORCID 0000-0003-4962-0692

Abstract. It is shown that modern characteristics of freedom are formed in the process of overcoming the position according to which freedom is understood as the opportunity to achieve set goals, based on the study of patterns that make it possible to predict and control further development. The modern discourse of freedom is formed in the process of transition from the search and establishment of patterns to chaos; from purposeful and rational actions to rebellion and irrational moments in creativity. Important conditions for achieving freedom are the rejection of identity and the “cult” of difference. Difference as an ontological principle allows one to overcome the pressure of the system. And the result of the ongoing transitions and new ways of describing freedom is a homeless nomad person, living in chaos, capable of refusing effective actions aimed at achieving results and, as a consequence, from the order of the world. It is concluded that the change in the vocabulary describing the characteristics of freedom is associated with the strengthening of the position according to which knowledge is not a representation of objective laws, but is only one of the ways to describe the world. Consequently, the possibility of a radical change in approaches to understanding freedom indicates that freedom is a form of human existence in which the need arises to make a decision regarding oneself.

Keywords: freedom, being, chaos, event, meaning, purposeful rationality, regularity, representation, discourse

For citation: Dimitrova SV. Non-classical discourse of freedom. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480):26-29. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-26-29.

© Димитрова С. В., 2023

Постановка проблемы

Стремительные изменения современного мира, во многом детерминированные научно-техническим прогрессом, привели к формированию ситуаций, при которых ориентированность на отражение объективных связей утратила значимость. Предметом научного исследования становятся результаты взаимодействия сложных систем, а это, в свою очередь, приводит к убеждению о том, что «...нет никакого смысла проводить разграничение между убеждениями по поводу фактов и убеждениями по поводу ценностей» [6].

Успешное развитие науки создаёт условия для существования такой позиции, согласно которой наука — особая форма описания мира, существующая наряду с другими «языковыми играми». Р. Рорти отмечает, что «...великие учёные открывают новые описания мира, которые полезны для предсказания и контроля того, что может случиться, тогда как поэты и политические мыслители дают другие его описания, пригодные для иных целей. Но бессмысленно полагать, что какое-либо из этих описаний является точной репрезентацией того, мира каков он сам по себе. Для этих философов сама идея подобной репрезентации лишена смысла» [6].

Девальвация позиции, согласно которой цель науки — это возможность репрезентировать объективные закономерности мира, приводит к пониманию того, что истина — это совокупность конвенций, непротиворечивых, верифицированных суждений и т. д. То есть истина — это не результат отражения закономерностей объективного мира, а некий конструкт, формирующийся в данном контексте, дискурсе, имманентно включённый в логику данного словаря. Следовательно, в условиях современного мира мы должны сформировать/согласовать словарь, посредством которого можно будет описать черты свободы.

«Новый словарь» свободы: от закономерностей к хаосу

Прежде всего укажем, на то, что этот словарь кардинально отличается от прежнего. Характеристиками свободы перестают быть такие понятия, как изучение закономерностей, позволяющих прогнозировать и контролировать дальнейшее развитие. «Познанная необходимость» определяется в контексте осознанного рабства.

Подходы к определению свободы в рамках классической философии неизменно были ориентированы на признание законов и истин бытия, установление которых позволяло человеку полу-

чать знания о мире и в соответствии с ними выстраивать собственные действия.

Однако успешные действия, базирующиеся на данной установке, сделали очевидным понимание того, что прогнозировать, планировать дальнейшее развитие не только природного, но и социального миров не представляется возможным.

Одним из важных результатов научно-технического прогресса становится то, что человеку противостоят не столько стихийные/непознанные силы природы, сколько реальность, сформированная эффективными действиями самих людей. При этом очевидным становится понимание того, что созданные людьми реальности развиваются согласно имманентной, автономной логике. Примером таких автономных миров является техника. М. Бубер пишет: «Машины, изобретённые для того, чтобы служить человеку-работнику, сделали его своим рабом. Они задуманы всего-навсего как инструмент и некий придаток человеческих рук, но человек сам стал их придатком и одной из снующих взад и вперёд мелких деталей» [2. С. 193].

Следует указать на то, что ожидания, связанные с возможностью сознательного управления миром, сменились констатацией факта о том, что «...ненадёжность, нестабильность, уязвимость стали широко распространёнными (и наиболее болезненно ощущаемыми) чертами современной жизни... ненадёжность сегодня — это не вопрос выбора, это — судьба» [1. С. 154].

Поэтому можно фиксировать что новый дискурс свободы предполагает необходимость преодоления логики целерациональных действий и выражается в творчестве, в бунте, в свершении событий.

В философском экзистенциализме было представлено новое понимание мира, согласно которому источником хаоса является иррациональность мира и стремления человека установить закономерности, сделать ясными законы мироустройства, а перманентно возникающие усилия человека, направленные на сведение многообразия проявлений жизни к целенаправленности, подобны бесконечным усилиям мифического героя Сизифа. Следовательно, перед человеком стоит задача выработать правдивое отношение к миру, которое, согласно учению А. Камю, заключается в признании абсурдности человеческого существования.

Вместе с тем осознание недостижимости установления какого-либо общезначимого порядка

выступает основанием для обретения свободы. «Абсурд развеял мои иллюзии: завтрашнего дня нет. И отныне это стало основанием моей свободы», — пишет Камю [5. С. 55].

Экзистенциальный бунт — это стремление утвердить собственное Я, прожить свою собственную жизнь. Согласно учению А. Камю, ценность бунта в том, что человек, осознавая невозможность изменить законы, стремится это совершить. Человек, находящий в себе силы для бессмысленного, с точки зрения инструменталистского общества, бунта, проживает свою жизнь, становясь свободным.

Таким образом, можно утверждать, что современный язык свободы формируется в процессе перехода от поиска и установления закономерностей к хаосу. Необходимо отметить, что поиск и обретение свободы в условиях современного мира предполагает не следование какой-либо системе ценностей, с которой человек соизмерял бы степень своего освобождения, а в том, чтобы самому принимать решение, воплощать и удерживать определённые истины и формы порядка.

Свобода как переход от действий к событиям

Формирование новых подходов к свободе создаёт иной тип дискурса, который необходим для описания жизни и деятельности людей. Один из наиболее разработанных словарей, описывающих ситуацию современного человека, является язык Ж. Делёза.

Французский философ говорит о необходимости отказаться от всех установленных принципов и правил, репрезентирующих сущее, и перейти к «чистой игре». Особенность чистой игры заключается в том, что её правила возникают «здесь и сейчас». Поэтому и единицами игры выступают такие формы активности, которые подчиняются уникальным, возникающим и исчезающим в данный момент правилам, — «игра случайностей»; «броски игровых костей». Все броски утверждают случай как таковой, уникальный и неделимый, по отношению к которому они являются «качественными формами онтологически единственного броска» [3. С. 81].

Между тем «техника» «уникального бросания» имеет онтологическую значимость, поскольку управляет «распределением сингулярностей» [3. С. 89]. Трансцендентальная природа сингулярностей, которые не относятся ни к объ-

ективности, ни к субъективности, позволяет им быть основанием смысла.

«Сингулярности — это подлинные трансцендентальные события... сингулярности заведуют генезисом и индивидуальностей, и личностей: они распределяются в “потенциальном”, которое не имеет вида ни Эго, ни Я, но которое производит их, самоактуализируясь и самоосуществляясь, хотя фигуры этого самоосуществления совсем не похожи на реализующееся потенциальное» [3. С. 144].

Взаимосвязи, которые возможны в условиях номадического распределения сингулярностей, отражают не соотнесённость причин и следствий, а соотнесённость только эффектов/следствий. «Особенность номадического распределения заключается в том, что определяющим видом взаимосвязи выступает здесь не соотнесённость причин и следствий (эффектов), а взаимодействие эффектов друг с другом» [4. С. 152]. А связь эффектов/следствий уподобляется «броскам в игре». Следовательно, новый дискурс свободы связан с открытой, подвижной, постоянно подвергаемой случайным изменениям системой. Тем самым свобода предполагает возможность выхода за пределы закрытого пространства «каузального действия», наполненного фиксированными результатами.

Однако важной формой активности, способом утверждения смысла становления бытия является концепт события. И только уникальные усилия человека являются основанием для свершения события. Смысл обладает «тем минимумом бытия, который побуждает упорство» [3. С. 42].

Отличительной чертой события, выражающей парадигмальные изменения в подходах к свободе, выступает то, что упорство смысла ведёт к возникновению новых режимов сознания, типов активности, порождает новые серии взаимосвязей явлений и результатов действий. Установление смысла, свершение события — это способ актуализации уникальных форм бытия.

Резюме

Таким образом, смена парадигм и изменение словаря, описывающего характеристики свободы, позволяют сделать вывод о том, что свобода — это такая форма бытия/существования человека, при которой возникает необходимость принятия решения относительно себя самого.

Список источников

1. Бауман З. Индивидуализированное общество. М. : Логос, 2002. 390 с.
2. Бубер М. Два образа веры. М. : АСТ, 1999. 592 с.
3. Делёз Ж. Логика смысла. М. : Раритет ; Екатеринбург : Деловая книга, 1998. 480 с.
4. Димитрова С. В. Эффективность действий как условие становления концепта бытия: подход Жюль Делёза // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2021. № 2. С. 148–154.
5. Камю А. Бунтующий человек. Философия. Политика. Искусство. М. : Политиздат, 1990. 415 с.
6. Рорти Р. Случайность, ирония и солидарность // Центр гуманитарных технологий. Электронная библиотека. — URL: <https://gtmarket.ru/library/basis/5152/5154> (дата обращения: 23.10.2023).

References

1. Bauman Z. Individualized society. Moscow; 2002. 390 p. (In Russ.).
2. Buber M. Two images of faith. Moscow; 1999. 592 p. (In Russ.).
3. Delez Zh. The logic of meaning. Moscow; Yekaterinburg; 1998. 480 p. (In Russ.).
4. Dimitrova SV. The effectiveness of actions as a condition for the formation of the concept of being: the Gilles Deleuze approach. *Vestnik VGU. Seriya: Filosofiya*, 2021;(2):48-154. (In Russ.).
5. Kamyu A. A rebellious man. Philosophy. Politics. Art. Moscow; 1990. 415 p. (In Russ.).
6. Rorti R. Chance, irony and solidarity. In: Centr gumanitarnyh tekhnologij. Elektronnoyaya biblioteka. Available from: <https://gtmarket.ru/library/basis/5152/5154> (access: 23.10.2023). (In Russ.).

Информация об авторе

С. В. Димитрова — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и теории права; почётный работник ВПО РФ.

Information about the author

S. V. Dimitrova — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Theory of Law; Honorary worker of the VPO of the Russian Federation.

Статья поступила в редакцию 08.10.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 08.10.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

ЧЕЛОВЕК, ОБЩЕСТВО, КУЛЬТУРА

MAN, SOCIETY, CULTURE

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 30–37.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(10(480)):30-37. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 101.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-30-37

ЖИВОЕ НАЧАЛО В ЧЕЛОВЕКЕ. ЧАСТЬ I. ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Дмитрий Витальевич Соломко¹, Вадим Дмитриевич Лавелин²

¹Челябинский государственный университет; Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия, dimiurg85@mail.ru, ORCID 0000-0002-2318-7643

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, lavelin701@gmail.com

Аннотация. Поиск путей решения проблемы сохранения и активного воспроизводства живого начала в человеке в современном технологизированном мире обусловил необходимость обращения к философскому наследию видных философов. В статье представлены результаты историко-философского анализа некоторой части классической философии, содержательно связанной с концептом «живое начало в человеке». Анализ неклассической и современной философии будет отражён в следующей статье. Сформулирована дефиниция и обозначены основные черты живого начала в человеке. Определено, что живое начало в человеке — внутренне целостное, естественное бытие человека, «органическое целое», саморазвивающееся и характеризующееся внутренней взаимосвязанностью и взаимообусловленностью всех сторон.

Ключевые слова: бытие человека, живое начало в человеке, классическая философия, органическое целое, технологизированный мир

Благодарность. Авторы выражают благодарность доктору философских наук, профессору Вере Сергеевне Невелевой за научное консультирование проводимого исследования.

Финансирование. Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Для цитирования: Соломко Д. В., Лавелин В. Д. Живое начало в человеке. Часть I. Историко-философский анализ классической философии // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 30–37. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-30-37.

Original article

THE LIVING PRINCIPLE IN HUMAN. PART I. HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS OF CLASSICAL PHILOSOPHY

Dmitry V. Solomko¹, Vadim D. Lavelin²

¹Chelyabinsk State University; South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia, dimiurg85@mail.ru, ORCID 0000-0002-2318-7643

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, lavelin701@gmail.com

Abstract. The search for ways to solve the problem of preservation and active reproduction of the living principle in human in the modern technologized world has necessitated the need to address the philosophical heritage of prominent philosophers. The article presents the results of historical and philosophical analysis of some part of classical

philosophy, substantially related to the concept of “living principle in human”. The analysis of non-classical and modern philosophy will be reflected in the next article. The definition is formulated and the main features of the principle in human are outlined. It is defined that the principle in human is an internally holistic, natural being of man, an “organic whole”, self-developing and characterized by internal interconnectedness and interdependence of all sides. It is a set of system-organized components of human existence, each time manifested spontaneously and reproduced in its unique, unique form.

Keywords: human existence, the living principle in human, classical philosophy, organic whole, technological world

Acknowledgments. The authors expresses gratitude to the doctor of philosophical sciences, Professor Vera Sergeyevna Neveleva for the scientific counseling of the study.

Funding. The research was carried out with the support of the Russian Scientific Fund, the competition “Conducting fundamental scientific research and search research by individual scientific groups” (regional competition) 22-18-20011 “Digital literacy: interdisciplinary research (regional aspect)”.

For citation: Solomko DV, Lavelin VD. The Living principle in human. Part I. Historical and philosophical analysis of classical philosophy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480):30-37. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-30-37.

Введение

Традиционно одной из приоритетных задач философии является помощь человеку в определении самого себя и своего места в мире. Чтобы определить своё положение в мире, человеку необходимо понимать специфику современных условий его бытия. Мир человека в XXI в. преимущественно есть технизированный мир, наполненный множеством технических средств и технологий, обуславливающих и опосредующих деятельность, мышление, восприятие и мировоззрение человека. Техническое повсеместно внедряется в жизнь и деятельность человека, постепенно вытесняя живое начало в человеке, заменяя его сугубо техническими моментами: алгоритмизацией, схематизацией, формализацией, стандартизацией. Безусловно, техника открывает новые горизонты для реализации потенциала человека. Отрицать результаты технического прогресса невозможно, есть множество положительных моментов. Техника значительно облегчает как физическую, так и умственную нагрузку, что позволяет экономить время, силы. Однако есть опасения, что человек всецело положится на технику, с лёгкостью поддастся искушению предоставляемым ею возможностям, перестанет в себе культивировать делегированные технике способности. Подобное, например, может произойти в сфере прикладного и изобразительного искусства, графического дизайна и анимации. Отдельного внимания здесь заслуживают нейросети: DALL-E 1 и 2, Midjourney, Playgroundai, QQ, Chat GPT и др. алгоритмы, которые исключают возможность человека как-либо проявлять свой творческий потенциал при взаимодействии с данными системами, поскольку предлагают пе-

речень ограниченных на выбор ярлыков. От человека требуется просто выбрать понравившиеся ему паттерны в нужном порядке, и техника, предварительно скомбинировав их, выдаёт продукт. Результатом подобной деятельности служит изменение перцепции творца по отношению к выражению своего творческого потенциала, проявлению своего живого начала.

Также следует отметить то, как человек может воспринимать саму технику. Японский учёный Масахиро Мори выдвинул гипотезу о существовании парадоксального явления: чем больше визуально техника становится похожа на человека, тем больше у человека возникает к ней симпатии, она как бы становится очеловеченной визуально и даже тактильно. Однако суть самого парадокса заключается в том, что когда визуальное очеловечивание техники достигает определённой точки, приближаясь к максимальному сходству с человеком, то она начинает пугать. Данное явление получило название «эффект зловещей долины». Эффект «...наступает с детальной прорисовкой черт лица и усиливается мимикой и движениями. Людям не приятны роботы, почти не отличимые от человека» [4]. Указанный эффект впоследствии стал художественным приёмом в массовой культуре, способным вызвать у человека страх. Парадоксальность данного явления заключена в том, что, очеловечивая технику, человек, сравнивая её с самим собой, расчеловечивает её, не находя в ней экзистенциального наполнения, живого начала.

Результат взаимодействия человека с техникой в процессе технологически нагруженной деятельности может иметь разный смысл: с одной стороны, очеловечивать самого человека, позволяя

людям созерцать гармоничное взаимодействие человека и техники как средства самовыражения и проявления своего живого начала, с другой — расчеловечивать, изменяя восприятие как творца, так и воспринимающих его творение людей. Первый смысл представляется предпочтительным, так как в гармоничном взаимодействии человека и техники сохраняется и воспроизводится живое начало в человеке.

Живое начало в человеке — значимое понятие для философии. Однако единой трактовки термина, отражающей его сущностные характеристики, в истории философии не обнаруживается. Возникает необходимость историко-философского анализа, в результате которого определим основные черты живого начала в человеке и обозначим, что содержательно с ним связывали различные философы. В рамках одной научной статьи нет возможности в полной мере отразить результаты проведённого исследования, поэтому здесь мы ограничимся отражением основных идей и положений видных представителей только классической философии. Представленность концепта «живое начало в человеке» в неклассической и современной (постнеклассической) философии будет отражена в следующей статье.

Материалы и методы исследования

С целью выявления представленности концепта «живое начало в человеке» отражены результаты историко-философского анализа классической философии, начиная с Платона и заканчивая воззрениями К. Маркса. Сформулирована дефиниция, выявлены и обозначены основные черты живого начала в человеке. В исследовании использованы методы анализа и синтеза, системный и синергетический подходы. В основе составления определения и выявления атрибутивных характеристик живого начала в человеке лежит антропологический принцип.

Классическая философская мысль о живом начале в человеке

В истории философии живое начало в человеке в различные эпохи понималось по-разному, его проявление связывалось философами со многими моментами. Так, например, в античный период Платон в своём труде «Государство», рассуждая о государственном устройстве, говорил, что оно должно быть организовано таким образом, чтобы каждый из людей занимал то место, которое соответствовало бы способностям их душ воспринимать и воспроизводить идеи. Платон разделял

души людей на три группы: философы — правители, души которых подобны воску, самые мягкие, способные действовать нестандартно в изменяющихся условиях полисной культуры. Воины — люди с более плотной душой, подобной глине. Третья группа — земледельцы, торговцы, ремесленники, души которых подобны дереву и не способны воспринимать идеи, из-за чего эта группа может только работать и торговать. Ключевой критерий, по которому Платон разделяет людей, это способность восприятия идей. Характерной чертой человека в таком случае является не просто наличие души, а именно качество его познавательных способностей, их возможность так или иначе воспринимать вечно существующие идеи. В осуществлении познавательной деятельности, устремлённой к восприятию идей, человек способен в онтологическом смысле ожить, пробудиться ото сна, собраться и «выйти из пещеры». Можно сказать, что Платон связывает живое начало в человеке со спецификой познавательных способностей. Сама способность познавать присуща каждому человеку, однако уникальность (самость человека), его живое начало проявляется именно в разности возможностей познания, которыми располагают человеческие души. Именно в процессе познания человек проявляет характерные для его материала души качества, что, по сути, и делает его человеком по версии Платона.

Согласно другому античному философу Аристотелю живое начало в человеке можно соотнести с душой, которая характеризуется направленностью к материи (природному) и к Богу (божественному, «поес»). В своём труде «Метафизика» мыслитель приходит к нескольким трактовкам души, которые частично пересекаются, но не совпадают полностью: «Душа есть та часть человека, в которой заключается жизнь <...> Душа живых существ (составляющая сущность одушевлённого) есть соответствующая обозначению сущность — форма и суть бытия такого-то тела <...> Душа есть первая сущность, тело — материя, а человек или живое существо — соединение той и другой как общее <...> Душа есть сущность и осуществление какого-то тела» [2]. Таким образом, душа обладает следующими характеристиками: поддержание жизни, совокупность формы и содержания (природной морфологии человека и его духовной компоненты), душа деятельна и обуславливает осуществление тела.

Важно понимать, что Аристотель разделял души растений, животных и человека по качественному

наличию «*pous*» — ума, того, с помощью чего человек «сочувствует, учится или размышляет» [3]. «*Nous*» растений — питательная душа, животных — вожделеющая, у человека же разумная. Человеческий «*pous*» — то, благодаря чему человек имеет возможность познать истинную сущность тех или иных вещей, а также самого себя, то есть это способность к рефлексии. Наличие «*pous*» открывает человеку возможность познать имманентную сущность вещей — «*eidos*». Иными словами, понять истинную сущность вещи в содержании её материальной и идеальной целостности. Саму «сущность» Аристотель определял как «форму, находящуюся в другом» [2]. Все вещи в реальном мире представлены как совокупность формы и материи. Человеческий «*pous*» позволяет отделить в мышлении форму от материи, поразмышлять над вещью и провести рефлексю. Именно на этом уровне живое начало в человеке способно проявить себя наиболее полноценно.

Если философы классического периода античной философии связывали проявление живого начала в человеке с познавательной деятельностью, устремлённой к постижению истины, то последующие философы жизненно значимым обозначили проблему счастья и свободы от внешнего мира (атараксии). Целостность человека и полноценность его бытия достигается прежде всего в свободной и счастливой жизни, которая связывалась с безмятежностью, невозмутимостью и спокойствием. Чтобы достичь подобного состояния, благоприятного для проявления живого начала, философами римско-эллинистического периода предлагались различные методы и пути, выраженные преимущественно как практические рецепты для достижения счастливой и свободной жизни. Для Эпикура это — путь разумного удовольствия и наслаждения; для стоиков — безропотное, но с сохранением достоинства следование судьбе и обретение власти над собственными страстями; для скептиков — «эпохэ», воздержание от суждений; для неоплатоников — слияние с Единым. Общим в обозначенных подходах, с чем можно связать концепт живого начала в человеке, можно назвать то, что выражено в понятии «непосредственное». Именно в непосредственном акте переживающего опыта органичным образом проявляется живое начало. Здесь человек способен встретиться с миром, каков он сам по себе, а не каким он представляется в опосредованном опыте рефлексии. Процесс мышления не способен зафиксировать непосредственное, поскольку является операци-

ей опосредования. К примеру, Эпикур непосредственное связывает с ощущениями, «пролепис», «*prolepsis*». На уровне мироощущения человеку открывается «непосредственная очевидность» всего происходящего в мире, это фундамент для миропонимания. Очевидный, дорефлексивный и экзистенциальный уровень. Скептик Пиррон также говорил о важности непосредственного взгляда на действительность и, вслед за стоиками, связывал это со снижением активности ума посредством применения метода «эпохе», что буквально понимается как «воздержание от суждений», в результате которого достигается состояние невозмутимости и спокойствия (*ataraxia*), позволяющее видеть вещи яснее и отчётливее. Такое состояние = внутренний покой, в котором естественным образом находит своё проявление живое начало в человеке.

В воззрениях средневекового философа и богослова Августина Аврелия, отражённых в труде «О граде Божьем», проявление живого начала в человеке можно усмотреть в предлагаемой модели взаимоотношения человека с Богом, выраженной в дуализме души и тела. Августин обозначает проблему нарушения их органического единства. Бог, создавая человека, наделил его душу свободой воли, однако и вторая сторона человека — тело — оказалась свободной, но совершила первородный грех. Далее философ утверждает, что, пойдя против Бога, человек оказался в полной зависимости от него, и его сущностные человеческие качества претерпели изменения: «в нём так повредилась и изменилась человеческая природа, что он стал испытывать в членах противоборствующее и неповинуемое вожделение и подвергаться неизбежной смерти; а затем и рождал то, чем сделался сам вследствие порока и наказания, то есть подлежащим греху и смерти» [1]. После грехопадения человеческая душа, которая и так была отделена от божественного фактом вторичности по отношению к Богу, стала представлять собой совокупность духовной компоненты, тяготеющей к Богу, и телесного, детерминированного свободой воли человека, которая, в свою очередь, представляет собой источник искажения добра и приводит к злу, подчёркивает Августин в своей концепции теодицеи. Противоборство духовного и телесного можно свести к минимуму, направив свою волю на созидание добра — следование божественным законам.

Другой видный средневековый философ Фома Аквинский предлагает иное рассмотрение проблемы соотношения тела и души. В отличие

от Августина Аврелия, противопоставляющего эти начала, он полагает их гармоничное единство в человеке, где тело выступает формой, а душа — внутренней реализацией видения Богом человека. Именно с идеей единства души и тела связывается понимание живого начала. В труде «Сумма теологии» говорится о том, что человеческое реализуется в материальном мире как единство тела (материальной оболочки) и человеческой природы, обусловленной божественным умом [11].

Об идее гармонической взаимосвязи души и тела говорится и в Новое время. В философии Рене Декарт концепт живое начало в человеке можно связать с идеей «сочленения» души и тела. Декарт полагает системность и самодостаточность в устройстве органов «механизма» тела человека, его природной компоненты: «устройство машины нашего тела» [6]. Он обозначает тем самым возможность независимости природного от духовного. Тело устроено подобно машинному механизму, где каждая деталь расположена на своём месте. Протяжённость же не детерминирует существование человека: он может обойтись и без неё. Однако такое существование лишено смысла, ибо подобно простому машинному функционированию, не способному к сомнению, рефлексии и самопознанию. Душа человека, по Декарту, является источником мыслей. Именно с мышлением, «живой» мыслью сомневающегося разума можно связать проявление живого начала в человеке: «мыслью = существую».

Всю возможную активность человека (волю, восприятие, воображение и т. д.) пронизывают две человеческие компоненты. Однако необходимо, чтобы они существовали в гармоничной взаимосвязи между собой, чтобы человек мог воспринимать себя, другого и мир целостно, несводимо к какой-либо из сторон дуалистической концепции Декарта.

Готфрид Вильгельм Лейбниц в своём труде «Монадология» выразил оригинальную трактовку живого начала в человеке через «монады». Мир, по Лейбницу, системен, что предполагает наличие иерархии. Она проявляется в принципе «предустановленной гармонии», упорядоченности монад. Монада в переводе с греческого — простая частица. По Лейбницу, это самостоятельная, самозамкнутая, «не имеет окон» [8], уникальная субстанция. Монады представляют собой простейшие составные части всего сущего. Они сходны в своём различии друг от друга. Количество монад соответствует числу феноменов в мире. Монады сверхчувственны и не мо-

гут взаимодействовать физически друг с другом. Монада человека есть дух (в отличие от душ и простых монад), способный к самопознанию, осознанию и изучению нематериальных аспектов этого мира. Взаимодействие монад в человеке обуславливается Богом по законам механики (силы и упорядоченности движения) и справедливости. Упорядоченность монад, заданная Богом, в человеке наделяет его способностью мыслить, воспринимать и осмыслять как вещи, так и себя. Таким образом, живое начало в человеке в философии Лейбница можно связать с идеей упорядоченности монад, организованной Богом, детерминирующей сущностные качества человека — способность к рефлексии и восприятия целостной картины мира.

И. Кант в своём труде «Антропология с прагматической точки зрения» определяет сущностную характеристику бытия человека как способность к пониманию самого себя, к самоанализу, рефлексии: «То обстоятельство, что человек может обладать представлением о своём Я, бесконечно возвышает его над всеми другими существами, живущими на земле» [7]. Данная особенность присуща человеку с рождения, даже при условии невозможности словесно произнести слово «Я», индивид уже с малого возраста схватывает способность к осознанию самого себя как относящейся стороны в контексте отношений с миром и родителями. Однако способность обладать представлением о своём «Я», утверждает Кант, неизбежно ведёт к появлению у человека эгоизма в противовес эгоизму других людей. Человеческий эгоизм Кант делит на три типа: логический, основывающийся на непринятии истинности суждений других людей в адрес своего собственного; эстетический, который основывается на самозамкнутости эстетических суждений человека, истинность которых исходит не из спецификации предмета суждения, а из вкусовых предпочтений индивида; моральный, сводящий все цели и действия человека к получению выгоды лишь для него самого. Бытие человека в таком случае предстаёт как конкретное, чувственное, самозамкнутое «Я», пытающееся распространить себя на весь мир. Эгоизм губительным образом влияет на проявление живого начала в человеке.

Эгоизм, отмечает Кант, можно нивелировать с помощью разумного рассмотрения человеком своего «Я» как одной из частей мира, как целостной системы. Это «плюрализм мыслей» [7], который меняет восприятие всего мира через субъективное человеческое «Я» на осозна-

ние себя как части мегасистемы (общества, государства и т. д.). В философии Канта живое начало в человеке связывается с идеей осознания человеком своего «Я» как части универсальной целостности, встроенности в мир. Живое начало в полноценном своём проявлении позволяет элиминировать эгоизм как таковой.

Г. В. Ф. Гегель в своих трудах не раз поднимал вопрос о специфике человека, его сущностных характеристиках. Стоит отметить, что при первом прочтении взгляд Гегеля на человека отличается от кантовского. Кант рассматривает конкретно-го, более приземлённого человека, выделяя характерную чувственную специфику восприятия мира (эгоизм). Гегель же стремится рассмотреть человеческое в абстракции, но при этом не отрицает факт влияния страстей на человека. «Ничто великое в мире не совершалось без страсти» [5]. По версии Гегеля, одним из двигателей истории является некая чувственная детерминанта человеческого поведения. Страсти представляют собой «частный интерес» [5], который при этом имеет необходимость обнаружения себя во всеобщем, которое является суммой как индивидуальных проявлений человеческих страстей, так и с результатом сложения их отрицания. В процессе разрешения противоречия между частными интересами побеждает наиболее жизнеспособное устремление, которое по сути своей не противопоставляется всеобщей идее, поскольку последняя остаётся «на заднем плане» [5] в противостоянии страстей: «Частное в большинстве случаев слишком мелко по сравнению со всеобщим: индивидуумы приносятся в жертву и обрекаются на гибель. Идея уплачивает дань наличного бытия и брэнности не из себя, а из страстей индивидуумов» [5].

Разум, который является защитником всеобщего, оказывается, в конечном счёте, сильнее человеческой страсти. Здесь обнаруживается сходство с кантовской концепцией. Оба мыслителя настаивают на необходимом превосходстве разума над «эгоизмом» и «страстью». Однако коренное отличие выражается в том, как разум одерживает верх над чувственным. Кант указывает на очевидность того факта, что человек является лишь частью мира как мегасистемы, поэтому возникает невозможность рассмотрения его в целостности и определения человеком своего места в этом мире без понимания иных мыслей и идей, которые входят в противоречие с человеческим эгоизмом, который необходимо нивелировать разумом. При этом чувства и устремлённости чело-

века остаются ему присущи, но обуславливаются миром, государством, обществом и т. д.

Постановка данной проблемы остаётся схожей у Гегеля, однако он представляет иное понимание преодоления человеческой чувственности. По Гегелю, сущность человека представлена единством своего «Я», чувственной компоненты, и «Духа», который представляет собой постепенно сменяющих друг друга на пути к мировому духу ступеней развития человека. Единичный человек — это лишь одна из частей мирового духа, то есть самодостаточной существующей в каждом человеке абсолютной идеи, реализующей саму себя через деятельность человека (материальную и духовную культуру). «Я» человека постепенно элиминируется по мере прохождения от «субъективного» до «абсолютного» духа. Субъективный дух — состояние сознания отдельного человека, детерминированное его страстями. По мере избавления от страстей и движения ко всеобщему человек входит в стадию «объективного духа» — состояние сознания человека, детерминированное нормами общества (право, нравственность, гражданское общество). Последняя же ступень абстрагирования от субъективного человеческого начала — «абсолютный дух». Это состояние сознания человека, детерминированное мировым духом как таковым, стремящимся к свободе и реализующим себя в истории. Так, например, говоря о реализации абсолютного духа в человеке, Гегель упоминает Наполеона, чьи личные страсти были низложены общим стремлением мирового духа реализовать себя в истории. Описывая Наполеона как выражение мировой души, Гегель восклицает: «Я видел её, видел, как она прищипывает коня, видел Мировую душу!» [12].

Таким образом, человек, преодолевая свои страсти, становится реализатором мирового духа, большей версией самого себя. Само же живое начало в человеке представляет собой единое органическое целое, состоящее из чувственных порывов (спонтанности, индивидуальности, непосредственности) и общих для всех людей, обусловленных мировым духом устремлений к реализации истории.

В философии Карла Маркса живое начало в человеке можно связать с учением о сущностных силах человека. Сущностные силы человека представляют собой совокупность человеческого интеллекта, чувств и воли, которые обуславливают развитие способностей индивида, исходя из развития потребностей. К. Маркс определяет сущность человека так: «...Сущность человека

не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть ансамбль всех общественных отношений» [10]. В человеке содержится единство трёх сущностных уровней его способностей — природной, социальной и духовной. Природное начало являет собой удовлетворение биологических потребностей, неповторимых относительно каждого индивида. Социальный аспект находит своё отражение в реализации деятельности человека в различных сферах общественных отношений. Духовные способности имеют своё отражение в духовной сфере деятельности.

Родовая сущность (природная) — это совокупность свойств, присущих каждому из людей и отличающая их от других объектов природы. Социокультурно-историческая сущность (социальная) — совокупность типических свойств, которые отличают людей различных эпох, различных культур, различных социальных групп. Индивидуальная сущность (духовная) — совокупность свойств, определяющих качественную самотождественность биографически конкретных людей.

Маркс пишет: «Человек способен творить по меркам любого вида» [9. С. 565]. Человек открыт миру, несводим к какому-либо иному виду, кроме самого человека, и обладает развитым мышлением в отличие от животного, но не обладает специальными атрибутами в виде когтей или меха. Благодаря деятельности человек способен опредмечивать мир — создавать неорганическое тело (человека) — орудия труда. Исходя из этого, индивиду открывается возможность стать универсалом, то есть всесторонне развитым.

Человек свободен в своей деятельности, поскольку не ограничен узкой специализацией, обусловленной природной морфологией. Свобода является одним из важнейших сущностных качеств человека, которое позволяет ему реализовываться. Маркс, продолжая гегелевскую мысль, указывает на конечную цель истории — освобождение человека. На протяжении всей истории человек постепенно движется к своему освобождению на пути от предыстории к истории. Своё освобождение человек осуществляет благодаря смене средств производства, совершая своё движение от предыстории — первобытности, рабовладель-

ческого строя, феодализма и капитализма к истории — коммунизму (социализму).

Живое начало в человеке в духе философии Маркса можно определить как единство сущностных сил человека, выраженных в совокупности природной, социальной и духовной компонент бытия человека, воспроизводящейся в уникальной форме. Сам же человек не может быть сведён к какому-либо иному виду кроме, как к человеческому.

Заключение

Рассмотрение концепций классической философии помогло выявить ряд характерных фундаментальных атрибутов живого начала в человеке, таких как: 1) непосредственность — непосредственно переживающий субъективный опыт человека, когда опосредующие моменты — мысль, рефлексия, калькуляция — перестают довлеть в жизни и деятельности человека, в его познавательной активности (Эпикур, Пиррон и др.); 2) спонтанность (Фома Аквинский, Рене Декарт и др.) — способность проявляется в человеке не в результате следования инструкциям, а как нечто имманентно присутствующее в человеке, воспроизводящееся в уникальной форме и позволяющее действовать нестандартно в постоянно изменяющихся условиях; 3) органическая целостность — единство всех компонентов бытия человека в их гармоничном взаимодействии и взаимобусловленности (Гегель, Маркс), детерминированная принципом системности (Кант, Лейбниц).

Таким образом, под живым началом в человеке следует понимать органическое целое находящиеся в единстве различных сторон человеческого бытия: природной, социальной, культурной, душевно-духовной. Представляется, что человека и живое начало в нём невозможно свести только к какой-либо одной стороне, например, природной/биологической. *Живое начало в человеке — это совокупность системно-организованных компонентов бытия человека, каждый раз проявляющаяся и воспроизводящаяся непосредственно и спонтанно в своей неповторимой, уникальной форме.* Живое начало очерчивает рамки человеческого, того, что делает человека человеком.

Список источников

1. Аврелий Августин. О граде Божьем. М. : АСТ, 2000. 1296 с.
2. Аристотель. Метафизика. М. : АСТ, 2000. 448 с.
3. Аристотель. О душе. М. : Рипол-Классик, 2021. 260 с.

4. Басалаева О. Г. Особенности взаимосвязи интеллектуальной культуры, искусственного интеллекта и творческого процесса // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2017. № 5. С. 140–145.
5. Гегель Г. В. Ф. Философия истории. М. : Юрайт, 2023. 378 с.
6. Декарт Р. Сочинения : в 2 т. Т. 1. М. : Мысль, 1989. 654 с.
7. Кант И. Антропология с прагматической точки зрения. М. : Наука, 2002. 471 с.
8. Лейбниц Г. Монадология. М. : Рипол-Классик, 2022. 200 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М. : Государственное издательство политической литературы, 1956. 604 с.
10. Маркс К., Энгельс Ф. Тезисы о Фейербахе. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1845/feuerb.htm> (дата обращения: 13.10.2023).
11. Фома Аквинский. Сумма теологии. Киев : Ника-Центр, Эльга ; М. : Элькор-МК, 2002. 560 с.
12. Rüdiger S. Romantik. Eine deutsche Affäre. München, 2007. 187 p.

References

1. Avreliy Avgustin. O grade Bozh'yem [About the city of God]. Moscow, AST; 2000 1296 p. (In Russ.).
2. Aristotel'. Metafizika [Metaphysics]. Moscow, AST; 2000. 448 p. (In Russ.).
3. Aristotel'. O dushe [About the soul]. Moscow, Ripol-Klassik; 2021. 260 p. (In Russ.).
4. Basalayeva OG. Osobennosti vzaimosvyazi intellektual'noj kul'tury, iskusstvennogo intellekta i tvorcheskogo processa. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2017;(5):140-145. (In Russ.).
5. Gegel' GVF. Filosofiya istorii [Philosophy of history]. Moscow, Yurayt Publ.; 2023. 378 p. (In Russ.).
6. Dekart R. Sochineniya v 2 t. Tom 1 [Works in 2 volumes. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ.; 1989. 654 p. (In Russ.).
7. Kant I. Antropologiya s pragmaticheskoy tochki zreniya [Anthropology from a pragmatic point of view]. Moscow, Nauka Publ.; 2002. 471 p. (In Russ.).
8. Leybnits G. Monadologiya [Monadology]. Moscow, Ripol-Klassik Publ.; 2022. 200 p. (In Russ.).
9. Marks K. Iz rannikh proizvedeniy [From early works]. Moscow; 1956. 604 p. (In Russ.).
10. Marks K. Tezisy o Feyyerbakhe [Theses on Feuerbach]. 1845. URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1845/feuerb.htm> (accessed 13.10.2023). (In Russ.).
11. Foma Akvinskiy. Summa teologii [Sum of Theology]. Kiyev, Nika-Tsentr, El'ga; Moscow, El'kor-MK; 2002. 560 p. (In Russ.).
12. Rüdiger S. Romantik. Eine deutsche Affäre. München; 2007. 187 p. (In Germ.).

Информация об авторах

Д. В. Соломко — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии Челябинского государственного университета, доцент кафедры философии Южно-Уральского государственного университета .

В. Д. Лавелин — магистрант кафедры зарубежного регионоведения, политологии и восточной философии.

Information about the authors

D. V. Solomko — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Philosophy in Chelyabinsk State University; Associate Professor of the Department of Philosophy in South Ural State University.

V. D. Lavelin — Master's student Department of Foreign Regional Studies, Political Science and Eastern Philosophy.

Статья поступила в редакцию 10.10.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 10.10.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 37.013.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-38-44

WEB-ТЕЛО: РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ТЕЛЕСНОСТИ В ИНТЕРНЕТ-МИКРОФОРМАТАХ

Артур Александрович Дыдров¹, Александра Сергеевна Варламова²

¹Южно-Уральский государственный университет; Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, zenonstoik@mail.ru

²Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, varlamova.aleksandra02@mail.ru

Аннотация. Объектом статьи являются микроформаты (преимущественно мемы и short stories), потребляемые современным человеком как популярный сетевой контент. В фокусе внимания находятся способы и характерные черты репрезентации тела в мемах и short stories, подробно рассматриваются конкретные кейсы. Общеизвестно, что обозначенный контент систематически используется для кратких «высказываний» и в том числе в автопрезентационном плане. Основываясь на данных аналитики микроформатов, авторы зафиксировали некоторые тренды, непосредственно касающиеся практик репрезентации тела. Эти тренды ещё нуждаются в уточнении и дополнении, однако их первичное выявление позволит внести вклад в концептуальную матрицу digital studies.

Ключевые слова: интернет, мем, микроформат, short stories, микронарратив, тело, репрезентация

Финансирование. Работа выполнена при поддержке российского научного фонда, конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Для цитирования: Дыдров А. А., Варламова А. С. Web-тело: репрезентации телесности в интернет-микроформатах // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 38–44. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-38-44.

Original article

WEB-BODY: REPRESENTATIONS OF CORPORITY IN MICROFORMATS OF INTERNET

Artur A. Dydrov¹, Alexandra S. Varlamova²

¹South-Ural State University; Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, zenonstoik@mail.ru

²Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, varlamova.aleksandra02@mail.ru

Abstract. The object of the article is microformats (mainly memes and short stories), consumed by modern people as popular network content. The focus is on the methods and characteristic features of body representation in memes and short stories, and specific cases are examined in detail. It is well known that the designated content is systematically used for short “statements” and, among other things, in auto-presentation terms. Based on microformat analytics data, the authors have documented some trends directly related to body representation practices. These trends still need clarification and addition, but their initial identification will make it possible to contribute to the conceptual matrix of digital studies.

Keywords: Internet, meme, microformat, short stories, micronarrative, body, representation

Funding. The research was carried out with the support of the Russian Scientific Fund, the competition “Conducting fundamental scientific research and search research by individual scientific groups” (regional competition) 22-18-20011 “Digital literacy: interdisciplinary research (regional aspect)”.

For citation: Dydrov AA, Varlamova AS. Web-body: representations of corpority in microformats of internet. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480):38-44. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-38-44.

Введение

Технологические тренды Индустрии 4.0 существенно влияют на все социальные сферы, общественные отношения и, в конечном счёте, жизненный уклад каждого конкретного человека. Без этого аксиоматического положения сегодня де-факто не обходится ни одна публикация социально-гуманитарного толка, посвящённая актуальным технологическим тенденциям. Между тем оно одновременно и «очевидно», и не понятно, требует дескрипции и аналитической развёртки. В частности, обобщённая маркировка вызывает вопросы о конкретных тенденциях и трансформациях, характере влияния, действительных и потенциальных бенефитах и рисках. Современное социально-гуманитарное исследование, ориентированное на поиск соответствующих решений, как будто априори обречено на партикуляризм, задаваемый предметом изучения, оригинальным сочетанием общенаучных методов со специальным(и), многоступенчатой выборкой эмпирики и частными, вечно «промежуточными» резюме. Историки и философы науки, разумеется, могут объяснить сложившееся положение вещей эволюцией научного знания и трансформацией социальной роли науки — в первую очередь, совершившимся переходом в «постнеклассическую» стадию, кризисом объясняющих дискурсов и «великих нарративов», прагматизацией знания, ориентацией на прикладные исследования и т. д. Однако все обозначенные тенденции и трансформации уже в течение нескольких десятилетий связаны с (и в определённом смысле обусловлены) интернетизацией профессиональных интерьеров и повседневных практик человека.

Социальные функции web-технологий зафиксированы с некоторыми различиями в тысячах научных публикаций. В производстве научного знания — на всех стадиях и во всех составляющих процессах — произошли значительные перемены. Web выполняет не только функционал архива оцифрованных источников, но в буквальном смысле является ресурсом, полностью обеспечивающим научное продуцирование — от замысла до заключительного этапа реализации. В западной источниковедческой науке в сравнительно недавнем прошлом возник концепт *born-digital (re)sources* (заключительный маркер варьируется от исследования к исследованию), фиксирующий обстоятельства возникновения того или иного

источника/документа и его субстрат (бинарный код). По аналогии с этим концептом возможно говорить и о *born-digital researches (studies)*, предварительно определяя последние как исследовательскую работу, научное изыскание в совокупности всех составляющих процедур (определение объекта и предмета, поиск теоретических оснований, выбор методов и приёмов, фиксация степени разработанности проблемы и т. д.), предполагающие взаимодействие «учёный / сообщество — интернет» и не выходящие за рамки интернет-контента и технологических механизмов web. Проще говоря, *born-digital research* полностью осуществляется на мощностях сети и программно-аппаратного комплекса. Подобного рода исследования проводятся уже не один десяток лет. На Западе и в некоторых странах Азии цифровой научный бэкграунд имеет в границах отдельных областей более солидный вес, нежели в России. С калибровкой на программном обеспечении, его интерфейсе и функционале, говорят о формировании «софт-культуры» [5] и, соответственно, софт-исследованиях. В плане объёма обсервер изучает цифровой контент с ничтожно малым удельным весом. Современное социально-гуманитарное исследование дрейфует от одной крайности к другой, уходя в специализированные частности (составление тепловых карт пользовательской активности, аналитика поисковых запросов и т. д.) или пренебрегая «ползучим» эмпиризмом и оперируя отвлечёнными от реалий концептами. Сочленение крайних позиций предполагает соответствующую исследовательскую стратегию, отдалённо напоминающую идею введения в бэконовское «Великое восстановление наук», — тщательный отбор и концептуальное обрамление эмпирики.

Спецификация спектра и функционирования *born-digital sources* существенно затрудняет реализацию такого стратегического замысла. Дело в том, что целые кластеры «рождённых цифровыми» источников стремительно возникают на исследовательском горизонте и так же стремительно исчезают из поля зрения. Речь идёт о микроформатах — условной категории *born-digital*, маркируемой по объёму. В условиях расширения накопителей до Tbyte-величин, увеличения памяти мобильных устройств до сотен гигабайт целый спектр *born-digital* фактически является микрообъёмным: «гифки», мемы (картинки и видео),

shorts, цифровые фото, треки и некоторые другие. Не вдаваясь в методологические трудности, следует отметить, что специфика микроформатов задаётся не только малым объёмом и, следовательно, технически быстрым воспроизведением и передачей по каналу трансляции, но и интенсивностью их сетевой циркуляции. Последняя предполагает стремительное появление и столь же стремительное исчезновение, затруднённый поиск при повторном обращении к источнику, короткий срок действия ссылок. При этом стоит обозначить одно важное методологическое замечание: не следует полагать, что интенсивная циркуляция контента и короткий срок его «жизни» пропорциональны ценности/незначимости. Для историков быта римские надгробные надписи эпохи империи не менее значимы, чем труды Светония Транквилла.

Методология

В условиях цифровизации, то есть увеличения удельного веса дигитального контента и технологий во всех сферах жизни (включая науку), микроформаты приобретают различные статусы, традиционно принадлежавшие иным феноменам, — статусы объекта и предмета исследования, источника и данных. Основываясь на мемах, gif-файлах, short stories, тегах, можно фиксировать специфику ситуации современности. В частности, обозначенные форматы в качестве репрезентантов воспроизводят «микроистории» и интенсивно меняющиеся образы тела и телесности. Сложившееся положение вещей стыкуется с постмодернистским концептом множества тел [1. С. 71]. Бартовский дискурс близко подошёл к новому концепту, но по причине специфики прошлого технологического интерьера не мог предвидеть то, что стало мейнстримом через десятки лет — проецируемое тело. На первый взгляд, новые медиа не произвели в плане репрезентации тела никакой революции — телевидение ещё в первой половине прошлого столетия транслировало бесчисленные образы тел. Однако в цифровой среде — и это совершенно азбучные вещи — проекция тела (равно и интерьера) имеет пиксельный субстрат, состоит буквально из атомов растровой графики. Невидимый глазу переход задаётся элементарной «техномагией» (разумеется, мы используем это слово с иронией) — от растровой клетки к строкам и столбцам (условные понятия, фиксирующие базовые пиксельные структуры), от строк и столбцов — к picture как цифровой картине. От связей, интен-

сивности и расстояний растровых элементов зависит восприятие целого. Каждый из нас сталкивался с изображением, продуцирующим эффект «зернистости». Этот эффект существенно отличается от зернистости фотографии — последний непосредственно связан с физической деформацией материала. Структурация и специфика связей цифровой проекции допускает целый спектр процедур, применяемых не только профессионалами, обладающими специальным знанием, но и обывателями, незнакомыми с электронным «микромиром». В социальном плане существенное различие проекций задаётся доместикацией ряда операций. Для подтверждения этого тезиса стоит вспомнить, например, о перечне базовых операций с цифровым фото на мобильных устройствах — автообработка, обрезка, эффекты (десяток цветовых и масса тех, что доступны на специальных условиях), уровни (выдержка, яркость, контраст, насыщенность, красочность, теплота, оттенок, постеризация, зернистость, резкость, виньетка и др.), вставка текстового слоя, мозаика и некоторые другие. К этому добавляется обработка изображения на мощностях AI. Фактически все доступные техноэффекты отпечатываются на цифровых проекциях и обеспечивают в разных сочетаниях и с различными интенсивностями бесчётные вариации пиксельных тел. При этом мы не касаемся здесь семиотического ракурса и референций — поз, жестов, мимики и т. д.

Семиотический план, то есть собственно план репрезентации и значений, существенно усложняет исследование цифрового тела, превращая любые тотализирующие пропозиции в условные и недостаточные. Сомнительны попытки классификаций цифровых тел и, в частности, выбор того или иного критерия. В фокусе нашего внимания находятся интернет-микроформаты, однако классификация репрезентаций тела в соответствии с ними полностью игнорирует план содержания и концентрируется на социально-технологической форме. В действительности выделенные классы будут иметь пересечения и сочленения, некие «зоны неразличимости» [3], пусть и не в постструктуралистском варианте. Эти «зоны» возникают потому, что микроформаты сами не имеют чётких демаркаций. Проще говоря, мем — это и статичная картинка, и gif, и фрагмент аудиовизуального произведения. У этой «единицы», согласно историческому определению, нет технологически заданных границ. Темпоральные характеристики мема также

условны и ситуативны. Некоторые исследователи акцентируют внимание на дискуссии о существовании мемов, по крайней мере, в биологизаторской интерпретации Р. Докинза. Так или иначе, research-тактика в разговоре о мемах стандартная и связана с перечислением [7]. Зачастую учёные сразу же переходят к исследованию группы мемов, собранной по референту, например, популярным художественным образам [10. Р. 47]. Частный случай с мемами показывает, что работа с интернет-форматами не является лёгким делом, а сами форматы не могут быть сведены к некоторой совокупности технических характеристик или репрезентативных моделей. Как и в отношении к другим предметам исследования, мы всегда принимаем нечто в качестве данности и делаем это для собственного удобства. Обобщая данные о мем-ресерчинге, сошлёмся как на общеизвестные простоту и наглядность мема, на сочетание текстуального и визуального планов, так и на «высокую компактность значений» (high compactness to the meanings) и, разумеется, социальную и культурную детерминированность [9].

Результаты и обсуждение

Квазивирусная природа микроформатов, как уже было сказано, детерминирует интенсивную циркуляцию контента, сравнительно краткий жизненный цикл (хотя есть и исключения), лёгкий доступ и распространение практики «сделай сам» (т. н. DIY). Последнее обстоятельство непосредственно приводит к мейнстримовой генерации контента, не контролируемой никакими государственными или частными инстанциями. Неконтролируемость, в свою очередь, обусловлена не только ограничением технологических возможностей правоохранительных структур, но и спорадическим появлением/исчезновением самого контента. Практика «сделай сам» приводит к неожиданным кросс-культурным комбинациям, идейно связанным с ситуацией постмодерна. Результаты комбинаторики не могут не вызывать смешанных оценок: они абсурдны, смешны, отвратительны и — самое главное — беспрецедентны. Идеологические последствия неожиданных комбинаций не вполне ясны и нуждаются в социально-гуманитарной рефлексии, потому как зачастую влияют на историческую память и внутри(меж)поколенческую трансляцию исторического опыта, на ценности и убеждения потенциального адресата. Базирующиеся на технологически корректных алгоритмах и достаточных мощностях, микроформатные комбинации созда-

ют нетривиальный и спорный контент. В нём причудливо смешиваются исторические артефакты и маркеры современности, политика и поп-культура, интеллектуализм и профанация, правда и фейк. Технологически границы между семантически противоречащими друг другу областями могут быть стёрты до неразличимости, что порождает эффект «естественности» («так и было»). Предлагаем читателям посмотреть несколько изображений, представленных на просторах интернета по ссылкам ([сталин сердечко https://www.meme-arsenal.com/](https://www.meme-arsenal.com/); [#stalin bunny, или #сталин зайка https://www.meme-arsenal.com/](https://www.meme-arsenal.com/); <https://daily.afi.sha.ru/>; <https://www.drive2.ru/>). Мы почти уверены, что потребитель, не специализирующийся на графике и дизайне, а также слабо представляющий себе «запечатлённую» личность, легко поверит в историчность фото. Технологические возможности графики обеспечивают не только эффективность «взлома» прошлого, но и «хисторимейкинг», связанного с уже существующей практикой создания «альтернативной истории».

Материалом для DIY-практик является, актуально или потенциально, любой контент, от исторических фото и текстов, репродукций классического искусства до актуальных новостей, видео, графики и собственно самого микроформатного контента. Экспериментируя с репрезентациями тела, народные (ре)комбинаторы создают новые web-артефакты, неочевидно влияющие на актуальную культуру. Эkleктика значений — визуальное и текстуальное совмещение семантически противоположных/противоречивых маркеров — выражает принципиально новые смыслы. Чтобы читать эти смыслы и видеть их условность — образно говоря, «шестерёнки», — необходимо иметь культурный бэкграунд. Мем, как и любой другой воспроизводящий и продуцирующий/искажающий историю микроформат, имеет предел эффективности трансляции, прямо пропорциональный осведомлённости адресатов, — эта тривиальная мысль подтверждается многочисленными статистическими данными и интервью. В качестве наглядного примера приведём видеоблог [@vekshito](#), преимущественно специализирующийся на интервьюировании студентов и школьников. Многие участники интервью (возраст варьируется от 16 до 25 лет) в принципе не представляют, кто такой Сталин и, разумеется, не смогут внятно объяснить, почему бы этому «непонятному Сталину» не сфотографироваться в оригинальной пижаме.

Вирусная природа микроформатного контента, не в последнюю очередь связанная с его пластичностью, разумеется, затрудняет реализацию исследовательских задач и вынуждает ограничиваться партикулярными целями. При этом микроформатный контент чутко реагирует на тектонические, глубинные социальные и культурные сдвиги, незамедлительно отвечает веяниям времени и, конечно, сам порождает тренды. Представляется возможным предварительно обозначить общие тренды с перспективой дальнейших концептуальных уточнений и дополнений.

Первый тренд, на котором мы акцентировали внимание, — *конструирование образа тела способами модификации исторических источников*. В соответствии с ситуативными запросами индивида, социальных групп, государственной/партийной политики и т. д. меняются конкретные обстоятельства и механики конструирования. Однако, в сущности, этот способ коннотации исторически возник не вчера. В «Фотографическом сообщении» Р. Барта фигурирует кейс об американском юристе и конгрессмене М. Э. Тайдинге, обвинённом в симпатии к коммунистам [2]. Инфотехнологии, скрещённые с DIY-практиками, гипертрофировали данный тренд: миллионы бриколеров, используя подручные цифровые проекции и инструменты, могут синтезировать, согласно заглавию популярной книги С. Джеффриса, «все, всегда, везде» [4]. Если «бартовский» монтаж представлял собой сложную технику, используемую для определённых и не всегда законных целей, то современные электронные бриколажи зачастую не ориентированы не на что иное, кроме развлечения публики или небольшой целевой аудитории (например, философская мем-«заумь»). Образно говоря, они не решают чьих-то судеб, не ставят крест на карьере и не дают счастливые билеты. Политическая тематика микроформатов также не имеет существенной значимости для реальных перспектив референта.

Второй тренд, обслуживаемый технологическими возможностями микроформатов, ориентирован на аутопрезентацию. С ним мы сталкиваемся всякий раз, когда листаем short stories, смотрим TikTok, паблики интернет-персон, видео на «Дзене» и т. д. Синтез трек-сопровождения, как правило, заимствуемого у профессиональных исполнителей, съёмки камерой с обширным динамическим диапазоном, детализацией и быстрым автофокусом, секундного хронометража, tweet-титров значительно оттеняет сюжетную составляющую. На протяжении 10 секунд до-

статочно просто «показаться», сделать движение бровью, моргнуть, улыбнуться, прикусить губу, округлить глаза и т. д. Внутри short-видео разворачиваются свои «тренды» (собственно, термин сохраняется), связанные с позами, жестами и движениями.

Предлагаем читателям по ссылке <https://dzen.ru/video/watch/6521188c5fe03925989ac4f1> 10-секундное видео, демонстрирующее фигуру милой полной девушки в простой одежде, сопровождается отвратительными, унижающими человеческое достоинство титрами. Сюжет конституируется сменой образов: на следующих кадрах девушка одета «по моде», на её лице улыбка и она изящно движется, демонстрируя аксессуары. Как уже было сказано, смена образов укладывается в 10 секунд — это время оптимально для расфокусированного (рассеянного) внимания. Десятисекундные видеоролики можно уподобить цифровым «семечкам», которые человек способен бездумно употреблять и переваривать.

Когда мы говорим о сюжетах микроформатов, то, разумеется, используем это понятие с долей условности. Корректнее говорить о смене нескольких сцен или об одной-единственной сцене. В течение тринадцати секунд девушка с никнеймом Kareglazka завязывает волосы в пучок, улыбается и непрофессионально движется под ритмичную мелодию. Титульные показатели ролика — 1,2K просмотров (не считается достижением у топовых клиперов) и 40 комментариев (аналогично). Примечательно, что в комментариях, интегрированных с любым микро- и макроформатным контентом, выражается спектр отношений, от восхищения и благодарности за хорошее настроение до троллинга и ссылок на советскую киноклассику («Афоня»). Последнее обстоятельство указывает на то, что микроформаты потребляют не только тинейджеры. Собственно, верифицируемые комментарии подтверждают этот тривиальный факт. В комментариях нередко возникает разногласие всевозможных мнений, от нерефлексируемого восхищения до практик хейта, формируются мейнстримовые и титульные позиции, стихийные «сообщества» без фактического единства.

Третий тренд связан с увеличением удельного веса микронаративов, то есть кратких рассказов о повседневности. Предметы этих микро-рассказов откалиброваны в соответствии с низким уровнем притязаний современных нарраторов. Зачастую даже устоявшийся термин «микронаратив» [6] выглядит как фиксирующий

неоправданно великий масштаб в сравнении с микроформатами типа *short stories*. Вечный вопрос о яйце и курице, приложенный к иным обстоятельствам, — технологические возможности предопределяют популяризацию микронарративов или микронарративы детерминируют технотренды, — предлагаем оставить за скобками. В микроформатах часто в принципе не разворачивается никакой истории — многие *short's* ровным счётом не хотят сказать ничего. Они показывают, демонстрируют, но не рассказывают. Движение бровью или плечом в секундном клипе не входит в арсенал классических женских уловок и перечень маркеров флирта а-ля «Джессика Рэббит». На первый взгляд, тренд на повседневность не является новым — не его ли демонстрировали телевизионные ток-шоу или знаменитая антиутопия «Шоу Трумана»? Однако, как бы ни спорно это выглядело, ток-шоу выражали определённую идею, сомнительную с позиций «высокой» культуры, но собирающую фрагменты в целое, в сериал. Труман, не зная этого, обслуживает замысел авторитарного режиссёра — зрителям нужен обыкновенный, ничем не примечательный человек со своими маленькими горестями, страданиями, радостями, поскольку он соразмерен и понятен им. Ради удовлетворения потребности в зрелище планомерно осуществляется постановка. Микроформатные «истории» возникают спонтанно — это не общее правило, но определённо мейнстрим. Потому технологически *short stories* реализуются не профессиональными камерами и стационарными компьютерами, а функционально эволюционирующими мобильными телефонами.

Заключение

Микроформатный контент вполне может стать и уже становится — мы не можем прогнозировать иное — объектом культурологических и се-

миотических исследований, выражающим психологию поколений и способы жизнедеятельности, оперирующим новыми знаковыми комплексами, предполагающим особые коммуникативные практики и т. д. Общеизвестен, например, опыт с сетью «Twitter» (запрещена в РФ), ограничивающий размерность сообщений 140 знаками, включая ссылки на блоги, веб-страницы, изображения и видео [8]. Идеологическая подоплёка лаконизма *tweet'ов* также известна: выражаться конкретнее и точнее, а не множить знаки без необходимости. Краткость сообщений делает их привлекательным объектом аналитики. Впрочем, исследователи социально-гуманитарного толка не заставили себя долго ждать: ещё в 2015 г. были опубликованы результаты анализа данных за календарный год (2013–2014 гг.). С помощью доступного программного инструмента учёные получили временные метки генерации, идентификаторы, содержимое «твитов», идентификаторы пользователей, координаты местоположения и т. д. Данные позволили судить о региональной активности публикаторов и распределить страны по местам сообразно интенсивности размещения «твитов», определить лидеров среди технических устройств, используемых для публикаций, зафиксировать языковое многообразие и языковые тренды, статистику популярности.

Уже этих данных достаточно для серьёзных маркетинговых и социологических выводов. Разумеется, аналитика *big data* в значительной степени не позволяет работать с семантикой сообщений, собственно с их смыслом и посылом. Между тем понятно, что микроформаты чутко реагируют на масштабные события и тем самым могут быть полезны для определения настроений эпохи, особенностей мышления человека, специфики культуры, дескрипции конкретных событий и т. д.

Список источников

1. Барт Р. Ролан Барт о Ролане Барте. М. : Ad Marginem, Сталкер, 2002. 288 с.
2. Барт Р. Фотографическое сообщение // Третий смысл. М. : Ad Marginem, 2015. С. 5–27.
3. Делёз Ж. Мишель Турнье и мир без Другого // Логика смысла. М. : Академический Проект, 2011. С. 395–421.
4. Джеффрис С. Все, всегда, везде. Как мы стали постмодернистами. М. : Ад Маргинем, 2023. 368 с.
5. Манович Л. Теории *soft-культуры*. Н. Новгород : Красная ласточка, 2017. 208 с.
6. Рзаева Р. О. Конец метанарративов в контексте проблематики прошлого и вызовов будущего // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 23–29.
7. Bauckhage C. Insights into Internet Memes // Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media. 2021. № 5(1). Pp. 42–49. doi: 10.1609/icwsm.v5i1.14097

8. Maclean F., Jones D., Carin-Levy G., Hunter H. M. Understanding Twitter // *British Journal of Occupational Therapy*. 2013. № 76 (6). Pp. 295–298. doi: 10.4276/030802213X13706169933021
9. Milosavljević I. The phenomenon of the internet memes as a manifestation of communication of visual society — research of the most popular and the most common types // *Media Studies and Applied Ethics*. 2020. № 1(1). Pp. 9–27. doi: 10.46630/msae.1.2020.01
10. Vitiuk I., Kovtun N., Polishchuk, O., Fed V. Memes as the Phenomenon of Modern Digital Culture // *Wisdom*. 2020. № 2 (15). Pp. 45–55. doi: 10.24234/wisdom.v15i2.361

References

1. Bart R. Rolan Bart o Rolane Barte [Roland Barthes by Roland Barthes]. Moscow, Ad Marginem, Stalker; 2002. 288 p. (In Russ.).
2. Bart R. Fotograficheskoe soobshhenie [The photographic message]. In: *Tretij smysl*. Moscow: Ad Marginem; 2015. Pp. 5–27. (In Russ.).
3. Delez Zh. Mishel' Turn'e i mir bez Drugogo [Michel Tournier and World without others]. In: *Logika smysla*. Moscow, Akademicheskij Proekt; 2011. Pp. 395–421. (In Russ.).
4. Dzheffris S. Vse, vseгда, vezde. Kak my stali postmodernistami [Everything, All the Time, Everywhere: How We Became Postmodern]. Moscow, Ad Marginem; 2023. 368 p. (In Russ.).
5. Manovich L. Teorii soft-kul'tury [Theories of the soft-culture]. Nizhnij Novgorod, Krasnaja lastochka; 2017. 208 p. (In Russ.).
6. Rzaeva RO. Konec metanarrativov v kontekste problematiki proshlogo i vyzovov budushhego [The end of metanarratives in the context of the problems of the past and the challenges of the future]. *Voprosy filosofii*. 2014;(2):23-29. (In Russ.).
7. Bauckhage C. Insights into Internet Memes. In: *Proceedings of the International AAAI Conference on Web and Social Media*. 2021;(5(1):42-49. doi: 10.1609/icwsm.v5i1.14097
8. Maclean F, Jones D, Carin-Levy G, Hunter HM. Understanding Twitter. *British Journal of Occupational Therapy*. 2013;(76(6):295-298. doi: 10.4276/030802213X13706169933021
9. Milosavljević I. The phenomenon of the internet memes as a manifestation of communication of visual society — research of the most popular and the most common types. *Media Studies and Applied Ethics*. 2020;1(1):9-27. doi: 10.46630/msae.1.2020.01
10. Vitiuk I, Kovtun N, Polishchuk O, Fed V. Memes as the Phenomenon of Modern Digital Culture. *Wisdom*. 2020;(2(15):45-55. doi: 10.24234/wisdom.v15i2.361

Сведения об авторах

А. А. Дыдров — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии.

А. С. Варламова — студентка историко-филологического факультета.

Information about the authors

A. A. Dydrov — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophical Sciences.

A. S. Varlamova — Student at the Faculty of History and Philology.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 130.2

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-45-54

ИДЕЯ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И СОВРЕМЕННАЯ ПРОБЛЕМА МЕНТАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ: ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Андрей Андреевич Ковалев

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС, Санкт-Петербург, Россия, kovalev-aa@ranepa.ru, ORCID 0000-0002-7760-5732

Аннотация. Статья посвящена этико-философскому анализу идеи экзистенциального благополучия в русской философии и её роли в разрешении современной проблемы ментальной безопасности. Научная новизна статьи заключается в философском осмыслении современного вопроса о ментальной безопасности средствами этико-философского наследия, связанного с идеей экзистенциального благополучия. Выделяется концепция экзистенциального благополучия в русской философии, имеющая этическую природу. Цель исследования — изучение вклада русской философии в современную дискуссию о ментальной безопасности как важном условии экзистенциального благополучия. В статье рассмотрены несколько подходов (экзистенциальный, феноменологический, этический, философско-антропологический) к исследованию фундаментальных вопросов в контексте изучаемой проблематики. Ядром в исследовании взаимосвязи русской философии и ментальной безопасности как условия достижения экзистенциального благополучия выступает ориентация на нравственные ценности в процессе принятия решений, организации собственной жизни и выстраивании взаимоотношений с окружающей действительностью.

Ключевые слова: экзистенциальное благополучие, ментальная безопасность, ментальное здоровье, нравственные ценности, нравственное совершенствование, русская философия

Для цитирования: Ковалев А. А. Идея экзистенциального благополучия в русской философии и современная проблема ментального здоровья: этико-философский анализ // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 45–54. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-45-54.

Original article

THE IDEA OF EXISTENTIAL WELL-BEING IN RUSSIAN PHILOSOPHY AND THE MODERN PROBLEM OF MENTAL HEALTH: ETHICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

Andrey A. Kovalev

North-Western Institute of Management — branch of the RANEPa, St. Petersburg, Russia, kovalev-aa@ranepa.ru, ORCID 0000-0002-7760-5732

Abstract. The article is devoted to the ethical and philosophical analysis of the idea of existential well-being in Russian philosophy and its role in solving the modern problem of mental security. The scientific novelty of the article lies in the philosophical understanding of the modern issue of mental security by means of the ethical and philosophical heritage associated with the idea of existential well-being. The concept of existential well-being in Russian philosophy, which has an ethical nature, is highlighted. The purpose of the study is to study the contribution of Russian philosophy to the modern discussion about mental security as an important condition for existential well-being. The article considers several approaches (existential, phenomenological, ethical, philosophical and anthropological) to the study of fundamental issues in the context of the studied issues. The core of the study of the relationship between Russian philosophy and mental security as a condition for achieving existential well-being is the orientation towards moral values in the decision-making process, the organization of one's own life and building relationships with the surrounding reality.

Keywords: existential well-being, mental security, mental health, moral values, moral improvement, Russian philosophy

For citation: Kovalev AA. The idea of existential well-being in Russian philosophy and the modern problem of mental health: ethical and philosophical analysis. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480):45-54. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-45-54.

Введение

Русская философия всегда была вовлечена в вопросы духовности, смысла жизни, гражданской идентичности и т. д. Не осталась в стороне и тема ментальности, её атрибутики и экзистенциальных основ жизни. Важность философских размышлений в связи с ментальной безопасностью как условия обеспечения экзистенциальной безопасности возрастает в современном обществе по множеству разных причин, среди которых в том числе высокая технологизация и информатизация человеческой деятельности.

На наш взгляд, отечественная философия в настоящее время может помочь людям в понимании своих собственных ментальных процессов, осознании своих эмоций, поиске внутренней гармонии, достижении психологического благополучия, преодолении экзистенциальных кризисов и духовном совершенствовании. Это важно во избежание таких отрицательных явлений, как депрессия, тревога, агрессия и насилие.

Вклад философии в данную дискуссию заключается в том, что она помогает человеку понять его личные стремления и идеалы, найти свою жизненную позицию, интегрироваться в общество и принять условия жизни. Русские философы всегда подчёркивали, что духовное совершенствование основано на гармонии между человеком и миром/природой, а также между разумом и сердцем и что эта гармония не может быть достигнута без ориентации на определённые нравственные ценности.

Цель исследования заключается в изучении вклада русской философии в современную дискуссию о ментальной безопасности как важном условии экзистенциального благополучия. Русская философия раскрывает важные аспекты в рассматриваемом контексте, такие как самосознание, духовность и совершенствование.

На основе сформулированной цели были поставлены следующие задачи:

1. Сопоставление категорий «экзистенциальная безопасность», «экзистенциальное благополучие» и «ментальное здоровье» в контексте их взаимосвязи.

2. Изучение основных понятий и концепций русской философии, связанных с ментальной

безопасностью как условием экзистенциального благополучия.

3. Анализ философских работ, затрагивающих проблемы экзистенциального благополучия и безопасности.

4. Исследование вклада русских философов в развитие представлений о ментальной безопасности, а также подходов, на которые они ориентировались.

Среди русских философов, внёсших вклад в изучение вопросов экзистенциального благополучия и связанной с ним ментальной безопасности, можно выделить Н. А. Булгакова, Н. А. Бердяева, Ф. М. Достоевского, И. А. Ильина, В. С. Соловьёва, Л. Н. Толстого и других. При этом важно в контексте изучения экзистенциального благополучия обеспечить преемственность знаний, а также их адаптируемость к особенностям каждого конкретного периода развития государства и общества.

Соотношение понятий «экзистенциальное благополучие», «экзистенциальная безопасность», «ментальное здоровье» и их взаимосвязь с русской философской традицией

Ментальное здоровье занимает особое место в современной культуре и является её неотъемлемой частью. При этом под ментальным здоровьем необходимо понимать не только отсутствие психических отклонений и заболеваний у человека, но и в целом гармонию и благополучие его психического и интеллектуального состояния. Современная культура сосредоточена на индивидуализме, актуализирующемся с помощью самореализации и личностного роста; она развивает новые направления жизнедеятельности и творчества (например, цифровую культуру); раскрывает сущность и значение межкультурного диалога под влиянием процессов глобализации; ставит общечеловеческие (глобальные) задачи и определяет пути их решения (например, с помощью формирования экологического сознания); помогает адаптироваться в быстроменяющемся темпе современной жизни и т. д.

Таким образом, функциональная нагрузка современной культуры дополняется необходимостью гармонизации природы человека

(физической, ментальной, духовной, психологической) и поиска его места в социокультурном пространстве. Иными словами, особую актуальность приобретает философское осмысление экзистенциального благополучия человека, стремящегося к экзистенциальной безопасности и нуждающегося в ней. В контексте данного исследования русская философская традиция имеет потенциал стать основанием для возникновения нового знания и новых представлений о культуре личности.

Итак, в рамках настоящей статьи ментальное здоровье рассматривается в контексте более общей категории — экзистенциальной безопасности. Идеи русской философской традиции направлены на нравственное совершенствование человека. Именно поэтому целесообразно с позиции современного научно-философского исследования рассмотреть концепцию экзистенциальной безопасности, которая становится возможной благодаря достижению экзистенциального благополучия, и определить значение русской философии в контексте её изучения.

Под экзистенциальным благополучием необходимо понимать успешный поиск отдельным человеком смысла и цели собственного существования, которые достигаются благодаря преодолению экзистенциальных кризисов и стремлению к самореализации. В условиях современных вызовов, угроз и повышения в контексте этого уровня развития медицины и психологии становится возможным говорить о ментальном здоровье, которое характеризуется как необходимый минимум физического благополучия, а также фундаментальное условие для достижения экзистенциального благополучия. Так формируется ментальная безопасность, которая характеризуется психической устойчивостью, и появляются ресурсы для достижения поставленных целей; принимаются осознанные решения и укрепляется стремление к самореализации без давления извне; появляются психологические инструменты и способы преодоления экзистенциальных кризисов; устанавливается гармония с окружающим миром; происходит становление возможности свободного самовыражения путём развития и познания себя и мира с помощью творчества.

В свою очередь, экзистенциальную безопасность личности можно охарактеризовать как состояние устойчивости и защищённости личности в условиях рисков, угроз и неопределённости современного мира. Здесь укрепление ментального

здоровья (как своеобразной характеристики современного этапа развития цивилизации и необходимого условия благополучной жизни) может способствовать: 1) адаптации к внешнему миру и развитию устойчивости к стрессам; 2) осознанию собственной уникальности с одновременным принятием своих индивидуальных характеристик; 3) развитию способности конструктивного взаимодействия с миром вокруг; 4) преодолению экзистенциального страха неопределённости будущего; 5) нахождению и поддержанию смысла собственной жизни и развитию толерантности к неопределённости окружающего мира.

Итак, ментальное здоровье как неотъемлемая часть более общей категории «экзистенциальное благополучие» имеет определённую взаимосвязь с русской философией и раскрывается по следующим основаниям. Во-первых, русская философия имеет потенциал стать частью государственной идеологии. Несмотря на конституционный запрет принятия какой-либо одной официальной идеологии, современная Россия и её население всё более тяготеют именно к духовно-религиозной идее, которая активно развивается в контексте происходящих событий. Это актуально, так как философия, в том числе и русская, способна влиять на общественное сознание и мировоззрение, что в условиях экзистенциальных вызовов настоящего времени может лечь в основу формирования идеологии сплочённости и духовного возрождения.

Во-вторых, русская философия может быть вписана в контекст современного образования и воспитания с целью обогащения в целом учебного процесса, формирования критического мышления, изучения культурного наследия и воспитания уважения к национальной истории и традициям, развития междисциплинарного подхода в образовании. При этом необходимо осознавать, что стремление внедрить идеи русской философии в российский образовательный процесс может повлечь за собой ряд сложностей — от необходимости адаптации учебных материалов и методов обучения до преодоления сопротивления со стороны приверженцев западной философской традиции.

В-третьих, опыт русской философии и её подходы могут быть использованы в психотерапевтических практиках. Например, с помощью её идей можно прорабатывать вопросы самооценки и моральных дилемм (с помощью духовности и нравственных ценностей), аспектов межличностной коммуникации (путём обращения

к соборности), экзистенциальных кризисов и дилемм (с опорой на религиозную составляющую).

Соотношение русской философии и ментальной безопасности как условия экзистенциального благополучия

История русской философии имеет свои особенности, связанные с периодами социально-экономического, политического и культурного развития России. Философия в России начала активно развиваться в XVIII в., когда российские авторы исследовали и развивали западноевропейские философские традиции. Одним из наиболее известных русских философов того времени был М. В. Ломоносов.

В XIX в. русская философия пережила свой золотой век. В этот период были основаны самые известные философские школы России: славянофильство, западничество и русский космизм. В этих школах философы исследовали влияние русской культуры, религии и истории на развитие нации.

В XX в., особенно в период советской власти, русская философия подверглась существенным изменениям. Многие философы были вынуждены изменить свои взгляды, чтобы соответствовать политическим требованиям времени. Однако, несмотря на это, многие русские философские идеи и традиции продолжили развиваться и в этот период, и в настоящее время и оказывать влияние на различные области жизнедеятельности, такие как право, политика, психология, наука и технологии.

Экзистенциальное благополучие и ментальная безопасность как условия его достижения занимают важное место в общей системе национальной безопасности государства и общества и означают сохранение физического, психологического и социального благополучия людей в условиях нестабильности и изменений. Ментальная безопасность стала острой проблемой в современной России. Это связано с различными неблагоприятными факторами, такими как экономический кризис, социальные проблемы и ухудшение качества жизни многих граждан.

В России экзистенциальное благополучие становится темой всё более серьёзных обсуждений в рамках научных, культурных и философских традиций. Так, философия призвана помочь ответить на важные вопросы, связанные с привычками, убеждениями и поведением людей в трудных жизненных ситуациях, а также определить вектор духовного развития.

Ментальная безопасность — это понятие, которое означает состояние психического благополучия и способность человека адаптироваться к изменяющимся условиям жизни, сохраняя при этом своё здоровье и психологическую стойкость. При этом в рамках настоящего исследования она рассматривается как важное условие достижения экзистенциального благополучия. Взаимосвязь ментальной безопасности с русской философией основывается на идее гармонии отношений человека с миром, его способности к самоуправлению, преодоления жизненных трудностей, самосовершенствования личности.

Философия — это комплексное учение о мире и человеке, развивающееся на основе рационального мышления и системного подхода. При этом философия направлена на решение вопросов о смысле жизни, целях и ценностях человека, а также о его социальной и духовной связи с миром.

Русская философия, отличающаяся глубоким анализом человеческой души, умением ориентироваться на смысл собственной жизни и духовно расти, является важной составляющей ментального здоровья как условия экзистенциального благополучия. В русской философии достаточно серьёзное место уделено вопросам о смысле жизни, духовности, эмоциональности, психологии, морали и социальной справедливости. Например, философские лекции и публикации русских мыслителей Л. Н. Толстого [14], Н. А. Бердяева [4], П. А. Флоренского [15], С. Л. Франка [16], Н. К. Рериха [12] и многих других помогают людям лучше понимать себя, открывать для себя смысл и цель жизни, задумываться о нравственных и духовных проблемах.

Отечественная философия не разделяет разум и душу, напротив, она объединяет разум и чувства. Такой подход позволяет человеку лучше понимать своё внутреннее состояние, собственные эмоции и стремления, что, в свою очередь, способствует укреплению ментального здоровья.

В отечественной философии существует концепция «русской души», которая описывает определённые черты характера русского народа, такие как самоотверженность, жертвенность, смирение и духовность. Эти качества можно рассматривать как проявление экзистенциального благополучия, поскольку они помогают человеку сохранять гармонию внутри себя и стремиться к сбалансированности в отношении к окружающему миру.

Русская философия обращается к идеалу справедливости и моральных ценностей, что также

является важной составляющей экзистенциального благополучия. В этом контексте можно упомянуть понятия терпимости, сострадания и справедливости, которые играют ключевую роль в поддержании баланса человеческого существования.

Тем самым экзистенциальное благополучие личности представляет собой значимую часть современной культуры, а ментальное здоровье как важная составляющая такого благополучия является условием его достижения.

Русская философия, к которой обращается автор в настоящем исследовании, рассматривает изучаемые вопросы с точки зрения нравственно-религиозного подхода, подразумевающего совершенствование души и духовное развитие в рамках религиозного бытия. Тем самым можно выделить несколько аспектов, которые раскрывают роль русской философии в контексте экзистенциального благополучия, актуализирующегося в условиях экзистенциальной безопасности. Итак, русская философия:

- обращается к духовности, то есть позволяет понять и осмыслить нравственные ценности;
- раскрывает вопросы социокультурной динамики, позволяя отдельному человеку найти своё место в обществе;
- помогает человеку осознать самого себя принимающим собственное тело и разум;
- развивает идею соборности, способствующую формированию здоровых межличностных отношений внутри общества;
- поддерживает процессы саморефлексии и познания себя;
- помогает достичь состояния внутреннего баланса путём достижения гармонии с природой.

Вклад отечественных философов в дискуссию о ментальной безопасности как условия экзистенциального благополучия

Одной из наиболее значимых фигур в истории русской философии является *Фёдор Михайлович Достоевский*. Он был известен своим проницательным подходом к анализу человеческой психологии и ментальной безопасности [9].

В своих трудах Достоевский исследовал все аспекты человеческой личности, включая её тёмные стороны. Он показывал, что человек может быть чем-то большим и светлым, но также и одновременно подверженным своим страстям, эмоциям и желаниям. Достоевский считал, что человек не может бесконечно долго скрывать свои истинные чувства и желания и что в результате они

непрерывно проявятся на поверхности. Именно поэтому его герои сталкивались с множеством моральных и психологических проблем [6].

Достоевский был глубоко заинтересован в изучении проблем экзистенциального благополучия. Он показывал, что человеческий разум может быть поколеблен, особенно при воздействии на него негативных факторов внешней среды. Он отмечал, что душевные страдания, которые испытывают его герои, зачастую связаны со сложной жизненной ситуацией или социальным окружением. Например, в «Преступлении и наказании» [8] Раскольников переживает психический кризис из-за бедности и социальной несправедливости.

Достоевский также исследовал психологические механизмы, которые приводят к преступности и нарушению общественного порядка. В своих произведениях он показывал, как расстройство психики может привести к принятию неправильных решений. В «Преступлении и наказании» и «Братьях Карамазовых» Достоевский анализировал психологию убийцы и похитителя, которые не могут справиться со своими эмоциями и желаниями [7].

С другой стороны, философ также исследовал путь к исцелению психики и повышению уровня экзистенциального благополучия и ментальной безопасности. Через своих героев он показывал, что человек должен преодолеть свои слабости и справиться со своими внутренними демонами. Это затрагивает не только аспекты личности, но также моральных и этических вопросов. В своих произведениях Достоевский выделял значимость развития веры и духовности как средства повышения экзистенциальной безопасности и борьбы с внутренними страстями.

Владимир Сергеевич Соловьёв был выдающимся русским мыслителем, философом, богословом, писателем и публицистом, считавшим Бога и мудрость высшей ценностью в жизни человека. Его учение о Божественной Софии как главном источнике мудрости и духовной гармонии имеет важное значение для понимания социальной роли религии и её связи с экзистенциальным благополучием [13].

По мнению Соловьёва, мир и человек были созданы Богом из любви и для любви. Божественная София (Мудрость Божия) является высшим проявлением любви Бога к миру и человеку, передаёт Божественное Его слово и дарует людям мудрость и духовную гармонию. Соловьёв утверждал, что все науки и искусства

должны основываться на мудрости, которая приводит к единству истины, добра и красоты. Также он придавал большое значение роли общества и межличностных отношений, которые должны быть основаны на щедрости и чистоте сердца.

Учение Соловьёва о Божественной Софии имеет большое значение для достижения экзистенциального благополучия, так как оно нацелено на достижение гармонии внутри человека, а также на мирное сосуществование в обществе. Мудрость, которую дарует Божественная София, помогает человеку относиться к миру с уважением, любовью и умиротворением, что существенно влияет на его психологическое состояние.

Символическое изображение отечественным мыслителем Божественной Софии приводит к пониманию того, что истина и мудрость находятся внутри человека и что он сам способен найти путь к Богу и к гармонии в своей жизни. Это учение даёт надежду на то, что каждый человек может найти свой путь к ментальной безопасности, основанный на вере, любви и щедрости.

Николай Александрович Бердяев — русский философ, писатель и мыслитель, оказавший огромное влияние на мировую философию и культуру XX в. Его концепция свободы и творчества — одно из ключевых понятий его философского учения.

Согласно Бердяеву, свобода — это не просто отсутствие внешних ограничений и препятствий, но и внутреннее состояние, которое произрастает из глубины души и определяет нашу жизнь [3. С. 61]. Она не зависит от обстоятельств, но связана с нашим творческим потенциалом и способностью к самореализации. Свобода является неотъемлемой частью экзистенциального благополучия, так как она позволяет человеку преодолевать трудности, действовать в соответствии с имманентно присущими ему ценностями и верованиями, а также сохранять психологическое равновесие.

Кроме того, Бердяев считал, что творчество — это проявление свободы, которая позволяет человеку создавать, развиваться и проявлять свои уникальные способности. Он говорил о том, что творчество может быть как индивидуальным, так и коллективным и что оно является духовным источником развития человечества.

Концепция свободы и творчества Бердяева является значимой для экзистенциального благополучия, так как она помогает людям понимать их внутренние ценности, мотивации и стремления

и, следовательно, позволяет создавать гармоничный баланс между личностью с её набором определённых характеристик и внешней средой.

Нельзя не отметить вклад великого представителя русской философской традиции *Льва Николаевича Толстого* [14] в развитие философских взглядов на совершенствование личности. Он отмечал, что только с помощью строгого соблюдения моральных принципов возможно достижение истинного душевного спокойствия. Тем самым экзистенциальное благополучие становится возможным благодаря самопознанию, успех которого нередко зависит от прохождения внутреннего личностного кризиса, спровоцированного несоответствием внутренних идеалов и принципов внешнего мира.

Лев Николаевич был убеждён, что преодоление экзистенциального кризиса становится возможным благодаря отказу от материальных благ, аскетизму и стремлению к духовному совершенствованию. При этом философ всегда выступал за единение с природой, близость к которой он считал основным источником умиротворения и внутренней гармонии. Толстой был убеждён, что сила личного примера является лучшей побудительной силой для людей повышать уровень собственного духовного развития. Ведь он и сам в межличностной коммуникации проявлял чувство сострадания и эмпатию, с их помощью Толстой пытался бороться с одиночеством и изоляцией, усиливающимися в обществе, а насилие в его понимании рассматривалось как главный враг благополучия и безопасности социальной жизни.

Взгляды выдающегося русского философа *Льва Платоновича Карсавина* [10] также могут обогатить современное знание об экзистенциальном благополучии и способах его достижения. Для него в первую очередь культура и искусство были основным средством обогащения внутреннего мира человека. То есть творчество способно уберечь человека от негативных последствий экзистенциальных травм и кризисов, ведь именно таким образом людям доступно самовыражение и самопознание.

По мнению философа, приверженность к религии и её практикам способствует достижению внутренней гармонии и умиротворения в условиях неопределённости и социокультурных рисков, а понимание и осознание времени и его принципов способствуют достижению человеком уравновешенности и устойчивости в меняющейся реальности.

Как и Л. Н. Толстой, Л. П. Карсавин считал, что взаимная поддержка, утешение, сочувствие играют важную роль в процессе межличностного взаимодействия, а понимание культурно-исторических процессов помогает личности не только приобщиться к культурному наследию и лучше понимать историю своей страны, но и найти собственное место в историческом процессе. Ведь историческая динамика может привести к сложностям восприятия, экзистенциальным кризисам, угрожающим экзистенциальной безопасности. Поэтому повышение устойчивости и адаптивности личности в меняющемся мире может способствовать нахождению экзистенциального смысла, постановке цели в жизни и её достижению.

Роль русской философии в повышении уровня ментальной безопасности как условия экзистенциального благополучия

Философия изучает фундаментальные вопросы о жизни, человеческом бытии, смысле существования и т. д. Многие люди обращаются к философии, чтобы понять себя, свои проблемы и найти приемлемые жизненные решения. Так, в рамках философии существует несколько подходов к преодолению экзистенциальных и ментальных проблем, которые будут рассмотрены далее в рамках настоящего исследования.

Экзистенциальная философия сосредоточена на поиске смысла существования человека и предполагает, что каждый человек имеет индивидуальный путь и цель в жизни. Этот подход фокусируется на том, чтобы помочь человеку осознать свои истинные ценности и желаемую цель. Осознание человеком своей жизненной цели помогает ему принимать важные решения, которые в итоге приведут его к успеху и счастью.

Одним из русских философов, который ориентировался на экзистенциальный подход в своих трудах применительно к вопросам ментальной безопасности, был Л. И. Шестов [18]. Он считал, что человеческое существование связано с постоянным стремлением к свободе и непредсказуемости, что может приводить к чувству бессмысленности и неопределённости. Шестов выдвигал идею о том, что человеку нужно раскрыть своё индивидуальное бытие, взглянуть на мир через свои убеждения и желания, и тогда он сможет обрести свободу и уверенность в себе [11. С. 126].

Мыслитель также рассматривал тему экзистенциального страха и бессмысленности жизни. Он подчёркивал, что человек безумен и абсурден и что у него нет никаких обоснованных

причин для надежды и уверенности в будущем. Свои мысли Шестов изложил в книге «Афины и Иерусалим» [17], где исследуется не только механизм возникновения страха, но и пути его преодоления.

Другим русским философом, который применял экзистенциальный подход, являлся Н. А. Бердяев [2]. Он утверждал, что жизнь человека имеет глубокий смысл, который может быть открыт только через личный опыт и поиск истины. Бердяев считал, что этическое поведение и культура могут помочь человеку понять своё место в мире и сохранить в жизни ментальный баланс.

Феноменологическая философия направлена на исследование человеческой субъективности и опыта. В этом подходе экзистенциальные и ментальные проблемы рассматриваются как проявления субъективного человеческого опыта и изучение человеком самого себя, а также как выражение этого мира через чувства и восприятия. Для преодоления ментальных проблем, согласно феноменологическому подходу, необходимо заняться созерцательным наблюдением и саморефлексией (самопознанием), осознать собственные чувства и восприятие мира, а затем приступить к поиску решений, которые учитывают индивидуальные потребности и предпочтения человека.

Феноменологический подход как философская методология основывается на изучении явлений на основе впечатлений, которые они оставляют в сознании наблюдателя. Так, Н. А. Бердяев [1] в контексте вопросов ментальной безопасности занимался исследованием психических расстройств и ошибок, которые могут возникнуть в процессе духовного поиска и попытках найти своё место в мире. Он призывал к познанию и осознанию того, что человек постоянно ищет свободу и смысл своей жизни и что это необходимо для достижения экзистенциального благополучия с обязательным обеспечением ментальной безопасности, условием его достижения.

Этический подход рассматривает вопросы о том, каким образом человек должен вести себя в мире и какие действия являются морально допустимыми и правильными. Этический подход к преодолению экзистенциальных проблем подразумевает изучение нравственных и моральных принципов, которые призваны помочь человеку принимать рациональные решения и совершать осознанные поступки, которые могут уменьшить страдание и сделать жизнь более счастливой.

Согласно этическому подходу ментальная безопасность является частью этики и морали

и должна быть рассмотрена в этом контексте. Этический подход к экзистенциальному благополучию ориентируется на защиту личности в различных сферах жизни, включая психическое и эмоциональное благополучие. Данная концепция в контексте рассматриваемой проблематики так или иначе прослеживается в творчестве всех представителей русской философии.

Применительно к реалиям современного времени уместно говорить, например, об актуальности этического подхода применительно к разработкам программ компьютерных приложений, которые должны быть не только функциональными, но и не должны причинять вреда пользователям. Разработчики должны обязательно учитывать этические принципы, такие как уважение к человеческой жизни, конфиденциальность информации, право на личную жизнь и т. д.

Философско-антропологический подход к преодолению экзистенциальных проблем глубоко сосредоточен на понимании человеческой природы, особенно на том, что делает человека уникальным и вызывает у него эмоциональные и психологические сложности. Этот подход включает в себя изучение того, как люди воспринимают мир и принимают решения, а также как эти решения влияют на их эмоции и поведение.

Философско-антропологический подход является одним из актуальных направлений в современной философии. Он базируется на исследовании человека как социального и психологического существа, которое живёт в условиях современного общества и сталкивается с множеством факторов, влияющих на его психическое состояние.

В рамках рассматриваемого подхода анализируются не только внешние факторы, но и внутренние механизмы, влияющие на формирование личности и её психического состояния. Так, здесь нередко авторы обращаются к проблеме кризиса современного общества и его влияния на психическое состояние человека, а в условиях постоянного стресса и переутомления важно обеспечить ментальную безопасность и сохранить психическое здоровье. Этому могут способствовать формирование интеллектуального капитала, опора на рациональный подход в процессе принятия решений, достижение эмоциональной стабильности и преодоление негативных эмоций.

Таким образом, красной нитью в исследовании взаимосвязи русской философии и ментальной безопасности как условия экзистенциального благополучия проходит ориентация на нрав-

ственные ценности в процессе принятия решений, организации собственной жизни и выстраивания взаимоотношений с окружающей действительностью. Также русские философы обращают внимание на личную ответственность человека за собственное экзистенциальное благополучие. Ведь то, насколько человек сможет гармонично и сбалансированно сосуществовать с миром вокруг, насколько он перестанет зависеть от случайных внешних условий и обстоятельств, будет определять уровень его экзистенциального благополучия и безопасности, выраженного в стойкости и умении противостоять проблемам и угрозам внешнего мира.

Приверженность моральным и этическим нормам и правилам — это прежде всего самоконтроль и уважение к окружающим, это предсказуемость поведения и его общественное одобрение [5. С. 135]. Русская философия учит бороться с эгоизмом, направлять собственную энергию на общее благо, не подчиняться страстям и сиюминутным желаниям. Такие осознанные и контролируемые самоограничения помогают психике адаптироваться к непредсказуемому, несправедливому и изменчивому миру, они позволяют человеку осознавать несовершенства мироздания и быть готовым терпеть неудачи и преодолевать трудности, которые могут возникнуть на его жизненном пути. При этом русская философия также позволяет этот путь отыскать и держаться тех принципов, на которых он базируется. Таким образом, такая самодисциплина и готовность к возможным трудностям повышает адаптационные возможности современного человека и устанавливает оптимальный для успешной и счастливой жизни уровень толерантности к неопределённости, чтобы способствовать достижению экзистенциального благополучия.

Заключение

Настоящее исследование проведено с целью выявления теоретического потенциала русской философии для анализа и решения проблем ментальной безопасности как условия экзистенциального благополучия. В результате исследования были сделаны следующие выводы:

1. Русская философия имеет богатую традицию мышления о человеке, его месте в мире, нравственных и социальных ценностях, способах и путях духовного роста и самосовершенствования. Эти идеи стали отправной точкой для анализа современных проблем экзистенциального благополучия.

2. Одной из ключевых идей русской философии является идея о человеке как о духовно-нравственном существе, духовная жизнь которого связана с миром высших ценностей.

3. Русская философия показывает, что современные проблемы ментальной безопасности как условия экзистенциального благополучия связаны с кризисом нравственности и духовности в обществе, с потерей высших ценностей и идеалов.

4. Русская философия акцентирует внимание на значении культуры и образования в формировании экзистенциального благополучия личности. Культурное наследие и образование содействуют формированию этических и моральных принципов, необходимых для профилактики экзистенциальных кризисов и ментальных расстройств.

5. Русская философия показывает, что экзистенциальное благополучие личности связано с её самоопределением и самореализацией, оно не может быть обеспечено только правовыми, медицинскими и социальными мерами.

Вклад русской философии в дискуссию о ментальной безопасности как условия экзистенциального благополучия может быть продолжен путём исследования научных работ современных российских философов. В связи с изменениями в обществе, растущим уровнем стресса и неопределённости важно продолжать исследования в данной области и разрабатывать новые подходы и стратегии, основанные на философских принципах.

Кроме того, перспективным направлением исследований является изучение вклада русской

литературы в область экзистенциального благополучия. Многие произведения, созданные русскими писателями, содержат ценности и идеи, которые могут применяться для создания общественно-государственных программ с целью обеспечения экзистенциальной стабильности и развития личности.

Таким образом, русская философия изучает и раскрывает пути нравственного совершенствования личности, которое необходимо для достижения экзистенциального благополучия и решения проблем экзистенциальной безопасности. В русской философской традиции объясняется и обосновывается важность духовного развития человека, что способно в контексте изучения экзистенциального благополучия обеспечить безопасность личности. Подобная устойчивость позволяет человеку в любых кризисных ситуациях оставаться верным общечеловеческим ценностям и нравственным идеалам, делает общество более стабильным, а условия жизни более предсказуемыми. Ответственная за своё нравственное совершенствование личность формирует безопасные и справедливые межличностные связи, воспитывает в самой себе добродетели и показывает достойный пример молодому поколению. Именно в этом контексте русская философская традиция способна обеспечить преемственность необходимого современному поколению россиян знания, способствующего повышению уровня экзистенциального благополучия.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Философия свободного духа. М. : Республика, 1994. 479 с.
2. Бердяев Н. А. Философия свободы. Истоки и смысл русского коммунизма. М. : Сварог и К, 1997. 413 с.
3. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М. : Правда, 1989. 607 с.
4. Бердяев Н. А. Царство Духа и царство Кесаря. М. : Республика, 1995. 382 с.
5. Губанов Н. И., Губанов Н. Н. Ментальные ответы на возникновение рисков в современном обществе // Вестник славянских культур. 2019. Т. 54. С. 127–139.
6. Достоевский Ф. М. Бесы. М. : Эксмо, 2003. 603 с.
7. Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы. М. : Эксмо, 2006. 830 с.
8. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М. : Дрофа, 2008. 607 с.
9. Дубовицкая Н. С. Человек — центр философских размышлений Ф. М. Достоевского // Вестник Университета. 2013. № 13. С. 198–202.
10. Карсавин Л. П. Малые сочинения. СПб. : Алетейя, 1994. 531 с.
11. Постнов С. В. К проблеме особенностей экзистенциальной философии Л. И. Шестова // Вестник ВГУ. Серия: философия. 2018. № 3. С. 124–128.
12. Рерих Н. К. Светлые врата (о воспитании). Новосибирск : Сиб. Рерих. общ-во, 1996. 48 с.
13. Соловьёв В. С. Чтения о богочеловечестве: Духовные основы жизни; Оправдание добра. Минск : Харвест, 1999. 910 с.

14. Толстой Л. Н. Путь жизни. М. : Республика, 1993. 430 с.
15. Флоренский П. А. Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии. М. : Мысль, 2000. 446 с.
16. Франк С. Л. Смысл жизни. М. : АСТ, 2004. 157 с.
17. Шестов Л. И. Афины и Иерусалим. М. : АСТ : Фолио, 2001. 394 с.
18. Шестов Л. И. Начала и концы : соч. : в 2 т. Томск : Водолей, 1996. Т. 2. 332 с.

Referenses

1. Berdyaev NA. *Filosofiya svobodnogo dukha*. Moscow, Respublika Publ.; 1994. 479 p. (In Russ.).
2. Berdyaev NA. *Filosofiya svobody. Istoki i smysl russkogo kommunizma*. Moscow, Svarog i K Publ.; 1997. 413 p. (In Russ.).
3. Berdyaev NA. *Filosofiya svobody. Smysl tvorchestva*. Moscow, Pravda Publ.; 1989. 607 p. (In Russ.).
4. Berdyaev NA. *Tsarstvo Dukha i tsarstvo Kesarya*. Moscow, Respublika Publ.; 1995. 382 p. (In Russ.).
5. Gubanov NI, Gubanov NN. Mental'nye otvety na vzniknovenie riskov v sovremennom obshchestve = Mental responses to the emergence of risks in modern society. *Vestnik slavyanskikh kultur = Bulletin of Slavic Cultures*. 2019;54:127-139. (In Russ.).
6. Dostoevsky FM. *Besy*. Moscow, Eksmo Publ.; 2003. 603 p. (In Russ.).
7. Dostoevsky FM. *Brat'ya Karamazovy*. Moscow, Eksmo Publ.; 2006. 830 p. (In Russ.).
8. Dostoevsky FM. *Prestuplenie i nakazanie*. Moscow, Drofa Publ.; 2008. 607 p. (In Russ.).
9. Dubovitskaya NS. Chelovek — tsentr filosofskikh razmyshleniy F. M. Dostoevskogo = The person as the center of FM Dostoevsky's philosophical reflections. *Vestnik Universiteta = University Bulletin*. 2013;(13):198-202. (In Russ.).
10. Karsavin LP. *Malye sochineniya*. St. Petersburg, Aletya Publ.; 1994. 531 p. (In Russ.).
11. Postnov SV. K probleme osobennostey ekzistentsial'noy filosofii L. I. Shestova = On the problem of peculiarities of LI Shestov's existential philosophy. *Vestnik VGU. Seriya: filosofiya = VGU Bulletin. Philosophy Series*. 2018;(3):124-128. (In Russ.).
12. Rerikh NK. *Svetlye vrata (o vospitanii)*. Novosibirsk; 1996. 48 p. (In Russ.).
13. Soloviev VS. *Chteniya o bogochelovechestve: Dukhovnye osnovy zhizni; Opravdanie dobra*. Minsk, Kharvest Publ.; 1999. 910 p. (In Russ.).
14. Tolstoy LN. *Put' zhizni*. Moscow, Respublika Publ.; 1993. 430 p. (In Russ.).
15. Florenskiy PA. *Stat'i i issledovaniya po istorii i filosofii iskusstva i arkheologii*. Moscow, Mysl' Publ.; 2000. 446 p. (In Russ.).
16. Frank SL. *Smysl zhizni*. Moscow, AST Publ.; 2004. 157 p. (In Russ.).
17. Shestov LI. *Afiny i Ierusalim*. Moscow, AST: Folio Publ.; 2001. 394 p. (In Russ.).
18. Shestov LI. *Nachala i kontsy: Sochineniya v 2 tomah*. Tomsk, Vodoley Publ.; 1996. Vol. 2. 332 p. (In Russ.).

Информация об авторе

А. А. Ковалев — кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры государственного и муниципального управления.

Information about the author

A. A. Kovalev — Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 321.01

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-55-59

ОТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВА И ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА ЛЕГИТИМНОСТИ

Никита Олегович Иощенко

Новосибирский государственный технический университет, Новосибирск, Россия, nick-rattlehead@yandex.ru

Аннотация. Предпринимается попытка проанализировать взаимоотношения современного государства и организованной преступности как акторов внутренней и внешней политики в условиях кризиса легитимности. Из-за отхода от интерпретации понятия «легитимность» в изначальном смысле, который вкладывал в него Макс Вебер, современная криминология оставила без внимания сложные процессы и связи, которые лежат в основе антагонизма и сотрудничества между легальными и нелегальными политическими субъектами.

Ключевые слова: легитимность, государство, криминал, организованная преступность, мафия, коррупция

Для цитирования: Иощенко Н. О. Отношения государства и организованной преступности в условиях кризиса легитимности // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 55–59. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-55-59.

Original article

RELATIONS OF THE STATE AND ORGANIZED CRIME IN CONDITIONS OF A CRISIS OF LEGITIMACY

Nikita O. Ioshchenko

Novosibirsk State Technical University, Novosibirsk, Russia, nick-rattlehead@yandex.ru

Abstract. The article attempt to analyze the relationship between the modern state and organized crime as actors in domestic and foreign policy in a crisis of legitimacy. By moving away from interpreting the concept of legitimacy in Max Weber's original sense, modern criminology has ignored the complex processes and connections that underlie the antagonism and cooperation between legal and illegal political actors.

Keywords: legitimacy, state, crime, organized crime, mafia, corruption

For citation: Ioshchenko NO. Relations of the state and organized crime in conditions of a crisis of legitimacy. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480)):55-59. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-55-59.

Введение

С лёгкой руки общепризнанного классика гуманитарной мысли, стоявшего у истоков сразу нескольких общественных наук, Макса Вебера понятие «легитимность» прочно вошло в понятийный аппарат целого ряда дисциплин и, в первую очередь, философии, социологии, политологии [1]. Кроме этого, легитимность как понятие широко употребляется в криминологических исследованиях, однако термин в такого рода литературе не играет столь фундаментальную роль

и поскольку по своей сути имеет чисто юридический смысл, то выступает синонимом таких слов, как «легальность» или «законность».

Это может объясняться тем обстоятельством, что криминология в отечественной научной традиции считается юридической наукой и держится несколько обособленно от остальных гуманитарных и социальных наук. Одна из актуальнейших проблем прошлого, современности и будущего — проблема организованной преступности — в отечественной науке традиционно служит объектом изучения криминологии, что обуславливает сравнительно узкие рамки исследования данной

темы. Организованная преступность в такой научной литературе скорее описывается, нежели анализируется, и, к сожалению, её недостаточно полно удаётся вписать в общий социально-политический контекст. При этом изучение феномена организованной преступности зачастую исходит из заведомо негативной оценки этого явления, что лишает возможности выявить, проанализировать и охарактеризовать его явные и латентные социальные и политические стороны. Получается ситуация, где криминология, будучи юридической наукой, отличается свойственной юриспруденции догматичностью, категоричностью, умозрительностью. Эти обстоятельства создают своеобразную пропасть между правовыми нормами и реальными социальными практиками.

Отчасти это можно объяснить недостаточным применением междисциплинарного подхода и наблюдаемой нами устарелостью представлений об обществе в криминологической мысли, которые находятся примерно на уровне XIX в. в лице Конта, Спенсера, Дюркгейма и других классиков социальной философии. Классика по-прежнему остаётся актуальной, но с тех времён социальные науки сильно шагнули вперёд и, безусловно, требуется современное переосмысление.

При этом классическое определение легитимности Макса Вебера остаётся без должного внимания и зачастую в юридической литературе подменяется созвучным понятием «легальность». На наш взгляд, это является одной из причин оторванности криминологии от современных социальных наук и, как следствие, недостаточного понимания проблемы организованной преступности как феномена социально-политического толка. На фоне новаторских идей американского экономиста Мансура Олсона, который рассматривает генезис государства как следствие эволюции бандитских группировок, этот факт вызывает некоторое недоумение [2].

Необходимо отметить, что подобную идею Олсона можно отыскать уже в религиозной философии Аврелия Августина, который писал: «Итак, при отсутствии справедливости, что такое государства, как не большие разбойничьи шайки; так, как и сами разбойничьи шайки есть не что иное, как государства в миниатюре» [3]. Однако мысль Августина своевременного развития не получила, и его вопрос был актуализирован лишь в прошлом столетии.

Оговоримся, что в дальнейшем мы строго дифференцируем понятия «легальность» и «легитимность». Под легальностью мы подразуме-

ваем чисто юридическое понятие, означающее соответствие правовым нормам. В свою очередь под легитимностью мы имеем в виду то понимание, которое предлагает Мартин Липсет, где легитимность — это способность политической системы порождать и поддерживать веру в то, что действующие политические институты являются наиболее подходящими и приемлемыми для общества. От этой веры-легитимности зависит стабильность, и она является показателем того, насколько данная политическая система успешно выполняет основные функции власти, как их видят народные массы, а также бизнес-сообщество и силовики [4].

Произошедшая подмена этих понятий в отечественной юриспруденции создаёт пробел в понимании роли влияния криминала на политические процессы. Такое положение дел чревато невозможностью в полной мере систематизировать опыт борьбы с преступностью, мешает осознать криминал в качестве субъекта политических отношений, в которых проблема легитимности правящего режима в существенной степени определяет специфику функционирования организованной преступности.

Легитимность и организованная преступность: причинно-следственные связи

Понимание легитимности как показателя признания обществом существующей власти вкупе с рассмотрением криминала как политического актора даёт возможность по-новому взглянуть на устоявшиеся теории прошлого.

В связи с вышесказанным уместно будет перейти к вопросу, который можно сформулировать следующим образом: как легитимность сказывается на политической субъектности организованной преступности?

Для сомневающих в обоснованности такого подхода напомним, что организованные преступные группировки в ряде стран подменяли государства и гражданское общество в весьма нетипичных для себя сферах. Известный наркобарон Пабло Эскобар финансировал строительство школ, больниц, дорог, спортивных площадок, церквей. Якудза помогала преодолеть последствия землетрясений в Кобе. Гангстеры Чарльз Лучано и Мейер Лански организовывали охрану доков с позволения военно-морской разведки США во времена Второй мировой войны. Также итало-американская мафия оказывала помощь при высадке войск союзников на Сицилию. Аль Капоне предлагал свою помощь

правоохранительным органам при поисках пропавшего подростка Роберта Фрэнкса, а затем и его убийц Леопольда и Лёба. Маньяк Педро Алонсо Лопес разыскивался в первую очередь отнюдь не колумбийской полицией, а местными криминальными группировками, обеспокоенными пропажей своих «работниц». Криминальный авторитет Евгений «Джем» Васин организовал на Дальнем Востоке благотворительный фонд, который помогал бездомным и заключённым. Кроме этого, на деньги его фонда был открыт детский лагерь, клуб бокса для подготовки новых «кадров». Наконец, можно вспомнить личность Владимира Барсукова (Кумарина), занимавшегося помимо криминальной деятельности тем, что сейчас бы могли назвать сохранением культурного наследия: доставлял благодатный огонь из Иерусалима, финансировал восстановление храмов, а также поставлял продукты на флот по просьбе руководства «Северной верфи».

Список далёк от всеохватности, но уже довольно репрезентативен. Мы видим, что в определённых ситуациях организованная преступность заполняет функциональный вакуум, который образовывается после того, как государство самоустраняется. Очевидно, что организованная преступность при этом преследует свои собственные корыстные интересы, однако нельзя отрицать и то, что таким образом она выступает в качестве своеобразного поставщика крайне востребованных общественных благ.

В качестве поставщика общественных благ криминалу проще всего реализоваться в условиях, когда власть испытывает кризис легитимности. Вне зависимости от причин кризиса низкая легитимность создаёт благоприятную почву для того, чтобы ОПГ занялись новыми для себя сферами общественной жизни.

Поскольку кризис легитимности характеризуется потерей доверия к власти, это ведёт к дезорганизации государственного управления. Бессилие официальных органов власти вызывает потребность в институте, который будет регулировать общественные противоречия, решать классовые конфликты и управлять социальными процессами. Если самоорганизации общества не произошло, то вакуум власти заполняют альтернативные государству силовые предприниматели, например мафия в Италии [5].

Коренная ломка политических институтов при переходе от традиционного сельского хозяйства к капиталистическому происходила, когда официальная власть обладала низкой легитимностью

и была неэффективной, поскольку была не в состоянии монополизировать насилие на юге Италии. Иного и быть не могло, учитывая скромные финансовые возможности государственной казны, в связи с чем бюрократия не получала должного ассигнования и вынуждена была добывать себе средства коррупционным путём. В столь неопределённой среде институт мафии становился гарантом экономических транзакций в регионе [6].

Попытки слабого итальянского государства навести порядок на юге страны были обречены на неудачу. Волны репрессий против мафии, оказавшись в результате бесполезными и затратными, лишь ещё больше дискредитировали официальную власть и снижали её легитимность. Выйдя победителем из схватки с государством, мафия становилась в глазах местной общественности необычайно могущественной организацией, неуязвимой для репрессий и к тому же более эффективной и «справедливой», чем государство [7].

Привлечь к ответственности лидеров криминальных структур в подобном неэффективном государстве представляется в общественном сознании чем-то весьма малореальным. Беснаказанность криминала и отсутствие рисков ведёт к разнузданности и неразборчивости средств, вплоть до массовых убийств и терроризма, что ещё больше делегитимизирует законную власть. Таким образом, создаются условия, при которых государство неуклонно теряет свою легитимность, а ОПГ накапливают силы, влияние и ресурсы. Одновременно с этим копится и общественное недовольство. Продолжается это до тех пор, пока не наступает некое резонансное событие, возмущающее и мобилизующее общественность на противодействие криминалу. К числу таких событий можно отнести бойню в Чикаго в День Святого Валентина в 1928 г. или массовое убийство в станции Кушёвской в 2010 г. Правящий режим рано или поздно теряет все ненасильственные возможности для поднятия легитимности и для своего существования вынужден прибегать в полномасштабному и бескомпромиссному противостоянию с ОПГ, вплоть до задействования военных сил, интервенции союзников, нарушения процессуальных формальностей, внесудебных казней и игнорирования прав человека.

Войны с наркомафией, подобные тем, что ведутся в Колумбии, Мексике или на Филиппинах, вызывают критику у международного сообщества за ригидность, кровавость и бескомпромиссность.

На самом деле политические режимы находятся не в том положении, чтобы сбавлять накал насилия. Амнистии, снисходительность и проявление гуманизма к преступникам внутри стран будут восприниматься как слабость, непоследовательность и могут критиковаться за мнимое или реальное сотрудничество режима с одними ОПГ против других. Разумеется, такая критика негативным образом сказывалась бы на критически важной легитимности, и государству рациональнее не давать никаких поводов для подобного рода высказываний.

Недостаток собственных ресурсов и низкая эффективность власти в дополнение ко всему вынуждает правящие элиты отчаянно искать союзников. Так, колумбийское правительство тесно сотрудничало с США, борясь с Медельинским картелем. При этом союзниками правящего режима могут выступать и другие криминальные структуры. В той же Колумбии в этом качестве выступил наркокартель Кали.

Наиболее кровавые формы война с преступностью принимает в странах, являющихся крупнейшими экспортёрами нелегальных товаров, например наркотиков. Финансовые возможности преступных организаций позволяют им обзаводиться армейским оружием, военной техникой, создавать свои армии из наёмников, что ведёт только к эскалации конфликта и увеличению масштабов открытого насилия.

Напротив, в случаях высокой степени легитимности перед правящими элитами задача борьбы с организованной преступностью является не столь актуальной, чтобы решиться на массовое применение насилия, которое, в свою очередь, для таких режимов негативно сказывается на рейтингах и политической стабильности. Более того, такие режимы в большей степени могут себе позволить сотрудничество с ОПГ и бу-

дут нести меньшие риски и издержки. Более того, их высокий уровень легитимности может быть обеспечен при помощи преступников, например, благодаря их финансовым вливаниям или воздействию на электорат.

Заключение

Таким образом, мы видим, что при сопоставлении организованной преступности и политической легитимности вскрывается их глубокая взаимосвязь, напрямую сказывающаяся на социально-политических процессах. От легитимности правящего режима зависит форма существования ОПГ и их поведение. Легитимность также обуславливает складывающиеся отношения между криминалом и государством: будут ли это отношения враждебные или же появится потенциал для сотрудничества. При этом на саму легитимность контакты правящих элит с криминальным миром негативно влияют лишь при соответствующем культурном климате, где подобные связи считаются аморальными. Степень проникновения якудзы в японское общество показывает, что ОПГ может быть настолько открытой для населения, что имеет даже свои общественные приёмы и интернет-сайты, и это рассматривается как нечто нормальное и даже полезное для социума и государства.

Безусловно, политическая роль криминала в том или ином обществе не может определяться только легитимностью правящего режима. Тем не менее это важный фактор, который из-за прямолинейного и ограниченного юридического понимания легитимности упускается в криминологических исследованиях. Нам представляется перспективным пересмотр этого подхода и рассмотрение криминала как политического актора в понятиях, категориях и методах, свойственных политической теории.

Список источников

1. Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. 804 с.
2. Олсон М. Власть и процветание. Перерастая коммунистические и капиталистические диктатуры. М. : Новое издательство, 2012. 212 с.
3. Блаженный Августин. О граде Божием: в 4 т. М. : Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. Т. 3. 283 с.
4. Липсет М. Политический человек. Социальные основания политики. М. : Мысль, 2016. 611 с.
5. Волков В. В. Мафия в зеркале социологии // Экономическая социология. 2004. № 3. С. 16–34.
6. Синютин М. В. Институт мафии — частная собственность на применение насилия // Журнал социологии и социальной антропологии. 2002. № 1. С. 125–150.
7. Дикки Д. Cosa Nostra история сицилийской мафии. М. : Эксмо, 2022. 432 с.

References

1. Veber M. Izbrannye proizvedeniya. Moscow; 1990. 804 p. (In Russ.).
2. Olson M. Vlast' i prosvetaniye. Pererastaya kommunisticheskie i kapitalisticheskie diktatury. Moscow; 2012. 212 c. (In Russ.).
3. Blazhennyj Avgustin. O grade Bozhiem: v 4 tomah. Moscow; 1994. Vol. 3. 283 p. (In Russ.).
4. Lipset M. Politicheskij chelovek. Social'nye osnovaniya politiki. Moscow; 2016. 611 p. (In Russ.).
5. Volkov VV. Mafiya v zerkale sociologii. *Ekonomicheskaya sociologiya*, 2004;(3):16-34. (In Russ.).
6. Sinyutin MV. Institut mafii — chastnaya sobstvennost' na primenenie nasiliya. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii*, 2002;(1):125-150. (In Russ.).
7. Dikki D. Cosa Nostra istoriya sicilijskoj mafii. Moscow; 2022. 432 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Н. О. Иощенко — ассистент кафедры философии.

Information about the author

N. O. Ioschenko — Assistant, Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 179.1

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-60-69

АНТРОПОЛОГИЯ КИНО: КОНСТРУИРОВАНИЕ НОВОГО ЧЕЛОВЕКА НА ОСНОВЕ МОНТАЖНОГО ПРИНЦИПА МЫШЛЕНИЯ

Стелла Викторовна Панова

Челябинский государственный институт культуры, Челябинск, Россия, stella.panova@yandex.ru, ORCID 0000-0002-8564-6702

Аннотация. Представлен монтажный принцип художественного мышления в кинематографе, позволяющий генерировать новые образы человека. В дискуссиях о возможности конструирования нового человека средствами кинематографа (на основе монтажного принципа) философская антропология актуализирует традиционные проблемные вопросы о взаимосвязи духовного и телесного в сконструированном человеке, о его целостности. В связи с этим требует нового осмысления проблема соотношения авторской свободы художественного эксперимента и этических норм в процессе киноконструирования завершённого образа человека. Делается вывод о том, что философско-антропологическая интерпретация специфических особенностей монтажного принципа мышления в конструировании нового человека с новыми качествами является актуальной в контексте утраты целостности человека.

Ключевые слова: монтажный принцип мышления, «творимый человек», духовная ситуация, «новый мудрец», философия авангарда, человек-машина, «планетарное мышление»

Благодарность. Автор выражает благодарность доктору философских наук, профессору Вере Сергеевне Невелевой за научное консультирование при проведении исследования и рекомендации по оформлению статьи.

Для цитирования: Панова С. В. Антропология кино: конструирование нового человека на основе монтажного принципа мышления // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 60–69. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-60-69.

Original article

ANTHROPOLOGY OF CINEMA: CONSTRUCTING A NEW PERSON BASED ON THE EDITING PRINCIPLE OF THINKING

Stella V. Panova

Chelyabinsk State Institute of Culture, Chelyabinsk, Russia, stella.panova@yandex.ru, ORCID 0000-0002-8564-6702

Abstract. The article discusses the editing principle in cinematography, thanks to which the artistic thinking of cinematographers is able to generate new images. In discussions about the possibility of constructing a new person by means of cinematography (based on the editing principle), philosophical anthropology actualizes traditional problematic issues about the relationship between the spiritual and the bodily in a constructed person, about his integrity. In this regard, the problem of the correlation of the author's freedom of artistic experiment and ethical norms in the process of designing a complete human image requires a new understanding. It is concluded that the philosophical and anthropological interpretation of the specific features of the assembly principle of thinking in the construction of a new person with new qualities is relevant and in demand in the context of the loss of human integrity.

Keywords: montage principle of thinking, “the created man”, spiritual situation, “new sage”, philosophy of the avant-garde, man-machine, “planetary thinking”

Acknowledgements. The author expresses gratitude to the Doctor of Philosophy, Professor Vera Sergeevna Neveleva for scientific advice during the research and recommendations on the design of the article.

For citation: Panova SV. Anthropology of cinema: constructing a new person based on the editing principle of thinking. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480):60-69. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-60-69.

Введение

Постоянно удерживая и актуализируя в различных контекстах вопрос о том, что есть человек, философская антропология выступает в том числе как способ критического осмысления проблемы раздробленности человека, его фрагментации, духовной дефицитарности в современном мире. В настоящее время фиксируется тенденция к монтажному «сращиванию» живых тканей и технологий (протезирование), грань между постчеловеком и человеком, по сути, устраняется, появляются идеи о размещении постлюдей в качестве неких структур в гигантских компьютерах. В кинематографе с помощью цифровых технологий создаются образы человекоподобных существ, фантазийных героев, не имеющих аналогов в реальности и пребывающих только в экранном пространстве, в воображении и грёзах зрителя. Обманчивый характер яркого экранного мира способствует созданию иллюзий у массового зрителя, возникновению намерений соответствовать привлекательному кинематографическому персонажу. Данные желания привносят новизну в повседневный быт, кроме того, преобразование человека тесно связано с мечтой преодолеть или раздвинуть границы собственной природы, поэкспериментировать с ней. Безусловно, такой «новый человек» создаёт напряжённые и драматические взаимосвязи с миром, природой, обществом, обостряя ключевые темы философской антропологии. До какой степени опасно для настоящего и будущего отступление от человеческой природы, почему человеку всенепременно надо стать новым, испытать чувство «родившегося заново»? Ради чего и почему человека трансформируют и видоизменяют в кинематографе? В связи с изложенным возникает потребность в изучении авторского процесса киноконструирования человека на основе монтажного принципа мышления, являющегося исходным основанием для создания новых экранных образов.

Монтажный принцип и связь его с новой антропологией в кинематографе

В кинематографе появление модифицированного человека произошло в начале XX в. в фильмах Ж. Мельеса, Д. Вертова, Л. Кулешова. Ярko продемонстрирован механизированный человек и в конце прошлого столетия в научно-популярных фильмах В. М. Кобрина. Практика создания

человека в кинолаборатории сопряжена с желанием художника выразить не только результат эстетической интерпретации человеческого образа, но и собственную концепцию «изобретения Адама» в подражании акту «первого Творца». Существенным подспорьем здесь выступают спецэффекты, современные технологии, техническое новаторство, с помощью которых автор может интенсивнее проникнуть в данность мира, раздробить его, а затем соединить фрагменты в новое единое целое. В этом процессе экранный облик человека подвергается такой механической, инженерной обработке, которую непозволительно применить к живому человеческому организму. Проектом Д. Вертова было конструирование в кино на базе монтажного принципа по рабочим эскизам и чертежам безукоризненного Адама, образа человека будущего — взять ладные и ловкие руки у одного из персонажей, заснятых ранее на плёнку, устойчивые и крепкие ноги у другого, здоровое и сильное тело у третьего и создать совершенного, «истинного» человека. Используя обдуманно кинематографическую технику, руководствуясь эстетическими закономерностями монтажного сопоставления, автор, комбинируя и выбирая необходимое, заслуживающее внимание, фиксирует новую конструкцию человека, которой раньше не было. Одна задача — зафиксировать в кинокадре посредством современной техники реально существующего актёра, но более усложнённая творческая операция — сконструировать образ фиктивного, несуществующего человека с совершенно новыми телесными формами и характеристиками, стало быть, и новой душой. Несмотря на то, что работы Вертова принадлежали к ряду исследовательских киноопытов, действовал новатор ровно как мистик: обращал время вспять, живую ткань создавал из неживой материи, героев «ткал» из многочисленных обликов людей разных национальностей. Правда, по мнению А. С. Дерябина, персонажам не доставало «религиозной колыбели», это бы оправдало утопические замыслы Вертова, и можно было высказаться о безусловном триумфе в создании «идеального человека», очистив в итоге авторские эксперименты от трюкачества [5. С. 20]. М. Б. Ямпольский отмечает, что монтаж в кинематографии генетически сопряжён не столько с культурно-языковым выражением, сколько с телом и телесностью [19. С. 152]. В 1921 г. Кулешов

в эксперименте «творимый человек» собирает и конструирует на плёнке нового требуемого человека из частей и фрагментов тела различных людей. Следующий монтажный опыт — «танец», созданный новатором из кусков, снятых с участием одной натурщицы, явился, по мнению Ямпольского, исключительным высказыванием связи монтажного эксперимента с новой антропологией: монтажная сборка возникала и формировалась непосредственно из кадров, на которых было заснято тело человека. Практически опыты с монтажными конструкциями Кулешова обозначили новый философский дискурс объяснения и понимания человека; автором на базе монтажного принципа мышления было собрано новое «киноэкранное бытие» человеческого тела. Именно монтажный принцип в кинематографии стал исходным основанием, при помощи которого художественное мышление кинематографиста было способно создавать новые, оригинальные образы.

Динамический, творимый экранный образ вызван к жизни приёмами и средствами авторского монтажного построения. По Эйзенштейну, первичным этапом в киномонтаже является разбиение «в себе» «нейтрального бытия» (факта, события, действия, явления действительности) со всеми парадоксами и противоречиями с целью собрать его вновь, согласно авторскому взгляду [18. С. 609]. В основе выстраивания экранной действительности в принципиально новом порядке после процесса разложения на компоненты, «деконструкции» — лежит монтажный принцип. Кинематографический «подвижный срез» — до некоторой степени завершённое (отрытое) целое — обнаруживает и разворачивает в монтажной композиции фильма своё доподлинное содержание, основную сущность при синтезирующем согласованном взаимодействии (в структуре развёрнутого целого) с прочими, другими кадрами, в первую очередь соседними. Принцип такого рода синтезирующего взаимодействия (согласования), технического и художественного целенаправленного противопоставления, соединения, сочетания кадров, генерирующего новое художественное качество, которым они по отдельности, порознь не обладают, есть монтажный принцип.

Сборка кинематографического человека в контексте нового мышления в революционную эпоху

Конструирование монтажной структуры кинопроизведения, в частности «сборка» нового человека, требуют от автора включения в соци-

ально-духовное поле, в целый мир и человека, встроенного в универсум. Философия кинопроизведения непосредственно зависит от мировоззрения и ценностных приоритетов, установки кинематографиста. Фильм с активно проявленной позицией мастера, образно выраженной в логически-дискурсивных монтажных сборках, побуждает зрителя следовать за автором. Каждая монтажная творческая операция на киноэкране, от комбинирования простых компонентов и деталей до схем с элементами сложной символики, оказывает воздействие на весь «аппарат» обывательского зрительного интеллекта. Г. Лебон фиксирует, что толпа восприимчива к образам, причём образы, идеи могут и не иметь логической связи и меняться как стёклышки в волшебном фонаре ловкой рукой фокусника. В определённые моменты тысячи индивидов (образованных и невежественных) могут оказаться под воздействием одного из образов и пребывать в коллективной галлюцинации. Исчезновение личности, по Лебону, ориентирование мыслей в определённом направлении — главные качества, характеризующие толпу, напоминающую некоего спящего, в уме которого возникают невероятные образы, а рассудок временно не действует. «Хлеб и зрелища некогда составляли для римской черни идеал счастья, и она больше ничего и не требовала. Века прошли, но этот идеал мало изменился» [12. С. 214]. Кино как уникальное явление по созданию зрелищных образов на основе монтажного принципа мышления способно увлечь толпу или культивировать безобразное, создать ужас, объединить отдельных людей в один «временный организм», образованный из разных элементов, но обладающий одной общей эмоцией.

Эти выводы важны в случае авторского применения монтажного принципа в создании кинематографического «совершенного человека». Нередко удивительные экранные образы, спроектированные в творческом акте в соответствии с современными инновационными требованиями, а также внутренней независимости художника, его особом, самобытном видении мира и человека, сопровождаются определённым вызовом традиционным правилам и канонам. Революционный авангард, выступая от имени оригинального и нового, эквилибрируя между разрушением и созданием нового, по Гальвано делла Вольпе, на почве индивидуализма, может отвлечься от человеческих ценностей. Подлинная «душа авангарда» — это культ «материи беспредметности», основной замысел такой души — играть

«судьбой искусства» [7. С. 269]. Антитезы авангарда составляют индивидуалистическую цивилизацию, по мнению философа, и указывают на бегство от действительности, поэтому в поисках новой поэтики надо избегать нарушения равновесия между содержанием и формой для восстановления полноты искусства.

В 1917 г. Н. А. Бердяев писал о кризисе искусства, потрясениях в его классических основах: постижение коллапса искусства дают именно аналитические искания в искусстве, расщепляющие в творческом поиске органический синтез старого художества, связанного с «кристалльными формами плоти мира» [1. С. 295]. Таким образом, аналитическим дроблением творец желает добраться до твёрдых форм, сокрытых за мягкой оболочкой. М. Волошин в статье «Скелет живописи» подтверждает, что творец в многоцветном мире, убранном гроздьями фантазии и вымысла, воспоминаний и знаний, должен высветить его реальное основание, определить те корни, на которых раскрываются данные цветы [6. С. 42]. То есть сбросить с видимого мира покров, обнажив остоу. В обнажении «костяка» значим и важен, по выражению В. В. Бычкова, начальный энергетический импульс, толчок: Крученых, Хлебников «расщепили в поэзии атом», и его энергия, мощь и сила ещё в предчувствии распада, устремилась на холсты Балла, Северини, Боччони: «...не видно конца энергетическим полям рваного. Или вырванного. Из контекста бытия хаотического сознания» [3. С. 49]. Искусство пролетариата И. И. Иоффе рассматривает как реконструкцию всех стилей и средств человечества, исторических и речевых, подчинённых задачам науки. Темой революционного стиля становятся не чувственно-зримые формы, а диалектически постигнутая сущность, не изолированный предмет, а акт движения вещей и человека. Любой кусок реальности влечёт за собой вереницу неразрывных связей, упираясь в развивающие силы общественной активной жизни. А, следовательно, и диалектический образ в новом искусстве становится «пучком смыслов», полисемантическим, насыщенным противоречивым и сложным содержанием [9. С. 498]. Судя по всему, одни и те же явления в ходе революции и последующем преобразовании России осмыслились по-разному. Но как бы ни относились к новому миру, к самому ходу революционного процесса в России (как к началу истинного преображения, «новой гармонии» или антипреображению, «начатку исказившего»), по мысли В. М. Живова, в любом

случае мировосприятие оперировало комплексным сочетанием религиозно-утопических идей, оформившихся ещё в предреволюционную эпоху [14. С. 411].

В «духовную ночь» и период хаоса, по мысли В. В. Кандинского, мастеру необходимо быть на вершине остроугольного треугольника (духовной жизни) для постижения и улавливания «дыхания вечного времени», для внутреннего просветления, которое дозволит в творческом деянии отследить факты духовного движения. Каждое творение искусства — «дитя своего времени», утверждает Кандинский в своих трудах. Художник, пользуясь греческими канонами в искусстве, может сконструировать формы, равные греческим, но само творение на все времена окажется выхолощенным и бездушным, так как не будет содержать тревоги и надежды современного человека. Искусство должно таить в себе пророческую силу, возможности для будущих времён, а не воспроизводить то, чем достаточно ясно насыщена кратковременная современная атмосфера. В мрачной тьме сокрыты сложные движения мира, поэтому необходимы духовные стремления через муки вперёд, ввысь устранить преграды. И вот тогда, по выражению Кандинского, возникает тот, кто переживает в себе дар «видения», сопровождаемый ненавистью, он, схожий со всеми нами, тянет ввысь повозку человечества, застрявшую в камнях [10. С. 14]. Творцу надо приучать себя ежедневно соскабливать с души всё приземлённое, чтобы развернуть себя к переходу из сферы материальной в область духовного, где всякая частица обладает «космическим качеством». По сути, революционный русский авангард, наделённый колоссальным энергетическим потенциалом, обращался ко всему миру как мессия, приводя в движение механизмы эсхатологического масштаба в искусстве.

В. С. Соловьёвым на стыке XIX–XX вв. было разработано антропокосмическое учение «всеединства», предвавшее многие характеристики «миростроительной» системы художественного утопизма двадцатого столетия: космизм и выстраивание нового общества, качественно нового человека. В данной концепции благое добро и истина для подлинного претворения в жизнь должны стать в индивидууме важной творческой силой. Воплощение духовной полноты жизни, осуществление в ней идеальной красоты или установление «вселенского духовного организма» есть максимальная цель искусства [16. С. 78]. Утопические идеи, обозначая идеал нового

человека высокого интеллектуального и морального уровня, продвигаемые русскими философами и творцами, всё больше подкреплялись научными открытиями. По В. И. Вернадскому, к началу прошлого столетия появилась реальная, ясная сила — научная творческая мысль в «форме вселенскости» (монолитной спаянности человеческих сообществ), в охвате ею всего человечества [4. С. 408]. Научное творчество явилось как сила, рождающая ноосферу, с природой стихийного процесса. Человек, рассматриваемый в контексте новой научной мысли, приобретшей наименование «космизма», подразумевается как сознательно действующий участник эволюционного развития. Учёные и мыслители, такие как Тейяр де Шарден, Вернадский, Циолковский, размышляли об исключительной ответственности индивидуума в эпоху всеисильности науки и технократической реальности; в своей духовной гибели человек может захватить за собой и весь сложный космический механизм.

Таким образом, можно установить, что в начале XX в. оформляется новое планетарное мышление, определяющее и новый нравственный вектор. По сути, и фильмы начала двадцатого столетия констатировали, что состоялась смена идеологии и веры. Новая система рождала новых героев, воплощающих новые смыслы и ценности, нравственные установки. Привлекательность нового, по мнению Э. Блоха, — это как звезда, ранее не появлявшаяся, указала дорогу волхвам к невиданному ранее удивительному событию, обновляя изнутри человека, рассказывая о новом небе и новом слове. Если народ желает нового, отмечает философ, то это притеснённый народ, пресыщенный человек не оглянется в поисках иного: новое — это прекращение ничтожного существования, рабства на земле, но новое не всегда является потугами духа, новому важно разрушать, разорвать тягостные оковы [2. С. 351]. Конечно, русских кинематографистов-новаторов искушает стихийное необузданное начало, готовое предоставить новый жизненный порыв в «поэтике будущего», обновляющий историю и действительность. Д. Вертов в фильме «Кино-глаз» планирует показать мировой хаос, его расшифровку, затем прозрение и конструирование человеком новой организации мира. В новом вертовском мире здания, машины, человек — это всё трансформаторы и преобразователи, реагирующие на движение, меняющие его порядок, направление и скорость, к тому же, как отмечает Делёз, таким взаимодействием они вызывают «эволюцию ма-

терии к её менее «вероятным» состояниям, осуществляя изменения» [8. С. 56]. В этом движении автор уничтожал границы между человеком и механизмами, выворачивая наизнанку человека, уподобляя его внутреннее существование машине, а машину наделяя сердцем. И «самой великой машиной», утверждает В. А. Подорога, становится киноаппарат, поскольку он выхватывает фрагменты из реальности, собирая их в мозаичное целое [13. С. 248]. И сам Вертов в своих манифестах декларирует, что человек должен совпасть с «взглядом» внутри камеры, то есть с тем восприятием, каким оно бывает у машины, а значит, человек (машинно мыслящий и действующий) должен механически, как машина, фрагментировать человеческое тело на экране. «Я — машина, механический глаз», — утверждает в манифестах кинематографист, открывая новый опыт творения человека, а в нём — новые творческие переживания и надежды.

Человек или получеловек в «кукольных действиях» В. Кобрина?

А. Н. Толстой в статье «Человек грядущего» пишет, что человек создал машину себе на радость и горе: человек капиталистического общества мечтает о разрушении машин, возвращая себе волю дикого зверя, машина же социалистического мира — это новая «форма природы», рождённая гением для преобразования мира, задача которого достичь безграничной свободы [17. С. 272]. С точки зрения К. Ясперса, выдающиеся достижения человека в рациональном мире науки и техники подвели индивида к душевной апатии, всё для человека стало бледным и мутным, удержались только вера и воля к улучшению себя и обстоятельств. Создаётся опасность, что в науке, философии, искусстве останутся только нормы и традиции технической рутины, овладение точными методами, и если даже инженерный практицизм добивается совершенства, то дефицит стиля в осознании прошлых эпох, когда в каждом росчерке орнамента «проявлялась трансцендентность», лишает ядра даже самое идеальное произведение. К. Ясперс фиксирует в труде «Духовная ситуация времени» (1931), что человек, духовно творящий, отвергнут современным миром, отброшен к самому себе и не в силах завершить некий путь; индивидуума словно связали, ибо мир не даёт ему больше заданий и духовная жизнь не охватывает его. Так что человек вынужден выискивать свою жизненную дорогу зигзагами, переживая потери и нехватку духовной

действительности. Поэтому сегодня искусство, отмечает Ясперс, «вместо объективности шифра сверхчувственного обладает только объективностью вещественной игры», искания новой согласованности формой демонстрируют дисциплину формы без проникающего в сущность творца [20. С. 179]. Что касается кинематографии, по мнению мыслителя, кино демонстрирует жизнь, какой её и не видели: углубляется оптический опыт, расширяются познания о мире, человеке, местности. Но, к сожалению, ничего не рассматривается основательно и длительно, зритель замечает возбуждающее, что не исчезнет из памяти, но ценой ни с чем не сопоставимой душевной пустоты. А значит, желание насытить пустошь души приведёт к поискам «нечто нового», и индивидуум то, что намеревается сделать значимым и существенным, с готовностью и желанием назовёт новым: новая, следующая ступень культуры тела, новая конструктивность, новая рефлексия. Фактически также размышляет В. М. Кобрин (автор научно-популярных фильмов) — пласт поверхностных рассуждений входит в жизненную привычку и оказывается значительной частью культуры человека, постепенно растворяя истину. Поиск истины, по мысли кинематографиста, не должен быть простым, а серьёзно пережитым, в этом поиске художник должен «замкнуть собой пространство между землёй и космосом», отразив действительность [11. С. 48]. По этой причине кинематограф Кобрина наполнен психоделическим, неким «кукольным действием», где герои (как будто живые и неживые) поступают и ведут себя по законам огромного космического театра, лишённые при этом божьей искры. Опираясь на монтажный принцип, В. Кобрин в фильмах соединяет два остроконфликтных кадра для обретения в третьем единственного в своём роде «невероятного экстракта», «необычной материи», «исключительного человекоподобного существа». Его захватывает водораздел живого, (исполненного душевного трепетания) с неживым (неподвижным), пороговое состояние между «нечеловеком», утратившим Вышний свет и смущающим своими нецелесообразными действиями, и человеком.

В научно-популярной трилогии «Гомо Парадоксум», созданной на основе труда Д. Морриса «Голая обезьяна», Кобрин изучает человека как абсурдное создание, притягивающее на адекватность и выставляющее свою непосвящённость как знание. И такого рода духовно примитивная «голая обезьяна», экипированная технически,

имеет притязания на вершину сущего, место высшего существа, царя природы, забывая, что преобладающие черты незрелости «данного существа» — это склонность к разрушению, ненасытность и нетерпимость. В трилогии режиссёр контрастно монтирует звукозаписи душевнобольных, выдавая их за откровения разумного человека. Используя монтажный контрапункт фарсовых представлений, создавая «нового человека», Кобрин в бессмыслице спичей умалишённых указывает на то, что человечество, обрастая информацией, не приблизилось к таинствам мироздания. Вот почему, в визуальной кобринской работе «1991=ТУТ» человек-полуобезьяна мечется с портфелем по городу и тут же восседает в зоопарке в клетке, а облик человека здравомыслящего, творца прекрасного, в монтажной конструкции дан в виде статичной скульптуры на фоне несущихся облаков, показанных сквозь решётку окна.

Образ кобринского получеловека, по сути, являет некое упрощение человека. Возникает вопрос: на что указывает данный образ и есть ли вообще человек в фильмах Кобрина? Готов ли данный получеловек достойно жить и принять смертный час? Или смерть (вечная спутница человека) каким-то образом будет испытывать человекоподобных персонажей космического кобринского театра: бумажных «скомканных» существ, механических марионеток, человека-обезьяну и человека-машину, а может — единое сплетение живого человека с многочисленными проводами, лампочками, окулярами и наконец — «протезное тело», где за каркасом угадывается человеческая плоть и улавливается дыхание человека? На устройство кинематографического психоделического пространства, по выражению автора, воздействовали идеи, появившиеся в такой далёкой от киноискусства сфере, как теоретическая физика: мир явился перед человеком противоречивым и парадоксальным, загадочно состоящим из разрозненных частиц. Понадобились интеллектуальная зрелость и мужество, чтобы в текущем парадоксе бытия обнаружить веру и смысл, момент просветления. М. Ямпольский подчёркивает, что кино Кобрина утверждает способность умершего постоянно воскресать, и основная цель его работ — передать миг, обречённый на исчезновение. Фрагменты фильма, включённые в калейдоскоп, сходятся на секунду, высвечивая контур, объединяющий их, но через некоторое мгновение созданная мозаика расщепляется, угасает и контур. Кобринский коллаж

из «составных тел», напоминающий о расчленении органов, ждёт зрительской активности, чтобы сблизить и собрать рассечённые фрагменты в единый образ, из этого роль зрительских усилий, предполагаемых в фильмах Кобрина, заметно выше, чем в обычном фильме [11. С. 351]. Сам кинематографист говорит о том, что зрителя следует постепенно, анонсами и отрывками подключать к научно-просветительскому фильму, вырабатывать и укреплять в этой игре коротких показов некий эффект «послесвечения», главный в искусстве. Да и сам фильм в своей основе содержит документ и игру одновременно, где живой человек и кукла могут равно претендовать на «правду поведения», действовать на экране, словно играя. Вследствие чего задача творца в том, по мысли Кобрина, чтобы протереть как следует зеркало, в которое смотрится человечество, и продемонстрировать, что этот театр без Бога, без того центра, куда сходятся «человеческо-кукольные» нити, недостоин ни сожаления, ни симпатий [11. С. 48].

Научно-популярные фильмы Кобрина, выстроенные на основе монтажного принципа мышления, характеризуются на редкость большим для современного кинематографиста диапазоном охваченных философских, научных, искусствоведческих проблем и свободным полётом творческой мысли, фантазией парадоксальной монтажной игры, инстинктивных озарений. Образцовые качества творца, мудреца согласуются в нём с виртуозным владением техникой и технологиями кино, и это являло его одновременно «лириком» и «физиком». М. Серр в статье «Кто командует парадом» пишет, что мир распределяется на литераторов (гуманитариев) и учёных, при этом делении одни ничего не знают о других. Кто оказался востребованной личностью прошлого столетия: «Ж.-П. Сартр или А. Флеминг (изобретатель пенициллина)» — спрашивает философ. А. Тьюринг или П. Бурдье преобразовали лицо мира? И что человечество знает о них? Драматический раскол, отмечает Серр, между сообществом, реконструированным точными науками, и сообществом, координированным гуманистическими науками, желательно устранить и ликвидировать. Для этого необходим «новый мудрец» (*Tiers-Instruit*) — подвижник науки и гуманист, современный и архаичный, знаток в экспериментальных познаниях, специалист пассивного и живого, выбирающий опыт и «глубоко погружающий свои корни в культурный слой, вплоть до самых тектонических плит чёрной памяти гла-

гола и тела» [15. С. 175]. Новый мудрец должен уметь отделять тень от света, рабство от господства, знать законы и незаконность, ценить сказы больше, чем концепции, и странствуя, сгорать от любви к человечеству. Такая смесь, по выражению философа, востребует укоренения не просто в земле, а в самой Земле, повсюду, а не только в небольшой группе людей для использования красоты мира и человеческого опыта для бесконечного настоящего становления, принимая при этом всю хрупкость мира, счастье и смерть. Иными словами, сегодняшний мудрец должен быть с тысячелетним сознанием, постигать бытие так, словно он живёт вечно. Кобрин вполне может соответствовать данной модели.

Заключение

Философская концепция дробления человека на экране вертовского времени и концепция дробления кинематографического человека в конце XX в. выражают, каждая по-своему, дух своей эпохи. Художники авангарда прорывались к началу бытия, первому дню творения и возникновению жизни из небытия, устанавливая новую оптику представления человека и мира. Для постмодернизма свойственна трансформация объекта в некую пустую оболочку путём фрагментирования, пародийности, языковой игры, театрализации. В данных инновациях подчёркивается специфичность эстетического смысла, соединяющего иронию и тоску по ускользающей красоте. Кобрин утверждает, что, исследуя переходное положение в психоделическом кукольном действии между человекоподобным нечто и человеком, он фиксирует этим аномальные явления, хронические болезни века: бесплодное истечение времени, потребительские страсти человека, его косность. Показать, по его мысли, данные аномалии, это значит их преодолеть. Но в любую эпоху художнику, вступает ли он в состязательную игру с космосом или с традиционными запретами, предельно выражая смыслы современной реальности, необходимо осознать свою ответственность за те преобразования мира и человека, которые он хочет внести в жизнь. Сравнивая человекоподобное существо Кобрина, «синтетического Адама» Вертова, созданные в разные эпохи, можно зафиксировать в монтажных экспериментах темы духовных исканий. Сконструированные авторами на основе монтажного принципа из фрагментов человекоподобные существа на экране ставят множество вопросов: полученное некое подобие человека является ли вообще

«целостным созданием» и как согласуются в этом новом созданном образе душа, тело и дух? Как личный нравственный кодекс автора встраивается в его творческую работу? Эти вопросы и темы далеко не исчерпаны, сегодня за творческим изобретательством авторов-кинематографистов предугадывается сила, которой доступно возможностями визуального искусства создать образ человека будущего. Вопрос о доступности для автора современных кинематографических технологий в осуществлении творческого замысла в контексте взаимоотношений авторской свободы и этики для философской антропологии достаточно важен. До какой степени в создании нового человека автор, применяя компьютерные спецэффекты, может переступить все границы?

Весомо, что киноноваторы (Вертов, Кобрин) создавали новый облик человека на фундаменте художественных опытов прошлого, но сегодня есть опасность, что в условиях высокоскоростных изменений в технологиях оперативно созданные конструкции новых экранных образов могут высвечивать отстранённое и неглубокое отношение художников к содержанию и смыслам своего творения. И неизвестно, каков будет результат воздействия экранных образов нового человека, действительности, мира на современное человечество и будущее. Критически оценивать в данном прецеденте следует не кинопроизведение, а идеи, мысли, концепции автора, стоящего за этим пластическими конструктами. Кинематографист, охватывая кинопублику «чувственными шоками» (Ж. Делёз), направляет зрительские эмоции до ступени осознанной мысли, той мысли, которую он обусловил и продиктовал. Собственно за это упрекают кинематограф,

телевидение, массовое визуальное искусство — движущиеся образы подменяют личные мысли зрителя, устанавливая комфортную обстановку для собственного безволия, имеющего тенденцию переходить в дальнейшем в подчинённое состояние и зависимость от свежих, новых впечатлений, удовлетворения и наслаждения шокирующей новизной. В результате самосовершенствование в ходе личных размышлений о мире и человеке отвергается в пользу поступления насыщенных, новых образов, «застревающих в мириадах сетчаток» (А. Арто). Принципиальное значение приобретает вопрос о том, до какой степени генерирование творцом новых экранных образов сопряжено с его нравственным выбором в результате глубоких размышлений. Это вопрос о связи единичного и всеобщего, о несомненной связи творческих экспериментов конкретного художника с моральными основами, нравственными идеалами, ценностями человеческого рода в целом. В таком выборе проявляется антропологическая установка, представляющая суть способа бытия творца, его обязательства перед человечеством за смелые находки в творческой области, воздействующие на сознание зрителей. По существу, кинематографические «опыты» творения образа нового человека на основе монтажного принципа обнаруживают новые горизонты философско-антропологического знания. Они вновь поставили на обсуждение вопросы о совершенном человеке и о необходимости мобилизации внимания творцов к особенностям современной духовной ситуации, побуждая их к переосмыслению своих границ, задач и возможностей художественно-творческой работы, поиску своего места в эпохе.

Список источников

1. Бердяев Н. А. О русских классиках / авт. вступ. ст. К. Г. Исупов ; сост. и авт. коммент. А. С. Гришин. М. : Высш. шк., 1993. 366 с. (КЛН. Классика литературной науки).
2. Блох Э. Тюбингенское введение в философию / пер. с нем. Т. Ю. Быстровой, С. Е. Вершинина, Д. И. Криушова. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. 400 с.
3. Бычков В. В. Художественный апокалипсис культуры. Строматы XX века. Кн. 1. М. : Культурная революция, 2008. 816 с.
4. Вернадский В. И. Биосфера и ноосфера. М. : АСТ, 2023. 640 с.
5. Вертов Д. Из наследия. Т. 1 : Драматургические опыты. М. : Эйзенштейн-центр, 2004. 535 с.
6. Волошин М. Скелет живописи // Весы. 1904. № 1. С. 41–51.
7. Вольпе, Г. делла. Критика вкуса / предисл. и общ. ред. К. М. Долгова ; пер. с итал. Г. П. Смирнова и Э. В. Цветковского. М. : Искусство, 1979. 351 с.
8. Делёз Ж. Кино / пер. с фр. Б. Скуратова. М. : Ад Маргинем Пресс, 2016. 560 с.
9. Иоффе И. И. Синтетическая история искусств. Введение в историю художественного мышления. М. : Книга по требованию, 2023. 590 с.

10. Кандинский В. В. Точка и линия на плоскости. О духовном в искусстве / пер. с нем. Е. Козиной. М. : АСТ, 2022. 352 с. (Эксклюзив: Русская классика).
11. Кобрин... / работали: А. Герасимов, М. Камионский, А. Романенко и др. Н. Новгород : Фонд Юрия Норштейна, МПК-Сервис, 2005. 512 с.
12. Лебон Г. Психология народов и масс. М. : Эксмо, 2023. 352 с.
13. Подорога В. А. Мимесис. Материалы по аналитической антропологии литературы : в 2 т. Т. 2, ч. I: Идея произведения. Experimentum cruris в литературе XX века. А. Белый, А. Платонов, группа Обэриу. М. : Культурная революция, 2011. 608 с.
14. Сборник статей к 70-летию профессора Ю. М. Лотмана / Тартуский унив., каф. рус. лит. ; отв. ред. А. Мальте. Тарту, 1992. 566 с.
15. Серр М. Договор с природой / пер. с фр. С. Б. Рындина ; науч. ред. О. В. Хархордин. СПб. : Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2022. 222 с.
16. Соловьёв В. С. Смысл любви: избранные произведения / сост., вступ. ст., коммент. Н. И. Цимбаева. М. : Современник, 1991. 525 с.
17. Толстой А. Н. О литературе: статьи, выступления, письма. М. : Советский писатель, 1956. 447 с.
18. Эйзенштейн С. М. Нравнодушная природа. Т. 1. М., 2004. 686 с.
19. Ямпольский М. Язык — тело — случай: кинематограф и поиски смысла. М. : Новое литературное обозрение, 2004. 376 с.
20. Ясперс К. Духовная ситуация времени / пер. с нем. М. И. Левиной. М. : АСТ, 2013. 285 с. (Новая философия).

References

1. Berdyaev NA. O russkih klassikah [About the Russian classics]. Moscow; 1993. 366 p. (In Russ.).
2. Bloh E. Tyubingenskoe vvedenie v filosofiyyu [Tubingen introduction to philosophy]. Yekaterinburg; 1997. 400 p. (In Russ.).
3. Bychkov VV. Hudozhestvennyy apokalipsis kul'tury. Stromaty XX veka. Kniga 1 [The artistic apocalypse of culture. Stromata of the XX century. Book 1]. Moscow; 2008. 816 p. (In Russ.).
4. Vernadskij VI. Biosfera i noosfera [Biosphere and noosphere]. Moscow; 2023. 640 p. (In Russ.).
5. Vertov D. Iz naslediya. Tom 1: Dramaturgicheskie opyty [From heritage. Vol. 1: Dramaturgical experiments]. Moscow; 2004. 535 p. (In Russ.).
6. Voloshin M. The skeleton of painting. *Vesy = Libra*. 1904;(1):41-51. (In Russ.).
7. Vol'pe Gal'vano della. Kritika vkusa [Critique of taste]. Moscow; 1979. 351 p. (In Russ.).
8. Delyoz Zh. Kino [Kino]. Moscow; 2016. 560 p. (In Russ.).
9. Ioffe II. Sinteticheskaya istoriya iskusstv. vvedenie v istoriyu hudozhestvennogo myshleniya [The Synthetic History of Arts. Introduction to the History of Artistic Thinking]. Moscow; 2023. 590 p. (In Russ.).
10. Kandinskij VV. Tochka i liniya na ploskosti. O duhovnom v iskusstve [Point and line on the plane. About the spiritual in art]. Moscow; 2022. 352 p. (In Russ.).
11. Kobrin... [Kobrin ...]. N. Novgorod; 2005. 512 p. (In Russ.).
12. Lebon G. Psihologiya narodov i mass [Psychology of peoples and masses]. Moscow; 2023. 352 p. (In Russ.).
13. Podoroga VA. Mimesis. Materialy po analiticheskoy antropologii literatury v dvuh tomah. Tom 2, chast' I. Ideya proizvedeniya. Experimentum cruris v literature XX veka. A. Belyj, A. Platonov, gruppa Oberiu [Mimesis. Materials on the analytical anthropology of literature in two volumes. Vol. 2, part I. The idea of the work. Experimentum cruris in the literature of the XX century. A. Bely, A. Platonov, Oberiu group]. Moscow; 2011. 608 p. (In Russ.).
14. Sbornik statej k 70-letiyu prof. YU.M. Lotmana [Collection of articles for the 70th anniversary of Prof. YuM. Lotman]. Tartu; 1992. 566 p. (In Russ.).
15. Serr M. Dogovor s prirodoj. [Contract with nature]. St. Petersburg; 2022. 222 p. (In Russ.).
16. Solov'ev VS. Smysl lyubvi: Izbrannye proizvedeniya [The meaning of love: Selected works]. Moscow; 1991. 525 p. (In Russ.).
17. Tolstoj AN. O literature: stat'i, vystupleniya, pis'ma [About literature: articles, speeches, letters]. Moscow; 1956. 447 p. (In Russ.).

18. Ejzenshtejn SM. Neravnodushnaya priroda. Tom 1 [Not indifferent nature. Vol. 1]. Moscow; 2004. 686 p. (In Russ.).
19. Yampol'skij M. Yazyk — telo — sluchaj: Kinematograf i poiski smysla [Language — body — case: Cinema and the search for meaning]. Moscow; 2004. 376 p. (In Russ.).
20. Yaspers K. Duhovnaya situaciya vremeni [The spiritual situation of time]. Moscow; 2013. 285 p. (In Russ.).

Информация об авторе

С. В. Панова — доцент, доцент кафедры режиссуры кино и телевидения.

Information about the author

S. V. Panova — Associate Professor, Associate Professor of the Department of Film and Television Directing.

Статья поступила в редакцию 25.09.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 25.09.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 173.7

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-70-78

МОЛОДАЯ СЕМЬЯ: ТИПИЧНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЁ УКРЕПЛЕНИЯ (СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ)

Олеся Николаевна Жупник

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, Симферополь, Россия, sociolesya@mail.ru, ORCID 0000-0002-0936-2839

Аннотация. Статья посвящена социально-философскому анализу молодой семьи, выявлению её типичных проблем и выработке предложений по её укреплению. Автором были рассмотрены отличительные признаки молодой семьи согласно таким критериям, как возраст, срок брака, наличие детей, официальная регистрация брака. Опираясь на результаты эмпирического исследования и мнения ряда отечественных исследователей, автор исследует изменения, связанные со структурой и функциями молодой семьи (структурно-функциональный анализ). По критерию сферы, в которой возникают трудности, связанные с конфликтами в браке и его распадом, все проблемы были разделены на проблемы мировоззренческого и личностно-социального характера, проблемы, связанные с разногласием в понимании семейных ролей, отсутствием детей, и материально-бытовые. С точки зрения исполнения семейных функций молодой семьи, важно отметить, что она больше исполняет неспецифические функции, связанные с взаимной поддержкой, коммуникацией, стабильностью, обеспечением быта. Во второй части статьи предложены способы укрепления молодой семьи с акцентом на подготовке, как к супружеской жизни, так и к родительству.

Ключевые слова: институт семьи, молодая семья, родительство, супружество, демография, социальная философия

Для цитирования: Жупник О. Н. Молодая семья: типичные проблемы и перспективы её укрепления (социально-философский анализ) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 70–78. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-70-78.

Original article

YOUNG FAMILY: TYPICAL PROBLEMS AND PROSPECTS FOR STRENGTHENING IT (SOCIO-PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

Olesya N. Zhupnik

V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, sociolesya@mail.ru, ORCID 0000-0002-0936-2839

Abstract. The article is devoted to a socio-philosophical analysis of a young family, identifying its typical problems and developing proposals for strengthening it. The author examined the distinctive features of a young family according to such criteria as age, duration of marriage, presence of children, official registration of marriage. Based on the results of empirical research and the opinions of a number of domestic researchers, the author examines changes associated with the structure and functions of a young family (structural-functional analysis). According to the criterion of the sphere in which difficulties arise associated with conflicts in marriage and its disintegration, all problems were divided into problems of an ideological and personal-social nature, problems associated with disagreements in the understanding of family roles, the absence of children, and material and everyday ones. From the point of view of the fulfillment of family functions by a young family, it is important to note that it performs more non-specific functions related to mutual support, communication, stability, and ensuring everyday life. The second part of the article suggests ways to strengthen a young family with an emphasis on preparation for both married life and parenthood.

Keywords: family institution, young family, parenthood, marriage, demography, social philosophy

For citation: Zhupnik ON. Young family: typical problems and prospects for strengthening it (socio-philosophical analysis). *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480):70-78. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-70-78.

Введение

Актуальность исследования обусловлена необходимостью всестороннего изучения проблематики молодой семьи, связанной прежде всего с воспроизводством будущего поколения. Ведь 2/3 (57,4 %) общего числа детей в стране рождаются в семьях, где женщина моложе 30 лет [7]. Сегодняшняя ситуация в области демографии характеризуется естественным снижением рождаемости, о чём свидетельствуют данные ведущих научных центров [16]. Например, согласно прогнозам на 2022–2050 гг., если коэффициент рождаемости на одну женщину сегодня составляет 1,49 ребёнка, то к 2027 г. будет ещё ниже [3; 8]. В свою очередь углубление демографического кризиса не только связано со старением населения, но и является потенциальной угрозой экономической безопасности страны [19].

Формирование образа молодой семьи, основанной на традиционных ценностях и ориентированной на рождение нескольких детей, принадлежит к национальным приоритетам, о чём сказано в «Основах государственной молодёжной политики на период до 2025 года» [12]. Поддержка молодой семьи является одной из приоритетных в вопросе решения выхода из демографического кризиса.

Цель работы — выявить основные проблемы и определить перспективы укрепления молодой семьи. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач: 1) выделить отличительные признаки молодой семьи; 2) проанализировать трудности и структурно-функциональные изменения молодой семьи; 3) наметить перспективы развития и способы укрепления молодой семьи.

Объект исследования — молодая семья. *Предметом исследования* являются типичные трудности молодой семьи и перспективы её укрепления.

Теоретическую и методологическую основу составляют философские принципы системности, развития, взаимосвязи явлений реальности, классические и новейшие методологические подходы, прежде всего структурно-функциональный анализ, при котором исследуются функции каждого из элементов социальной системы. В статье используются результаты авторского эмпирического исследования, проведённого в 2023 г., при котором было опрошено 25 молодых семей, проживающих в Крыму.

Основные характеристики молодой семьи

Большинство отечественных исследователей считают молодой такую семью, в которой супругам не больше 30 лет и они проживают в официальном браке три года. При этом подчёркивается, что речь должна идти о первом зарегистрированном браке [10]. Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодёжной политике в Российской Федерации» определяет молодую семью как лиц в возрасте до 35 лет, состоящих в первом законном браке, в том числе воспитывающих детей [11].

С позиции социально-философского подхода молодая семья рассматривается как 1) первичная социальная группа, основанная на единой общесемейной деятельности; 2) общность людей, связанная узами супружества — родительства — родства [15]; 3) социальный институт, включающий в себя систему норм, ценностей, образцов поведения и деятельности и который выполняет репродуктивную и воспитательную функции [15].

То есть к молодой семье мы можем отнести семью, характеризующуюся следующими критериями.

Первый — это *возрастной критерий*, в соответствии с которым оба из супругов не старше 30 лет. Однако стоит отметить, что в Федеральном законе данный критерий отодвинут до 35 лет, что, очевидно, связано с повышением возраста вступления в первый брак. Как свидетельствует статистика, за 2012–2022 гг. возраст заключения первого брака увеличился более чем на год и составляет сегодня для женщин 23,2 года, для мужчин — 25,4 года [3].

Вторым важным критерием молодой семьи является *официальная регистрация брака*, причём брак должен быть первым. Официальное вступление в супружество, в отличие от сожительства, свидетельствует о серьёзности намерений и связано с формированием ответственного отношения ко второй половине и к будущему браку [14; 15]. О необходимости официальной регистрации брака по состоянию на 2022 г. заявили 66,1 % российских женщин и 56,1 % мужчин [3].

Третьим важным критерием является *срок брака*. В случае молодой семьи речь идёт о первых трёх годах, некоторые отечественные учёные в качестве временного критерия указывают первые пять лет совместной жизни (Т. А. Гурко,

М. С. Мацковский), а некоторые даже первые 10 лет [1]. Особенностью этого периода первых лет семейной жизни является недостаточный семейный опыт.

Четвёртым является *демографический критерий*, связанный с деторождением. С учётом низкого коэффициента рождаемости в стране, возрастающего демографического кризиса проблема депопуляции приобретает всё большее значение. С точки зрения демографического критерия, под молодой семьёй понимают семью, имеющую одного и больше детей, или молодых супругов с высокой мотивированностью иметь детей.

Если молодая семья состоит только из супругов, то такую семью называют партнёрской или семьёй супружеского типа [6]. В. В. Розанов, цитируя К. П. Победоносцева, отметил, что сущность брака заключается прежде всего в гармоническом отношении полов, взаимодополняющих друг друга [13].

С учётом приведённых критериев, наиболее оптимальным считаем определение молодой семьи Т. К. Ростовской: «Молодая семья — состоящие в первом зарегистрированном браке мужчина и женщина, в котором оба супруга не достигли возраста 30 лет; либо неполная семья, состоящая из одного родителя, возраст которого не превышает 30 лет, в том числе воспитывающие детей. При этом для участников жилищных программ возраст супругов увеличивается до 35 лет» [15].

Создавая семью, молодые супруги видят в этом обретение важной составляющей смысла своей жизни, связанного с выбором жизненного пути. Об этом свидетельствует множество исследований, где российская молодёжь заявляет о семье как о первостепенной ценности в своей жизни. Кроме того, создание своей ячейки в период бурных социальных трансформаций ассоциируется с определённой стабильностью. Но декларируемое счастье семейной жизни на практике часто разбивается о целый комплекс социальных, психологических, экономических и юридических проблем, связанных с получением образования, поиском работы, устройством жилья, притирками между партнёрами, рождением детей. Всё это выдвигает молодую семью в категорию семей, нуждающихся в междисциплинарном анализе их проблем.

Молодая семья характеризуется инновационным потенциалом и находится на этапе своего становления. Этот период характеризуется переходом от независимости каждого из супругов к состоянию взаимозависимости и взаимопомо-

щи. Создаётся новая ячейка общества. Решается задача отделения от родительской семьи. Устанавливаются новые границы общения с друзьями, родственниками. Решаются конфликты между личными и семейными потребностями.

Однако, по статистике, большинство разводов происходит именно в первые пять лет совместной жизни [10], что свидетельствует о нестабильности данного типа семьи, а также о необходимости определённой подготовки молодых людей к семейной жизни. Если раньше подготовка к супружеству и родительству была встроена в семейный цикл естественным образом, с учётом авторитета и опыта старшего поколения, то в эпоху постмодерна, провозгласившего «освобождение» от влияния авторитетов, молодые люди оказываются в ситуации неопределённости. Семейные идеалы всё больше становятся производными от заимствованных масс-медийных образов, к тому же, чаще всего, связанных с иностранной киноиндустрией.

Преимущества молодой семьи

Среди преимуществ молодой семьи опрашиваемыми были выделены:

— *общность интересов*, что связано прежде всего с общей деятельностью и возрастом — «мы молодые, ровесники, чувствуется большая лёгкость во взаимопонимании», «мы на одной волне», «мы активные и перспективные, хотим достигать целей вместе»; отмечается чувство радости от совместной деятельности, что ведёт к сближению супругов;

— *эмоциональная поддержка*. Речь идёт о наличии рядом близкого человека, удовлетворении потребности в коммуникации и близком человеке, когда «ты не одинок, у тебя есть партнёр по жизни, который поддержит и поможет в любой ситуации». В эту категорию участники исследования относят любовь, эмоциональное спокойствие, уважение, взаимопонимание, заботу друг о друге, возможность поделиться наболевшим: «Я никогда не буду разбитым за чашкой утреннего кофе, ведь моя голубоглазая супруга заставляет меня жить».

— *экономическая стабильность*, связанная с взаимной финансовой и материальной поддержкой, особенно, когда у одного из супругов экономические проблемы; как отмечают участники исследования — удешевлением многих составляющих повседневной жизни, когда расходы делятся пополам — «когда дом и быт делят два человека»;

— *разделение обязанностей в бытовых вопросах*. В эту категорию входит взаимопомощь, связанная с полоролевыми различиями, где мужчина и женщина, с учётом их психологических и физических особенностей, могут взаимодополнять друг друга в бытовых вопросах: «все обязанности и трудности становятся общими. В жизни возникает очень много ситуаций, когда в одиночку не справиться, даже в мелочах». «Мне удобно разделять обязанности с женой. Я гуляю с животными, она их кормит. Я мою пол, она — посуду. В итоге дома чисто и уютно и мы не сильно устаём от быта»;

— *повышение социального статуса*. Вступление в брак, по мнению молодых супругов, повышает социальный статус перед родственниками, друзьями, при устройстве на работу. Статус «замужней» или «женатого» придаёт ореол серьёзности, взрослости, надёжности и ответственности;

— *постоянный половой партнёр и рождение детей*. Данный момент напрямую связан с репродуктивной функцией семьи. Наличие постоянного полового партнёра связано с «регулярной сексуальной жизнью», что, несомненно, предполагает рождение детей;

— *возможность личностного роста*. Молодые люди отмечают, что для достижения личностной гармонии необходим партнёр, что только в паре можно увидеть свои недостатки, работать над ними, соответственно совершенствуя свои личные качества. Кроме того, здесь идёт речь и о совместном развитии, поддержке друг друга.

К позитивным сторонам создания молодой семьи относят государственную поддержку, одобрение родных, создание социальной ячейки общества, способствование росту демографии.

Данные позитивные стороны поддерживают глубинно личную заинтересованность в браке, которая и является основным мотивом брака. Со стороны общества нужно только укреплять статус молодой семьи и работать с потенциальными рисками, о которых уже было сказано выше.

Структурно-функциональный анализ проблем молодой семьи

Для целостного изучения проблем современной семьи мы использовали метод структурно-функционального анализа, разделив проблемы на структурные, связанные с изменениями структуры семьи, и функциональные, связанные с изменениями семейных функций. Повышение

устойчивости социальной системы, как считал Т. Парсонс, возможно только с помощью изучения достоинств и недостатков социальной структуры [21].

К первой группе проблем относится создание, расширение и распад социального института семьи. Процесс создания семьи чрезвычайно сложный. К основным мотивам, побудившим их заключить брак, молодые крымчане относят взаимную любовь и острое желание узаконить эти чувства — «увековечить любовь созданием брака». Создавая свою ячейку общества, молодые люди с присущим юношеским максимализмом даже противопоставляют её всему обществу — «огромнейшая и безукоризненная любовь, которая заставляет бороться со всем миром вместе». При этом при создании этой ячейки отмечается важная роль примера родительской семьи и взаимоотношений между родителями.

Важно отметить положительные установки молодых семей в отношении рождения детей (расширение семьи), так как в качестве одного из мотивов заключения брака указывается рождение детей — «олицетворение нашей любви с помощью продолжения рода», «продолжение жизни в другом человеке (ребёнке)», «готовность к рождению и воспитанию детей». Конечно, здесь присутствует и временной фактор — рождение детей планируется «со временем». В качестве одной из положительных сторон создания молодой семьи отмечается совместное времяпрепровождение, взаимопомощь, ключевыми словами, как часто подчёркивают сами опрашиваемые, являются «вместе», «мы». Также для женщин заключение брака является «новым уровнем отношений», связанным с изменением социального статуса — «приятно осознавать, что я теперь жена, супруга» — и обретением чувства безопасности и надёжности. Кроме того, мотив заключить именно законный брак, в отличие от сожительства, ассоциируется с ответственностью.

Среди остальных, менее популярных мотивов указывается беременность — «если бы не это, мы бы не стали торопиться»; длительная дружба — «мы вместе ещё со школы»; желание сепарироваться от родителей; вести общий быт и др.

По критерию сферы, в которой возникают проблемы, связанные с конфликтами в браке и его распадом, все проблемы были сгруппированы следующим образом.

К первой группе относятся проблемы *мировоззренческого и личностно-социального характера*, среди которых наиболее частыми отмечают этап

«снятия розовых очков» и этап притирки, связанный с завышенными ожиданиями от супружеской жизни и, как следствие, — несоответствием семейной жизни и реальности. Сюда также относят недоверие, недостаток внимания друг к другу, недопонимание, неумение уступать, эгоистическое поведение, когда каждая из сторон «считает себя центром вселенной», неуважение, остывание чувств, несерьёзность в отношениях, ревность, измену. В данную категорию проблем входят также личностные недостатки супругов, незрелость, вредные привычки, непринятие интересов другого, попытки переделать друг друга.

Вторую многочисленную группу проблем мы обозначили как *разногласие в представлениях о семейных ролях*. Молодые супруги обозначают отсутствие согласия в распределении обязанностей, разделении быта как одну из наиболее важных: «Наша проблема, что мы не узнали друг друга в фундаментальных вещах, не договорились об основном — дом или квартира, когда рожать детей, у кого какие обязанности». Важно отметить одну из структурных характеристик семейно-брачных ролей современной молодой семьи — унификацию семейно-бытовых ролей, что приводит к нивелированию роли «главы семьи». В результате женщины уличают мужей в неспособности вести быт. Ведь современная женщина сегодня вполне удачно сочетает роль матери, хозяйки и при том делает профессиональную карьеру. Поэтому, соответственно, она ожидает от мужа помощи в быту. Однако, как свидетельствуют эмпирические исследования, молодые мужчины кроме партнёрства, часто ожидают патриархальных ролей жены и мужа [17].

Важно добавить, что к причинам, ведущим к конфликтам и расставаниям, большинство молодых пар отнесли *отсутствие детей*, нежелание иметь ребёнка у одного из партнёров — «один хочет, второй — нет», «споры про детей — когда же время заводить ребёнка», неготовность семьи к рождению ребёнка. Причины такого нежелания иметь детей, как утверждают авторитетные учёные в области демографии и социальной философии, связаны не только с материальными трудностями, но прежде с изменениями ценностных ориентиров [20]. Ведь забота о ребёнке связана с такими ценностями, как жертвенность, забота о другом, а сегодня в качестве основных декларируются ценности индивидуализма, самореализации [22].

Следующую группу проблем составляют *материально-бытовые проблемы*, связанные с фи-

нансовыми трудностями, шатким материальным положением молодой семьи, низкооплачиваемой работой, падением уровня жизни. Сюда также относят жилищные проблемы, проживание в съёмной квартире, неспособность контролировать и разделять бюджет.

Одной из причин, ведущих к конфликтам, являются постоянные командировки, отъезды, что связано со спецификой профессии супруга (военный).

В контексте структурно-функционального анализа важно также ответить на вопрос о том, справляется ли молодая семья с исполнением своих функций. Семейные функции подразделяют на специфические, которые отделяют семью от других социальных институтов, и неспецифические. К специфическим, согласно А. Г. Харчеву, относят репродуктивную (рождение детей), экзистенциальную (обеспечение детей) и воспитательную (функцию социализации). К неспецифическим функциям относят функции, связанные с заботой членов семьи друг о друге, коммуникацией, созданием благоприятного микроклимата, организацией досуга, организацией домохозяйства и др. Анализируя ответы молодых супругов, можно отметить, что приоритетными для них являются неспецифические функции, связанные с взаимной поддержкой, коммуникацией, стабильностью, обеспечением быта. Что касается рождения детей, здесь важно отметить отодвижение возраста рождения первого ребёнка, а также переход от многодетности к малодетности и бездетности, что одновременно нивелирует социализационную роль материнства.

Перспективы укрепления молодой семьи

Подготовка молодых людей к супружеству, основная задача которого состоит в снижении вероятности конфликтов между супругами, очень важна для своевременного создания семьи [5. С. 226]. Молодые люди сами отмечают, что пытаются решить возникшие конфликтные ситуации, прежде всего с помощью совместных разговоров. Отмечают такие качества, необходимые к сохранению брака, как понимание друг друга, честность, забота, любовь и уважение к другому. Важно также не переделывать друг друга под свой идеал, уметь поставить себя на место партнёра: «В нашей семье проблемы решаются в первую очередь обоснованным разговором, в котором учитывается мнение каждого из нас и в конечном итоге заключается мирный союз. Конечно, не всегда это проходит быстро и легко, конечно,

ссоры затягиваются, конечно, пару раз мы были на грани разрыва, но, пройдя все трудности, наш дирижабль молодой семьи верно плывёт на край земли». Молодые люди отмечают необходимость или советуют обговорить перед заключением брака распределение ролей и обязанностей в семье, обсудить вопросы рождения детей, быта, работы, жилья. От государства молодые люди ожидают прежде всего помощи с жильём и усовершенствованием дошкольных учреждений.

Отмечая легкомысленный подход молодого поколения к разводу, прозаик «мысли семейной», семейный мыслитель В. И. Белов ещё в конце 80-х отметил: «...разрушение семьи в личном плане стало делом будничным и не очень опасным. Но для ребёнка это всегда если не жизненная катастрофа, то глубочайшая драма» [5. С. 227]. Следовательно, развод, когда ребёнок лишается родного отца или матери, свидетельствует об отсутствии у современных молодых родителей понятия ответственного родительства. А ведь семейная жизнь является одной из сложнейших сторон образа жизни, и вести её успешно может лишь человек, соответствующим образом подготовленный и сориентированный. Для того, чтобы стать квалифицированным хирургом, нужно семь лет учиться, а потом ещё несколько лет перенимать практический опыт. Квалифицированная подготовка должна быть и в вопросах семьи, в частности, необходимо введение курса «Семьеведение». Ведь если раньше молодёжь перенимала образцы супружеского или родительского поведения у родителей, ориентировалась на определённые идеалы, то сегодня такими образцами служит продукция современной киноиндустрии, представители шоу-бизнеса, блогеры. К сожалению, как отмечает ряд исследователей, современная фильмография формирует искажённый образ семьи, материнства, отцовства, родительства [9]. Формируется нереалистичский образ и самих отношений в браке по голливудскому типу, создаются мелодрамы по типу «золушки, которая счастливо выходит замуж за принца». Современная фильмография не учит решать проблемы, проектирует ирреальные образы мужа и жены, что в свою очередь ведёт к постоянному недовольству партнёром, так как спроектированного фильмом «идеала» просто нереально достичь. Жертвенность как идеал заменяется потребительством, когда каждый из партнёров стремится больше получить, чем отдать.

Статистические данные подтверждают выводы вышеуказанного исследования о том, что к разво-

дам прежде всего проводит неправильное распределение семейных обязанностей, невнимательное отношение мужа к жене и детям, несовпадение культурного и бытового уровня супругов, аморальное поведение и несохранение верности, вредные привычки, ревность супругов. Указанные причины расставания молодых супругов подчёркивают необходимость подготовки молодёжи к супружеской жизни, которой прежде всего должны заниматься родители.

Французский семейный романист, критик общества потребления Эрве Базен пишет, что в начале супружества всегда есть какое-то надёжное связывающее звено, куда можно отнести восхищение красотой, интеллектом, физической привлекательностью, чувством юмора или какими-то способностями [2]. Те молодые люди, которые до брака не имели представления о семейной жизни, семейно-бытовых проблемах, воспитании детей, не считались с мнением старшего поколения и с желанием и мнением супруга в решении проблем, через некоторое время сами убеждались, что они совершили ошибку. Результатом этой ошибки является разрыв семейных уз и пополнение числа разведённых людей.

Процесс предварительной подготовки молодых людей к супружеской жизни успешно реализуется в тех семьях, где дети не только полноправно участвуют в домашних делах, но и общаются со своими младшими и старшими братьями и сёстрами, а также бабушками и дедушками. Как отмечают Г. Чередниченко и В. Шубкин, «многосторонняя подготовка новых поколений к самостоятельной жизни в родительской семье была вполне приемлема, пока эта семья была большой, с многочисленным потомством и тесными семейно-родственными связями» [18. С. 175]. Ю. А. Гаспарян подчёркивает, что ценность такой многосторонней подготовки молодых к супружеской жизни состоит в том, что именно благодаря примеру опыта любви между родителями и детьми, между сёстрами и братьями, между поколениями у детей своевременно рождается потребность настоящей любви, желание создать семью [5. С. 229].

Заключение

В данной статье были выделены основные характеристики молодой семьи — возраст (супруги не старше 30 лет); официальная регистрация брака; срок брака — преимущественно речь идёт о первых трёх-пяти годах брака; демографический критерий — связанный с деторождением.

Отмечается, что молодой семьёй считается и семья супружеского типа.

Для целостного изучения проблем современной семьи был использован метод структурно-функционального анализа, с разделением проблем на структурные, связанные с изменениями структуры семьи, и функциональные, обусловленные изменениями семейных функций. В качестве основных мотивов создания семьи указаны любовь, романтические отношения, среди преимуществ молодой семьи указаны общность интересов, взаимоподдержка, взаимопомощь, повышение социального статуса, возможность личностного роста, обретение экономической стабильности, регулярная половая жизнь и рождение ребёнка. Отмечается важная роль примера родительской семьи. Уточнено, что в отличие от сожительства, заключение официального брака связано с ответственным отношением и свидетельствует о серьёзности намерений, в том числе и перед государством.

По критерию сферы, в которой возникают проблемы, связанные с конфликтами в браке и его

распадом, все проблемы были сгруппированы следующим образом: проблемы мировоззренческого и личностно-социального характера, связанные с ценностями и этапом притирки; проблемы, связанные с разногласием в семейных ролях; отсутствие детей; материально-бытовые проблемы.

С точки зрения анализа исполнения функций важно отметить, что больше исполняются неспецифические функции, связанные с взаимной поддержкой, коммуникацией, стабильностью, обеспечением быта.

Предложены перспективы развития и способы укрепления молодой семьи с акцентом на подготовке как к супружеской жизни, так и к родительству. С учётом ценностного сдвига — от идеалов жертвенности, заботы до индивидуалистических ценностей, потребительства, перед будущими молодожёнами стоит вызов не только в вопросах рождения и воспитания детей, но и в выработке бескорыстных отношений между собой.

Список источников

1. Азисова Н. Н. Социальный статус молодой семьи в условиях современной России : автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.04. Саранск, 2002. 20 с.
2. Базен Э. Супружеская жизнь. М. : Эксмо, 2018. 384 с.
3. В России средний возраст вступления россиян в первый брак за 10 лет вырос на год. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17427867> (дата обращения: 18.10.2023).
4. Гарник М. Д. Современные подходы к определению понятия «молодая семья» и классификации молодых семей в России // Молодой учёный. 2019. № 19 (257). С. 308–310.
5. Гаспарян Ю. А. Семья на пороге XXI века (социологические проблемы). СПб. : Петрополис, 1999. 320 с.
6. Голод С. И. Моногамная семья: кризис или эволюция? // Социально-политический журнал. 1995. № 6. С. 74–87.
7. Демографический ежегодник России — 2017. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm (дата обращения: 18.10.2023).
8. Демографический прогноз до 2035 года. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 18.10.2023).
9. Зуйкова Е. М., Кузнецова М. В. Молодая семья. М. : Союз, 1994. 36 с.
10. Молодожёны : сборник статей. М. : Мысль, 1985. 92 с.
11. О молодёжной политике в Российской Федерации : Федеральный закон. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 18.10.2023).
12. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 ноября 2014 г. № 2403-р «Об утверждении основ государственной молодёжной политики до 2025 года». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (дата обращения 18.10.2023).
13. Розанов В. В. Собрание сочинений. Семейный вопрос в России. М. : Республика, 2004. 829 с.
14. Ростовская Т. К. Статус молодой семьи в современном российском обществе // Культура и общество. 2014. № 3. С. 74–80.
15. Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья в системе социальных институтов общества : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. 2-е изд., пер. и доп. М. : Юрайт, 2019. 299 с.
16. Рязанцев С. В., Архангельский В. Н., Воробьева О. Д. Демографическое развитие России: тенден-

ции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад — 2020 / под ред. С. В. Рязанцева. М. : Обьединённая редакция, 2020. 156 с.

17. Фролова Н. А., Черкасов А. Ю. Социологический анализ проблем современной молодой семьи // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2022. Т. 14, № 1. С. 145–153.

18. Чередниченко Г. А., Шубкин В. Н. Молодёжь вступает в жизнь. М., 1985. 240 с.

19. Экономическая безопасность личности, общества, государства: проблемы и пути обеспечения // Материалы ежегодной всероссийской научно-практической конференции, 10 апреля 2015 г. Ч. 1 / сост. : Ю. А. Кудрявцев. СПб. : Изд-во СПб ун-та МВД России, 2015. 308 с.

20. Lesthaeghe R., Meekers D. Value changes and the dimensions of familism in the European community // European Journal of Population. 1987. № 2. Pp. 225–268.

21. Parsons T. Theories of Society: foundations of modern sociological theory. Free Press, New York. 1961.

22. Surkyn J., Lesthaeghe R. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe // An Update. Demographic research special collection. 2004. № 3. Pp. 45–86. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2004.S3.3>

References

1. Azisova NN. Social'nyj status molodoy sem'i v usloviyah sovremennoj Rossii. Thesis abstract. Saransk; 2002. 20 p. (In Russ.)

2. Bazen E. Supruzheskaya zhizn'. Moscow; 2018. 384 p. (In Russ.).

3. V Rossii srednij vozrast vstupleniya rossiyan v pervyj brak za 10 let vyros na god. Available from: <https://tass.ru/obshchestvo/17427867> (Accessed: 18.10.2023). (In Russ.).

4. Garnik MD. Sovremennye podhody k opredeleniyu ponyatiya “molodaya sem'ya” i klassifikacii molodyh semej v Rossii. *Molodoj uchenyj*. 2019;(19):308-310. (In Russ.).

5. Gasparyan YuA. Sem'ya na poroge XXI veka (sociologicheskie problemy). St. Petersburg; 1999. 320 p. (In Russ.).

6. Golod S. I. Monogamnaya sem'ya: krizis ili evolyuciya? *Social'no-politicheskij zhurnal*. 1995. № 6. Pp. 74–87. (In Russ.).

7. Demograficheskij ezhegodnik Rossii — 2017. Available from: http://www.gks.ru/bgd/regl/B17_16/Main.htm (Accessed: 18.10.2023). (In Russ.).

8. Demograficheskij prognoz do 2035 goda. Available from: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (Accessed: 18.10.2023) (In Russ.).

9. Zujkova EM, Kuznecova MV. Molodaya sem'ya. Moscow; 1994. 36 p. (In Russ.).

10. Molodozhny: sbornik statej. Moscow; 1985. 92 p. (In Russ.).

11. O molodezhnoj politike v Rossijskoj Federacii: Federal'nyj zakon. Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (Accessed: 18.10.2023). (In Russ.)

12. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 29 noyabrya 2014 g. no. 2403-P “Ob utverzhdenii osnov gosudarstvennoj molodezhnoj politiki do 2025 goda”. Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171835/ (Accessed: 18.10.2023) (In Russ.).

13. Rozanov VV. Sbranie sochinenij. Semejnyj vopros v Rossii. Moscow; 2004. 829 p. (In Russ.).

14. Rostovskaya TK. Status molodoy sem'i v sovremennom rossijskom obshchestve. *Kul'tura i obshchestvo*, 2014;(3):74-80. (In Russ.).

15. Rostovskaya TK. Sem'ya v sisteme social'nyh institutov obshchestva: ucheb. posobie dlya bakalavriata i magistratury. Moscow; 2019. 299 p. (In Russ.).

16. Ryazancev SV, Arhangel'skij VN, Vorob'eva OD. Demograficheskoe razvitie Rossii: tendencii, prognozy, mery. Nacional'nyj demograficheskij doklad — 2020. Moscow; 2020. 156 p. (In Russ.).

17. Frolova NA, Cherkasov AYU. Sociologicheskij analiz problem sovremennoj molodoy sem'i. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tekhnologicheskogo universiteta*. 2022;14(1):145-153. (In Russ.).

18. Cherednichenko GA, Shubkin VN. Molodezh' vstupayet v zhizn'. Moscow; 1985. 240 p. (In Russ.).

19. Ekonomicheskaya bezopasnost' lichnosti, obshchestva, gosudarstva: problemy i puti obespecheniya. In: Materialy ezhegodnoj vs Rossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, 10 aprelya 2015 g. Chast' 1. St. Petersburg; 2015. 308 p. (In Russ.).

20. Lesthaeghe R, Meekers D. Value changes and the dimensions of familism in the European community. *European Journal of Population*, 1987;(2):225-268.

21. Parsons T. Theories of Society: foundations of modern sociological theory. Free Press, New York; 1961.
22. Surkyn J, Lesthaeghe R. Value Orientations and the Second Demographic Transition (SDT) in Northern, Western and Southern Europe. *An Update. Demographic research special collection*, 2004;(3):45-86. <https://doi.org/10.4054/DemRes.2004.S3.3>

Информация об авторе

О. Н. Жупник — кандидат философских наук, ведущий специалист по учебно-методической работе кафедры философии.

Information about the author

O. N. Zhupnik — Candidate of Philosophical Sciences, Leading specialist in educational and methodological work of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 08.10.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 08.10.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

В ЗАПИСНУЮ КНИЖКУ ПРЕПОДАВАТЕЛЯ INTO THE TEACHER'S NOTEBOOK

Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 79–85.

ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Bulletin of Chelyabinsk State University. 2023;(10(480)):79-85. ISSN 1994-2796 (print). ISSN 2782-4829 (online)

Научная статья

УДК 37.02

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-79-85

МОДЕЛЬ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО СОПРОВОЖДЕНИЯ ДУХОВНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ КАК ОДНА ИЗ ОСНОВ ПРОЕКТИРОВАНИЯ КУРСА «ОСНОВЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ»

Светлана Федоровна Шляпина

Государственный аграрный университет Северного Зауралья, Тюмень, Россия, shlyapina.sf@gausz.ru, ORCID 0009-0005-7332-7551

Аннотация. Необходимость введения в учебные планы всех направлений обучения в вузах курса «Основы российской государственности» ставит перед педагогическим сообществом ряд задач. Они связаны с выбором методологических основ, работой над содержанием и выбором методов и средств преподавания. В статье представлена модель формирования духовного самоопределения обучающегося, что является одной из целей курса, на основе психологических механизмов развития личности: рефлексии, персонализации и стереотипизации.

Ключевые слова: основы российской государственности, методология, традиционные нравственно-духовные ценности, духовное самоопределение личности

Для цитирования: Шляпина С. Ф. Модель педагогического сопровождения духовного самоопределения личности студентов как одна из основ проектирования курса «Основы российской государственности» // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 79–85. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-79-85.

Original article

MODEL OF PEDAGOGICAL SUPPORT OF SPIRITUAL SELF-DETERMINATION OF A PERSON AS ONE OF THE BASIS FOR DESIGNING THE COURSE “FOUNDATIONS OF THE RUSSIAN STATEHOOD”

Svetlana F. Shlyapina

The Northern Trans-Ural State Agricultural University, Tyumen, Russia, shlyapina.sf@gausz.ru, ORCID 0009-0005-7332-7551

Abstract. The need to introduce the course “Fundamentals of Russian Statehood” into the curricula of all areas of study at universities poses a number of tasks for the pedagogical community. They are related to the choice of methodological foundations, work on the content and the choice of methods and means of teaching. The article presents a model for the formation of a student’s spiritual self-determination, which is one of the goals of the course, based on psychological mechanisms of personality development: reflection, personalization and stereotyping.

Keywords: fundamentals of Russian statehood, methodology, traditional moral and spiritual values, spiritual self-determination of the individual

For citation: Shlyapina SF. Model of pedagogical support of spiritual self-determination of a person as one of the basis for designing the course “Foundations of the Russian Statehood”. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480)):79-85. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-79-85.

Введение

С введением в учебные планы всех направлений обучения в учебных учреждениях высшего образования курса «Основы российской государственности», о котором объявил президент Владимир Путин в декабре 2022 г. на Госсовете, перед педагогическим сообществом встаёт ряд задач. Задачи эти связаны прежде всего с формированием концепции данной дисциплины, выбором методологических основ, а затем работой над содержанием и выбором средств и методов преподавания [10].

В концепции курса отмечено, что содержание курса «Основы российской государственности» должно быть неразрывно связано с национальными целями и приоритетами развития России. Кроме того, важно значение долгосрочных целей, достижение которых зависит от процессов, происходящих в обществе, взаимодействия самих социальных институтов, влияющих и поддерживающих систему нашего мировоззрения.

Нормативно-правовая база курса определена — это Конституция РФ, Указ «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [15] и Стратегия национальной безопасности [16], а также «Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [14].

В УМК новой дисциплины отмечается, что главная цель курса — формирование у студентов системы компетенций и ценностных ориентаций, а также устойчивых способов поведения, которые будут служить маркером осознания принадлежности к российскому обществу, патриотизма и гражданской ответственности, активного духовно-нравственного самоопределения личности и внутренней культуры [4; 5].

В пяти разделах — элементах курса рассматриваются идеи, символы, нормы, ритуалы, институты, и это, с одной стороны, делает курс междисциплинарным, а с другой — требует тщательной работы над методологическим основанием, на котором будут строиться логика материалов курса и формирование мировоззрения и ценностных ориентаций студентов, особого восприятия российской цивилизации, их национальной идентичности, самоопределения их гражданской позиции и не только [4; 5].

Из вышеперечисленного очевидно, что речь идёт о формировании ценностей, идентичности, позиции, в целом о необходимости личности сделать собственный, осознанный выбор и опреде-

литься в своих ценностях, занять определённую позицию (желательно активную гражданскую), сформировать свою точку зрения в отношении текущей политической повестки. Иными словами, речь идёт о самоопределении личности.

Встаёт вопрос, какими методами, через какие психологические механизмы можно эффективно способствовать самоопределению личности в ходе образовательного процесса.

Материалы и методы исследования

В ходе нашего исследования мы использовали теоретический анализ и синтез при работе с научными источниками, а также моделирование процесса педагогического сопровождения духовного самоопределения личности. Было изучено более 20 источников научной литературы и нормативных документов.

Результаты и их обсуждение

Некоторые из методологических основ курса «Основы российской государственности» заложены в Указе Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [14].

В соответствии с этим Указом традиционные ценности — это нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

К традиционным ценностям относятся жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России.

Здесь важно и уместно рассмотреть ещё одно понятие — самоопределение личности.

Самоопределение личности — сложное и многоаспектное явление. Самоопределение представляет собой не только результат, но и процесс выбора человеком своих позиции, целей и средств

жизнедеятельности. В отечественной науке основы психологического подхода к самоопределению заложены в работах С. Л. Рубинштейна, К. А. Абульхановой-Славской, Л. И. Божович, М. Р. Гинзбурга, А. Е. Голомштока, Е. А. Климова и др.

Исследователи выделяют разные виды самоопределения: духовное, профессиональное, религиозное и другое. Но, поскольку уже в курсе «ОРГ» речь идёт о формировании ценностей и духовных основ, то уместно говорить о самоопределении духовном.

Именно духовное самоопределение определяет ценностные ориентации личности, жизненную позицию, отношение к происходящим глобальным событиям.

Из исследований отечественных учёных очевидно, что в структуре самоопределения присутствуют следующие компоненты [17]:

- когнитивный (знания, представления);
- ценностно-мотивационный (ценностные ориентации, влияющие на развитие других компонентов);
- операциональный (умение самопроектирования, рефлексия).

Учитывая сложность, длительность формирования самоопределения личности, этот процесс будет более эффективным при наличии педагогического сопровождения.

Формирование самоопределения невозможно без активизации внутренних психологических механизмов развития личности [17].

Поскольку самоопределение личности — это самостоятельный и активный выбор своих ориентиров и позиций, то формироваться оно должно с помощью интерактивных педагогических методов, позволяющих активизировать внутренние процессы личностного развития: рефлексия, стереотипизацию и персонализацию [17].

Корифеи психологической науки Л. С. Рубинштейн, Б. Г. Ананьев [1], Г. С. Костюк и др. были убеждены, что личность существует только в развитии. Например, Т. М. Титаренко говорила: «развитие является основным способом существования на протяжении жизненного пути» [13. С. 86].

Другие учёные в своих исследованиях раскрывают внутренние механизмы развития личности. Так, для М. В. Петровской и С. В. Щербака рефлексия — это механизм развития личности, а точнее её психологической культуры [7].

Благодаря именно рефлексии человек может осознать, для чего он предназначен в обществе,

а также мотивы действий окружающих нас людей и, конечно, своих собственных поступков [6].

В трудах отечественных учёных-психологов рефлексия не меньше, чем отправная точка мыследеятельности (Н. А. Алексеев, Я. А. Понамарев, И. С. Ладенко, Г. П. Щедровицкий, Э. Г. Юдин), часть теоретического и творческого мышления (В. В. Давыдов, В. К. Зарецкий, Г. И. Катрич, А. З. Зак, В. П. Зинченко, С. В. Семенов), одна из важных характеристик способностей (Д. В. Ушаков, А. В. Карпов, В. Д. Шадровицкий), условие развития личности (С. Л. Рубинштейн, А. А. Головин, И. И. Ильясков, М. В. Григорович и др.), способность индивида к самоанализу, самоосмыслению и переосмыслению себя (А. Г. Асмолов, Р. Бернс, В. П. Зинченко), естественное свойство человеческого сознания и самосознания личности (И. Н. Семенов, И. С. Кон, В. И. Слободчиков, О. С. Ноженкина, Е. Б. Старовойтенко, Г. А. Цукерман) и др.

Например, Л. С. Рубинштейн рефлексия считает одним из основных этапов в становлении субъектности личности. И далее, рефлексия как бы «приостанавливает, прерывает процесс жизни и выводит человека мысленно за её пределы» [12].

Важнейшие показатели рефлексии, проявляющиеся в способностях:

- выявление, анализ, сравнение и оценка человеком своих ценностей и потребностей;
- выявление, анализ, классификация и оценка собственных компетенций;
- определение знаний, умений и навыков, недостающих человеку для успешной самореализации;
- разработка стратегии и тактики образования «через всю жизнь» и развития собственной личности [7].

Следующий важный механизм личностного развития — это персонализация.

В исследованиях отечественных учёных очень много внимания уделяется персонализации. Например, В. М. Бехтерев в своих трудах описывал личность, изменяющую своим существованием других людей и продолжающую социальную жизнь в них после своей физической смерти [2]. Эти прорывные для своего времени идеи Бехтерева в дальнейшем получили своё развитие в теории персонализации личности, раскрытой в исследованиях А. В. Петровского и В. А. Петровского. Они считали личность особой формой включённости индивида в жизненную реальность других людей. В результате этого происходит

значимое для их существования и развития изменение присущей этим людям системы отношений с реальностью [8].

Личность может влиять на окружающих её людей через их обучение и воспитание или в любых других форматах взаимодействия человека с другими людьми. В действительности, когда мы намеренно или ненамеренно демонстрируем другим образцы своей активности, наша личность специфическим образом продолжает себя в этих других, преобразовывает личностные смыслы этих людей, их поведение, а также мотивы их деятельности [3].

Именно таким образом процесс персонализации осуществляет усиление личностной персоны, являясь тенденцией к преобразованию всей эмпирической личности в одну персону. «Персонализация (от лат. *persona* — личность) — процесс, в результате которого субъект... может выступить в общественной жизни как личность» [9. С. 271]. Если говорить другими словами, то потребность в персонализации — это потребность человека быть личностью [9. С. 272].

Ещё одним механизмом развития личности является стереотипизация.

Социальный стереотип является относительно устойчивым и упрощённым образом социального объекта, которым выступают группа, отдельный человек, события, явления и др., складывающимся в условиях нехватки информации как результат осмысления и объединения личного опыта и норм, принятых в обществе.

Явление стереотипизации в нашей жизни выполняет важнейшую функцию — позволяет быстро и просто категоризировать социальное окружение. Механизм стереотипизации — это необходимый и полезный инструмент социального восприятия, при условии, что он имеет положительную направленность [11].

В. А. Ядов даёт такое определение стереотипа — это схематичный, стандартизированный образ о социальном объекте, который чаще всего имеет эмоциональную окраску и обладает высокой устойчивостью [18].

Занимаясь реализацией дисциплины «Основы российской государственности», педагог должен обеспечить педагогическое сопровождение формирования духовного самоопределения студентов.

Педагогическое сопровождение личности в процессе самоопределения — это взаимодействие педагога и студента, способствующее обеспечению условий для активного и адекватного осознания личностью своих путей развития [17].

Цель психолого-педагогического сопровождения духовного самоопределения студентов — создание условий для активизации внутренних механизмов развития личности, применение интерактивных методов, получение обратной связи через систему содержательных заданий.

В Концепции дисциплины «Основы российской государственности» предлагается активно использовать такие педагогические методы, как деловые и ролевые игры, дискуссии и дебаты, мозговой штурм, игры и викторины, создание проектных групп и другие. Это очень хорошо ложится на идею формирования духовного самоопределения личности студента, поскольку этот процесс требует активизации собственных внутренних механизмов развития личности.

Рассмотрим, как можно способствовать развитию духовного самоопределения в рамках курса «Основы российской государственности» на примере темы, раскрывающей традиционные для России духовно-нравственные ценности (таблица 1).

Так, спланировав и организовав систему стимулирующих ситуаций, возможно активизиро-

Таблица 1
Table 1

Модель педагогического сопровождения духовного самоопределения
Model of the formation of the spiritual self-determination of the individual

Компоненты/ механизмы	Когнитивный	Ценностно-смысловой	Операциональный
Стереотипизация	Знакомство с понятием и сущностью традиционных российских ценностей, историческими аспектами их формирования	Стимулирование к размышлению о том, как традиционные ценности реализуются в практике повседневной жизни, каково их значение для граждан нашей страны, какие существуют для них угрозы	Отработка умения самопрезентации, аргументации на практических занятиях темы «Российское мировоззрение и ценности российской цивилизации»

Окончание таблицы 1
End of the table 1

Компоненты/ механизмы	Когнитивный	Ценностно-смысловой	Операциональный
Рефлексия	Диагностика своих особенностей (в данном аспекте — ценностных ориентаций) как основа для более эффективного самоанализа, дальнейшего самоконтроля и оценки своей личности	Использование упражнений на определение иерархии личностных норм и ценностей, тренинг навыка рефлексии. Использование упражнений на самопознание, самопринятие своей личности	Тренинг приёмов целеполагания и соотнесения своих целей и ценностей.
Персонализация	Организация дискурса/дебатов об актуальности и значении традиционных ценностей в современном мире	Организация обсуждений и соотнесения личных ценностей с традиционными. Упражнения на прояснение того, есть ли противоречия в ценностно-мотивационной сфере личности. Если да, то как это отражается в жизни	Организация дискуссий, самопрезентаций для формирования навыка самовыражения личности

вать духовное самоопределение личности за счёт работы рефлексии, стереотипизации и персонализации, охватывая такие компоненты самоопределения, как когнитивный, ценностно-смысловой и операциональный.

Заключение

Таким образом, одной из задач курса «Основы российской государственности» является педагогическое сопровождение развития духовного самоопределения студентов.

Педагогическое сопровождение этого процесса позволит обеспечить более эффективное формирование духовного самоопределения.

Педагогическое сопровождение процесса формирования духовного самоопределения состоит в создании условий для развития компонентов самоопределения (когнитивный, ценностно-смысловой, операциональный) и активизации трёх психологических механизмов развития личности: рефлексии, стереотипизации и персонализации.

Список источников

1. Ананьев Б. Г. О проблемах советского человекознания: монография. СПб. : Питер, 2001. 263 с.
2. Бехтерев В. М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема // Вестник знания. 1918. Вып. 2. С. 2–23.
3. Костюк, Г. С. Учебно-вспомогательный процесс и психическое развитие личности : монография. Киев : Советская школа, 1989. 608 с.
4. Основы российской государственности: эксперты о новом учебно-методическом пособии // Актуальные комментарии. URL: <https://actualcomment.ru/osnovy-rossiyskoy-gosudarstvennosti-eksperty-о-novom-uchebno-metodicheskom-posobii-2302091732.html> (дата обращения: 13.04.2023).
5. Основам российской государственности студентов начнут учить с сентября 2023 года // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/02/10/962445-osnovam-rossiiskoi-gosudarstvennosti-nachnut-uchit-s-sentyabrya> (дата обращения: 13.04.2023).
6. Петрова К. А. Рефлексия как базовый психологический механизм развития этнического самосознания личности // Омский научный вестник. 2009. № 3 (78). С. 128–131.
7. Петровская М. В., Щербаков С. В. Рефлексия как механизм развития психологической культуры личности // КПЖ. 2015. № 4–2. С. 400–403.
8. Петровский В. А. Личность в психологии: парадигма субъектности: монография. Ростов н/Д. : Феникс, 1996. 512 с.
9. Психология : словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1990.
10. Путин поручил включить в программы вузов курс «Основы российской государственности» // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/16929183> (дата обращения: 13.04.2023).
11. Рогач М. С. Стереотипизация личности // Актуальные проблемы психологического знания. 2010. № 4 (17). С. 73–79. EDN NTIIVF.

12. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии: монография. СПб. : Питер Ком, 1999. 720 с.
13. Титаренко Т. М. Жизненный мир личности: в границах и за гранью обыденности: монография. Киев : Лебелъ, 2003. 376 с.
14. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 13.04.2023).
15. Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (дата обращения: 13.04.2023).
16. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 13.04.2023).
17. Шляпина С. Ф. Педагогическое сопровождение профессионального самоопределения студентов вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тюмень, 2008. 25 с.
18. Ядов В. А. О диспозиционной регуляции социального поведения личности // Методологические проблемы социальной психологии. М., 1975.

References

1. Ananyev BG. On the problems of Soviet human studies: monograph. St. Petersburg; 2001. 263 p. (In Russ.).
2. Bekhterev VM. Immortality of the human personality as a scientific problem. *Bulletin of knowledge*, 1918;(2):2-23. (In Russ.).
3. Kostyuk GS. Educational and auxiliary process and mental development of personality: monograph. Kyiv; 1989. 608 p. (In Russ.).
4. Fundamentals of Russian statehood: experts on the new teaching aid. *Current comments*. Available from: <https://actualcomment.ru/osnovy-rossiyskoy-gosudarstvennosti-eksperty-o-novom-uchebno-metodicheskoy-posobii-2302091732.html> (date of access: 04/13/2023). (In Russ.).
5. The fundamentals of Russian statehood will begin to be taught to students in September 2023. *Vedomosti*. Available from: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2023/02/10/962445-osnovam-rossiiskoi-gosudarstvennosti-nachnut-uchit-s-sentyabrya> (date of access: 04/13/2023). (In Russ.).
6. Petrova, KA. Reflection as a basic psychological mechanism for the development of a person's ethnic self-awareness. *Omsk Scientific Bulletin*, 2009;(3):128-131. (In Russ.).
7. Petrovskaya MV, Shcherbakov SV. Reflection as a mechanism for the development of psychological culture of the individual. *KPZh*, 2015;(4-2):400-403. (In Russ.).
8. Petrovsky VA. Personality in psychology: the paradigm of subjectivity: monograph. Rostov on Don; 1996. 512 p. (In Russ.).
9. Psychology: Dictionary. Ed. by AV Petrovsky, MG Yaroshevsky. Moscow; 1990. (In Russ.).
10. Putin instructed to include the course "Fundamentals of Russian Statehood" in university programs. Available from: <https://tass.ru/obschestvo/16929183> (date of access: 04/13/2023). (In Russ.).
11. Rogach MS. Stereotyping of personality. *Current problems of psychological knowledge*, 2010;(4):73-79. EDN NTIIVF. (In Russ.).
12. Rubinstein SL. Fundamentals of general psychology: monograph. St. Petersburg; 1999. 720 p. (In Russ.).
13. Titarenko TM. The life world of the individual: within and beyond the boundaries of everyday life: monograph. Kyiv; 2003. 376 p. (In Russ.).
14. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values". Official website of the President of Russia. Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (date of access: 04/13/2023). (In Russ.).
15. Decree of the President of the Russian Federation dated July 21, 2020 No. 474 "On the national development goals of the Russian Federation for the period until 2030". Official website of the President of Russia. Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/45726> (date of access: 04/13/2023). (In Russ.).
16. Decree of the President of the Russian Federation dated July 2, 2021 No. 400 "On the National Security

Strategy of the Russian Federation”. Official website of the President of Russia. Available from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (date of access: 04/13/2023). (In Russ.).

17. Shlyapina SF. Pedagogical support for professional self-determination of university students. Thesis abstract. Tyumen, 2008. 25 p. (In Russ.).

18. Yadov VA. O dispozicionnoj regulyacii social'nogo povedeniya lichnost. In: Metodologicheskie problemy social'noj psihologii. Moscow; 1975. (In Russ.).

Информация об авторе

С. Ф. Шляпина — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук.

Information about the author

S. F. Shlyapina — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities.

Статья поступила в редакцию 02.10.2023; одобрена после рецензирования 14.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 02.10.2023; approved after reviewing 14.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 101.8

doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-86-94

СООТНЕСЕНИЕ ПОНЯТИЙ «ЦИВИЛИЗАЦИЯ» И «КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ТИП» В ТЕОРИИ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Альфия Янаховна Камалетдинова

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, allakamaletdinova@rambler.ru, ORCID 0000-0001-9631-620X

Аннотация. В научных дискуссиях в последнее время уделяют много внимания цивилизационному подходу в определении стратегии развития нашего общества. Тема «Российское государство — цивилизация» введена для изучения в учебный курс «Основы российской государственности», однако нет чёткого, научно корректного определения «цивилизации». В трёх вариантах учебных пособий предлагается в раскрытии основ цивилизационной теории обратиться к учению Н. Я. Данилевского. В последних публикациях в целях оказания методической помощи преподавателям высшей школы мы систематизируем материалы по цивилизационному подходу к определению стратегии прогрессивного движения человеческой расы. Предпримем попытку проанализировать понятийный аппарат цивилизационной теории русского философа.

Ключевые слова: цивилизация, культурно-исторический тип, религиозность, соборность, общее, особенное, законы развития

Для цитирования: Камалетдинова А. Я. Соотнесение понятий «цивилизация» и «культурно-исторический тип» в теории Н. Я. Данилевского // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 10 (480). С. 86–94. doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-86-94.

Original article

CORRELATION OF THE CONCEPTS OF “CIVILIZATION” AND “CULTURAL-HISTORICAL TYPE” IN THE THEORY OF N. YA. DANILEVSKY

Alfiya Ya. Kamaletdinova

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, allakamaletdinova@rambler.ru, ORCID 0000-0001-9631-620X

Abstract. In recent scientific discussions, a lot of time has been devoted to the civilizational approach in determining the development strategy of our society. The topic “Russian state — civilization” was introduced for study in the course “Fundamentals of Russian statehood”, however, there is no clear, scientifically correct definition of “civilization”. In three versions of textbooks, it is proposed to turn to the teachings of N. Y. Danilevsky in revealing the foundations of civilizational theory. In recent publications, in order to provide methodological assistance to higher school teachers, we systematize materials on the civilizational approach to determining the strategy of the progressive movement of the human race. Let us attempt to analyze the conceptual apparatus of the civilizational theory of the Russian philosopher.

Keywords: civilization, cultural and historical type, religiosity, conciliarity, general, special, laws of development

For citation: Kamaletdinova AY. Correlation of the concepts of “civilization” and “cultural-historical type” in the theory of N. Ya. Danilevsky. *Bulletin of Chelyabinsk State University*. 2023;(10(480):86-94. (In Russ.). doi: 10.47475/1994-2796-2023-480-10-86-94.

Постановка проблемы

Современное состояние научного знания о стратегии развития человечества настоятельно требует детальной проработки методологических подходов к постановке проблемы. Из ярких и глубоких научных изданий последних лет обращает на себя внимание книга академика А. В. Смирнова «Всечеловеческое vs. общечеловеческое» [1], в которой проанализированы универсалистский, логико-смысловой и цивилизационный подходы к пониманию культуры. Никакое развитие невозможно, если работать на уровнях: силовых, политических, социально-экономических (пример с Сирией), если не будет задействован четвёртый, культурно-цивилизационный уровень, пропагандирующий самобытную, независимую модель государственного устройства.

Академик А. В. Смирнов детально рассматривает в качестве оснований для определения методологических подходов теорию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, определившего противоречие между низовой (славяно-филы) и верховой (западники) уровнями культуры. Творческая элита утратила способность перерабатывать низовую (коренную) в высокую (элитную) культуру. Главное здесь — способность к рефлексии и активно преобразующей переработке готовых образцов культуры в качестве нормативных образов и инструментария. Главная черта творческой элиты — способность «претворять низкое в высокое», то есть единичное переводить во всеобщее. А. В. Смирнов считает, что главная проблема русской интеллигенции заключается в её неспособности абстрагироваться, подниматься до высот всеобщего (общего). Готовый образ приводит свободную российскую мысль к застою, копированию чуждых форм инородной культуры.

Академик А. В. Смирнов видит миссию российских учёных в определении логики развития национальной культуры и выделении отличительных признаков разных культур (европейских, арабских и т. д.). Разрешив эту проблему, мы сможем научно корректно обосновать стратегию развития России, её место и роль в поступательном развитии человечества в общем, россиян в частности. Глубину мирового идеологического раскола можно рассмотреть сквозь призму культурно-цивилизационных факторов. Рассмотрим более детально теорию культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского.

К определению сущности культурно-исторических типов

Н. Я. Данилевский в основном труде «Россия и Европа» (1869) аргументированно и последовательно развивает теорию «культурно-исторических типов» (КИТ) человечества, а также законы движения. В научной литературе, посвящённой творчеству Н. Я. Данилевского и цивилизационному подходу к пониманию истории человечества, существует устойчивое понимание, с лёгкой руки философа В. С. Соловьёва, что авторство принадлежит профессору университета г. Бреслау, немецкому историку Генриху Рюккерт (Учебник мировой истории в органическом изложении, 1857). Российский издатель Н. Н. Страхов признаётся, что во многом это недостоверное понимание вклада двух мыслителей в теорию цивилизаций спровоцировал он своим неосторожным замечанием. «Так как мысль о культурно-исторических типах внушается самими фактами истории, то зачатки этой мысли можно встретить у других писателей; укажем на Генриха Рюккерта, составившего самый глубокомысленный из всех существующих обзоров всеобщей истории (Lehrbuch der Weltgeschichte, Leipzig, 1857. 2 B-d.). Но один Н. Я. Данилевский оценил всё значение этой мысли и *развил её* с полной ясностью и строгостью» [2. С. 4]. Научно некорректную подмену «культурных рядов» Г. Рюккерта «культурно-историческими типами» Н. Я. Данилевского подхватил В. С. Соловьёв, а затем другие исследователи.

Н. Н. Страхов, частый собеседник Н. Я. Данилевского, высказал мысль, что для развития человечества, наверное, не так важно утверждение первенства высказанной теории или оригинальной мысли, сколь значима сущность идеи. Понятен порыв книгоиздателя раскрыть сущность теоретических выводов Н. Я. Данилевского в культурно-историческом контексте того времени. Новые идеи — всегда порождение достижений предшествующих периодов. Н. Н. Страхов отметил обобщающий характер изложения истории немецким профессором Г. Рюккертом в «...книге, единственной в своём роде, именно *содержащую в большой полноте не факты, а одни общие взгляды* на все области и периоды истории» [2. С. 3]. Для внесения ясности в спорный вопрос приоритетности применения «культурно-исторических типов» книгоиздатель приводит переводы В. С. Соловьёва (как ему кажется, не совсем точный) и свой.

В работе «Национальный вопрос в России» В. С. Соловьёв пишет: «Исключительное понятие о существовании и праве одного единственного культурного типа (*Culturtypus*) опровергается уже самым опытом, который находит в прошедшем и настоящем — а следовательно, до некоторой степени уполномочивает ожидать и в будущем — существование и независимую совместность многих таких типов. С некоторой высшей точки зрения уже оказалось (для нас) правомочие различных культурных типов на относительно вечное существование...» [3. С. 554]. Н. Н. Страхов, полемизируя с философом В. С. Соловьёвым, уточняет: «...Перевод этот требует маленьких поправок. <...> слово *Culturtyp* лучше переводить *тип культуры*, а не *культурный тип*. Рюккерт утверждает возможность различных типов культуры. Далее почему-то в переводе выпущено слово *великий*; Рюккерт говорит не просто об «одном-единственном типе культуры», а о «некотором единственном великом типе культуры». <...> Из этих слов видно, что «типы культуры», о которых говорит Рюккерт, вовсе не то, что «культурно-исторические типы» Данилевского» [2. С. 7]. Г. Рюккерт предполагает наличие «великого» европейско-христианского типа культуры, остальные типы (предположительно их три: китайская, индийская и арабская) существуют «один возле другого». Универсального типа культуры (категория всеобщего) у немецкого профессора не существует, есть типы культуры как проявление особенного, не взаимодействующие друг с другом.

Мы привели почти дословно два варианта перевода, которые помогают нам закрепить авторство Н. Я. Данилевского относительно применения понятия «культурно-исторические типы» («Россия и Европа», глава V. «Культурно-исторические типы и некоторые законы их движения и развития»). По мнению Н. Н. Страхова, все культурно-исторические типы подчиняются общим законам движения, имеют начало и конец, приходят на смену друг другу, наследуя отдельные достижения.

Николай Яковлевич Данилевский в своём фундаментальном труде выделяет пять законов поступательного движения: «Закон 1. Всякое племя или семейство народов, характеризующееся отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, — для того чтобы сродство их ощущалось непосредственно, без глубоких филологических изысканий, — составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно

вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает её для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествовавших или современных цивилизаций.

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда только достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, — когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию, или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределённо продолжителен, но период цветения и плодоношения — относительно короток и истощает раз и навсегда их жизненную силу» [курсив мой. — А. К.] [4. С. 113–114].

Первые законы раскрывают качественную характеристику культурно-исторических типов через самобытность и независимость. Третий закон описывает алгоритм взаимодействия разных культурно-исторических типов, акцентируя внимание на невозможности формального усвоения сущностных начал. Философ приводит случаи поверхностного взаимодействия нескольких культурно-исторических типов. Наиболее показателен следующий тезис: «Не видно, чтобы у какого-либо народа неегипетского происхождения принялась египетская культура; индийская цивилизация ограничилась народами, которые говорили языками санскритского корня» [4. С. 116]. В основание юридического закона был положен обычай организации человеческого общежития гражданами Римской империи, впоследствии представляющий непревзойдённую стройную систему римского права, обеспечивающего самобытность и уникальность римской цивилизации. Передать, копировать свои достижения римляне не смогли даже с мечом. «Они уничтожили зачатки самобытной культуры там, где она была

(как, например, в друидической Галлии, на место их завели города, как бы колонии римской жизни и римского быта, но *нигде не возбудили цивилизации*, которая, сложившись из народных элементов (галльских, иберийских, иллирийских, нумидийских и других), имея своим органом национальный язык, приняла бы римскую форму и римский дух» [4. С. 120]. Сообщества и племена, находящиеся рядом с «великой» цивилизацией, не развивают национальную самобытность и не проникаются чуждой им культурой, в результате теряют свою самобытность и политическую силу. Приводя в пример племя готов, Н. Я. Данилевский выдвигает предположение, что должно пройти несколько столетий, чтобы можно было воспользоваться плодами ушедшей цивилизации, как результатами культурного развития человечества, но не её истоками. Культурные «начала» чаще всего искажаются, подменяются другими, но не гарантируют рождение нового культурно-исторического типа. Мудрец и законодатель Феодорик дал еврейскому народу совет на все времена «не вступать в тесные сношения с окружавшими его народами (стоявшими на высшей точке культуры), дабы вместе с заимствованием обычаев и нравов не потерять своей самобытности» [4. С. 121].

В чём же уникальность взаимодействия между разными культурно-историческими типами? Преимущество у преемственных типов, локальные (уединённые) в этом противоборстве в чём-то уступают первым. «Цивилизация» не может быть усвоена просто механической передачей культурных достижений. Н. Я. Данилевский среди способов передачи цивилизации приоритет отдал колонизации, ссылаясь на влияние финикийцев на Карфаген, греков — на Сицилию и Южную Италию, англичан — на Австралию и Северную Америку. Если идти по этому пути, то возникает соблазн навязать общую цивилизацию всем остальным народам, «...чтобы других народов, кроме выработавших эту общечеловеческую цивилизацию, вовсе не было» [4. С. 122]. Современная действительность подтверждает предположения, сделанные Николаем Яковлевичем, лишая народы и государства политической независимости и самобытности. Носители общечеловеческой культуры, каковыми считают себя страны «золотого миллиарда», нивелируют, обезличивают другие этносы.

Второй способ перенесения цивилизации на ниву культурно-исторического типа — это «прививка», хотя она носит искусственный, чу-

жеродный характер, не обогащая государства в культурном аспекте. Третьим способом, наиболее эффективным, выступает освоение результатов чужеродного опыта, представленного «выводами и методами положительной науки, техническими приёмами и усовершенствованиями искусств и промышленности» [4. С. 123], который, в свою очередь, не может существенно повлиять на родовое, самобытно национальное. Обратим внимание, что в данном случае цивилизация решает свои частные задачи, несколько не заботясь о перспективах развития используемого ею культурно-исторического типа. Четвёртый способ переноса цивилизации на почву других культурно-исторических типов — это создание разнообразных внешних условий, влияющих на многообразие составных элементов. Пример исторического развития Греции, Германии подтверждает жизненность и полноту культурно-исторического типа, представленную этнографическим, политическим, лингвистическим разнообразием. Перечисленные способы описывают алгоритм усвоения цивилизации как ступени развития разными культурно-историческими типами.

Анализируя главу V «Культурно-исторические типы и некоторые законы их движения и развития» книги «Россия и Европа», не всегда уделяем внимание утверждению Н. Я. Данилевского о том, что «культурно-исторический тип есть понятие, *подчинённое* в отношении к человечеству, и, следовательно, должен подчинять свои интересы и стремления *общим интересам человечества*» [4. С. 126]. Структурно предлагается отнести человечество к категории всеобщего, а культурно-исторический тип (например, европейский) — к категории общего, культуру страны — к категории особенного. Замечание, что «европейский интерес» может объединять несколько стран вне зависимости от государственных интересов, высказанное более 150 лет назад, находит своё подтверждение в современных реалиях. «Таким образом, если та группа, которой мы придаём название культурно-исторического типа, и не есть абсолютно высшая, то она, во всяком случае, высшая из всех тех, интересы которых могут быть сознательными для человека, и составляет, следовательно, последний предел, до которого может и должно простираться подчинение низших интересов высшим, пожертвование частных целей общим» [4. С. 129]. Руководствуясь таким подходом, европейский культурно-исторический тип был возведён в ранг всеобще-

го, декларативно рекомендуемого как идеальный к заимствованию.

Думается, для понимания своеобразия теории Н. Я. Данилевского очень показателен четвёртый закон, определяющий «цивилизацию» в качестве ступени развития культурно-исторического типа. Можно напомнить, что русский мыслитель не считал цивилизацию «высшей точкой развития». Универсального (общечеловеческого) культурно-исторического типа не может быть, есть локальные цивилизации, представленные *египетским, ассиро-вавилонско-финикийским, китайским, еврейским, греческим, римским, германо-романским типами и начинающим оформляться славянским типом*. Начала одного культурно-исторического типа редко усваиваются сущностно (интеграция) другим культурно-историческим типом. Перенимая достижения цивилизационного уровня отдельного культурно-исторического типа, человечество, подтягивая определённый уровень культурного, научного, экономического, технологического и других уровней цивилизационного развития, тем не менее не влияет на изменение культурно-исторического типа, фиксируемого в качестве особенного, уникального. В теории Н. Я. Данилевского в центр развития человеческой истории помещена *культура*, в которой выделяется приоритетность культурного фактора перед религиозным, этническим, языковым. Выскажем мнение, что происходящая в современной науке подмена понятия «культурно-исторический тип» понятием «цивилизация» не совсем правомочно, более того, приводит нас к формулированию некорректных выводов. Используя термин «цивилизация», чаще всего мы подразумеваем количественную совокупность определённого уровня поступательного развития человечества. По этим ступеням восхождения могут двигаться любые культурно-исторические типы. Упоминая «культурно-исторические типы», думаем о качественной характеристике уникальных культур (особенное), которые, взаимодействуя, не перенимают друг у друга сущностных начал.

Формулируя пятый закон исторического развития, Н. Я. Данилевский утверждает, что период «цивилизации» краток и не повторяется вновь. «Под периодом цивилизации разумею я время, в течение которого народы, составляющие тип, — вышед из бессознательной чисто *этнографической формы* быта <...>, создав, укрепив и оградив своё внешнее существование как самобытных *политических единиц* <...>, — проявляют

преимущественно свою *духовную деятельность* во всех тех направлениях, для которых есть залог в их духовной природе не только в отношении науки и искусства, но и в практическом осуществлении своих идеалов *правды, свободы, общественного благоустройства и личного благосостояния*» [4. С. 134]. Завершается цивилизация, когда гаснет огонёк творческой деятельности. Таким образом, период существования цивилизации непродолжителен, а время, предшествующее ей, может длиться тысячелетия. Именно в этнографический период отбираются элементы, которым в будущем предстоит характеризовать уникальную неповторимость культурно-исторического типа.

А. В. Смирнов утверждает, что проблема противостояния России и Европы, поставленная Н. Я. Данилевским, всё так же актуальна и не решена на философском уровне, не подкреплена глубоким научным (логическим) анализом. Методологически академик А. В. Смирнов предлагает рассматривать противостояние следующим образом. «Подлинно научное, свободное от идеологических натяжек и переключётов обсуждение этой проблемы возможно только в свете теории трёх уровней идентичности: национального, регионального и мирового...» [1. С. 123], то есть особенного — общего — всеобщего. Согласно с А. В. Смирновым: Евросоюз [см. 1. С. 123] — не культурно-исторический тип, а нечто другое, наднациональный (вне наций и национальной экономики) надгосударственный социальный институт.

Попытаемся очертить образ европейской цивилизации (КИТ) в понимании Н. Я. Данилевского. Первый признак — её агрессивно-захватнический характер, желание тиражировать свою культуру и влияние на весь мир, претендуя на всеобщность. «В этом смысле антиевропеизм Данилевского носит оборонительный характер. Иначе говоря, идея противостояния Европе — это не идея отрицания Европы, а идея обороны от её экспансионизма» [1. С. 124]. «Россия <...> она — не только гигантски-лишний, громадный исторический плеоназм, но даже положительное, весьма трудно преодолимое препятствие к развитию и распространению настоящей общечеловеческой, т. е. европейской или романо-германской, цивилизации» [1. С. 125]. Почему Россия — плеоназм? Россия — наследница европейской цивилизации в применении научных и технологических достижений, но это не изменило сущность славянского культурно-исторического типа.

Философ А. В. Смирнов критически воспринимает оценку славянской цивилизации и её особой миссии, представленную Н. Я. Данилевским в его теории культурно-исторических типов. Современный европейский мир в самооценке воспринимает себя (национальный уровень) в качестве выразителя регионального и мирового уровней. Этим же грешил и Н. Я. Данилевский. А. В. Смирнов предупреждает современников в оценке цивилизаций разного уровня от претензий на выражение отдельной национальной цивилизации интересов мировой. Это настоящий философский анализ. Европейская цивилизация, оставаясь национальной, выражает региональный уровень (Евросоюз — одни экономические проблемы, близкая география и климат, родство социально-политического устройства и т. д.). Но может ли цивилизация регионального уровня претендовать на уровень общемировой? Для этого представим противостояние европейской и арабо-мусульманской цивилизаций. Общеευропейский уровень — это региональный уровень.

Это большое достижение А. Смирнова, что в теории культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского он особое внимание уделил четвёртому закону исторического развития с акцентом на различии первого и второго уровней идентичности. Он рассматривает закон политической самобытности и независимости как вариативный исторический закон, а не как инвариант развития. Политическая самостоятельность отдельного государства не для всех стран выступает в качестве необходимого и достаточного. В случае исламского халифата этот закон не работает.

Следует обратить внимание на соотношение второго и третьего уровней идентичности в первоисточнике Н. Я. Данилевского. Европейцы второй уровень своей идентичности (региональный) принимают и выдают за третий уровень (общечеловеческий), поэтому у них нет проблем с соотношением второго и третьего уровней идентичности. Исламская трактовка мира сводится к делению на три региона с особенной идентичностью для каждого региона. Идентичность собственно «исламского» мира не может совпадать с идентичностью «прочего мира». И, конечно, особенная идентичность в «пограничном» регионе. Доказательством этого может служить территория современного палестино-израильского конфликта. Н. Я. Данилевский описывает славянский культурно-исторический тип как локальный (региональный), не претендующий на уровень общече-

ловеческого. Надо определиться с объяснением сущности России. Как мы воспринимаем этот феномен? Пытаемся выделить основания для описания сущности России.

Отличие начинается с понимания церкви: в западной ветви христианства — непогрешимость папы римского, провозглашающего истины, а в православной традиции — истина как всеобщая (всесубъектная) категория соборности. В идее православной соборности значимы все. А. В. Смирнов обоснованно разделяет православие и католицизм по разделу всесубъектности (соборность) и власти субъекта (папы римского). В основе отдельных культурно-исторических типов лежит истина как всесубъектность (Россия) и субъектно-ориентированная истина (Европа). Таким образом, Россия не Европа.

Академик выделил в качестве существенного признака отличия европейской культуры от восточно-славянской подмену соборности (всесубъектности) на субъектность единоличную (власть Папы). Это же он отразил в расколе православной церкви (титул «вселенского» у Константинопольского епископа).

И снова мы встречаемся в его рассуждениях с неоднозначной трактовкой результатов деятельности Петра I. В них А. В. Смирнов увидел попытку огосударствления церкви, когда идея всесубъектности заменяется на субъектность одного. Понятно, что во многом это определяется личностью Петра-реформатора и реальными культурно-историческими предпосылками. Второй аспект, на который обращает внимание А. В. Смирнов, — это вопрос о подмене сущности «соборности». Освободим себя от каких-либо замечаний по этому поводу, опираясь на компетентное мнение В. Н. Ильина и А. В. Смирнова. Выскажем только мнение, что на большую часть населения Российской империи это явление оказало существенное влияние. Однако если мы вспомним, что Россия всегда была поликонфессиональной, то приходится принимать во внимание, что внутренние религиозные метаморфозы на представителей других конфессий, принятых в империи, не оказали столь существенного влияния. Мы говорим о различных признаках, влияющих на развитие российской культурной идентичности. Признаком славянского (русского) культурно-исторического типа с полным основанием выступает соборность, поскольку выражает суть общего.

В сопричастии и есть смысл православной церкви. Именно из-за этого утверждения мы

и отказываемся высказывать субъективное мнение на влияние этого фактора в качестве необходимого на прогрессивное развитие российской идентичности. «Церковь Православная, при сохранении таинства священства и принципа иерархичности, не знающая разделения на церковь господствующую и на мирян, а потому в богослужении имеющая поистине общее действие» [1. С. 132]. Академик А. В. Смирнов как бы прочитывает наше сомнение и утверждает, что если «соборность» идентична всесубъектности, то, избавляясь от православной трактовки этого понятия, необходимо найти светский, всеобъемлющий аналог. Он нас как бы предупреждает об опасности отождествления «русского мировоззрения, России — и православия».

В религиозной трактовке соборности понимается совокупность благодати, в философской — всесубъектность, «когда каждый является неутрачиваемым субъектом» [1. С. 132]. Академик А. В. Смирнов настоятельно рекомендует вычлени из религиозного культурную составляющую, так как современная Россия не является монорегионой страной. Более того, необходимо учитывать мировоззренческую и поликонфессиональную составляющие. Это можно наблюдать на отдельных страницах учебных пособий по «Основам российской государственности», особенно, если это относится к третьему разделу. Всесубъектность в данном случае выражает фокусированную энергичность.

Выделяя четыре «оси» культурно-исторических типов, Н. Я. Данилевский в отличие от А. Тойнби не считал религию конституирующим началом культурно-исторического типа. Религия у него, хотя и стоит на первом месте, является частью культуры, понимаемой достаточно широко. Большая заслуга Н. Я. Данилевского (последователя традиционного православия) заключается в том, что православная религия не является определяющим фактором в России, представляющей поликонфессиональное государство.

Характерный признак цивилизации — политическая независимость культурно-исторического типа. В такой интерпретации цивилизация — это определённый этап возвышения культурно-исторического типа. Цивилизация и культурно-исторические типы не синонимы. «Начала», положенные в основание каждой культуры, не взаимодействуют у разных культурно-исторических типов, а могут усваиваться только достижения, то есть конечные продукты культурного развития. До-

стижения могут усваиваться формально или поверхностно, особенно не затрагивая сущностную сторону культуры того или иного этноса. По четвертому закону каждый культурно-исторический тип неизбежно по ступеням восхождения приходит к «цивилизации», период существования которой ограничен по времени.

По пятому закону Н. Я. Данилевского, когда культурно-исторический тип вступает в стадию цивилизации, этот период непродолжителен и всегда заканчивается смертью. Неожиданная оценка реформ Петра позволяет нам подвергнуть сомнению утверждение, что, усвоив научные и технологические достижения (результаты) Европы, Россия стала представлять европейскую цивилизацию. Только начала, а не достижения задают логику стратегического развития определённого культурно-исторического типа.

Можно познать культурно-исторический тип на уровне знания о её специфических особенностях (признаках), но для принятия его на уровне сущности надо, чтобы носители культурно-исторического своеобразия владели ею на уровне подсознательного, интуитивного.

Резюме

Анализируя законы, выделенные Н. Я. Данилевским в его фундаментальном труде, установим их приоритетность: *уникальность культурно-исторического типа; политическая независимость; взаимосвязь между цивилизациями на стадиях адаптации и интеграции; сопряжение цивилизации и культурно-исторических типов; продолжительность периодов становления и расцвета*. При соблюдении отмеченных законов отдельный культурно-исторический тип *эффективен, созидателен*, а главное, *жизненен*. В мировой практике реализация на просторах Евросоюза продвижения цивилизационной формы европейско-христианского культурно-исторического типа как общечеловеческой, оформленной для обывателей идеей глобализации, терпит фиаско. Возможно потому, что в социальном развитии не соблюдались законы сохранения политической независимости и самобытности национальной культуры. В результате недооценка мировым сообществом роли самобытного культурного развития приводит к угасанию цивилизаций. Идеальный культурно-исторический тип — тот, в котором сохранность и творческое воспроизводство самобытных национальных начал, отражающих общее, реализуется в особенном. Позволим предположить, что в определении стратегии поступа-

тельного движения вперёд России необходимо акцентировать внимание скорее на сохранении и креативном воспроизводстве российского культурно-исторического типа, а не на цивилизационном становлении. России не надо утверждать и защищать свой цивилизационный статус, она уже давно находится на цивилизационной ступени развития. Как не вспомнить слова Н. Я. Данилевского: «...период цивилизации есть время растраты — растраты полезной, благотворной, составляющей цель самого собирания, но всё-таки растраты; и как бы ни был богат запас сил, он не может наконец не оскудеть и не истощиться...». Несколько строками ниже он приходит к диалектическому выводу: «...прогресс останавливается, ибо бесконечное развитие, бесконечный прогресс в одном и том же направлении (а ещё более — во всех направлениях разом) есть очевидная невозможность» [4. С. 133]. Исследовательская задача для философствующих умов — предложить согражданам и мировому сообществу модель качественной другой ступени восхождения человечества.

Список источников

1. Смирнов А. В. Всечеловеческое vs. Общечеловеческое. 2-е изд., стер. М. : Садра, 2022. 216 с.
2. Страхов Н. Н. Исторические взгляды Г. Рюккerta и Н. Я. Данилевского. URL: n.-n.-strahov.-istoricheskie-vzglyady-g.-ryukkerta-i-n.-ya.-danilevskogo.docx — Яндекс Документы (yandex.ru). (Дата обращения 29.10.2023).
3. Соловьёв В. С. Счастливые мысли Н. Н. Страхова // Соч. в двух томах. Т. 1: Философская публицистика. М. : Правда, 1989. 688 с.
4. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / сост. и коммент. Ю. А. Белова ; отв. ред. О. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2008. 816 с.
5. Камалетдинова А. Я. Формационное единство цивилизаций // Вестник Челябинского государственного университета. 2022. № 8 (466). С. 80–84.
6. Камалетдинова А. Я. Цивилизационно-формационный подход как методология стратегия развития России // Мировоззренческие основания культуры современной России : сборник научных трудов XIV Международной научной конференции, 11–12 мая 2023 г., г. Магнитогорск / под общ. ред. В. А. Жилиной. Магнитогорск : Изд-во Магнитогор. гос. техн. ун-та им. Г. И. Носова, 2023. С. 56–61.
7. Камалетдинова А. Я. Систематизация основных подходов к проблеме «цивилизация» // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 4 (474). С. 102–108.

References

1. Smirnov AV. Vsechelovecheskoe vs. Obshchechelovecheskoe. 2nd ed. Moscow; 2022. 216 p. (In Russ.).
2. Strahov NN. Istoricheskie vzglyady G Ryukkerta i NYa. Danilevskogo. Available from: n.-n.-strahov.-istoricheskie-vzglyady-g.-ryukkerta-i-n.-ya.-danilevskogo.docx — YAndeks Dokumenty (yandex.ru). (Accessed 29.10.2023). (In Russ.).
3. Solov'ev VS. Schastlivye mysli NN Strahova. In: Sochineniya v 2 tomah. Tom 1. Filosofskaya publicistika. Moscow; 1989. 688 p. (In Russ.).
4. Danilevskij NYa. Rossiya i Evropa. Vzglyad na kul'turny'e i politicheskie otnosheniya slavyanskogo mira k germano-romanskomu. Ed. by O. Platonov. Moscow; 2008. 816 p. (In Russ.).
5. Kamaletdinova AYa. Formacionnoe edinstvo civilizacij. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022;(8(466)):80-84. (In Russ.).
6. Kamaletdinova AYa. Civilizacionno-formacionny'j podxod kak metodologiya strategiya razvitiya Rossii. In: Mirovozzrencheskie osnovaniya kul'tury' sovremennoj Rossii: sbornik nauchny'x trudov XIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, 11–12 maya 2023 goda, Magnitogorsk. Ed. by VA Zhilina. Magnitogorsk; 2023. Pp. 56–61. (In Russ.).
7. Kamaletdinova AYa. Sistematizaciya osnovny'x podxodov k probleme «civilizaciya». *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023;(4(474)):102-108. (In Russ.).

Информация об авторе

А. Я. Камалетдинова — кандидат педагогических наук, доцент кафедры философии.

Information about the author

A. Ya. Kamaletdinova — Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy.

Статья поступила в редакцию 28.09.2023; одобрена после рецензирования 15.10.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted 28.09.2023; approved after reviewing 15.10.2023; accepted for publication 15.10.2023.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.



MONTIBVSELSIN
IOIACBATCOR
CRDELISLEXINI
CARMINLNOTRI
REFORMFONVN
MONTIBVSELSIN
IOIACBATCOR
CRDELISLEXINI
CARMINLNOTRI